

Генрих Джейне

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Генрих Тейне

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Под общей редакцией

**Н. Я. БЕРКОВСКОГО, В. М. ЖИРМУНСКОГО,
Я. М. МЕТАЛЛОВА**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1957

Генрих Тейне

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том
2

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭМЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1957

Редакция переводов и комментарии
Н. Я. БЕРКОВСКОГО

Перевод с немецкого

**НОВЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

НОВАЯ ВЕСНА

ПРОЛОГ

Чуть не в каждой галерсе
Есть картина, где герой,
Порываясь в бой скорее,
Поднял щит над головой.

Но амурчики стащили
Меч у хмурого бойца
И гирляндой роз и лилий
Окружили молодца.

Цепи горя, пути счастья
Принуждают и меня
Оставаться без участия
К битвам нынешнего дня.

1

В белый сад выходишь утром, —
Свищет ветер над землею,
Смотришь, как несутся тучи,
Облекая небо мглою.

И луга и роци голы,
И кругом — зима седая,

И в тебе зима, и сердце
Цепенеет, замерзая.

Вдруг — ты весь обсыпан белым,
Точно хлопьями метели.
Озираешься сердито:
На деревьях снег в апреле!

Но не снег ты белый видишь.
О, как сладко сердцу стало!
То тебя весенним цветом
Забросало, закидало.

И повсюду — что за чудо! —
Снег цветет весенней новью,
Юный май сменяет зиму,
И душа горит любовью.

2

Счастьем девственным томимы,
Расцветают лес и нивы,
И смеется в небе солнце, —
Ты явился, май счастливый!

Соловей! И ты, я слышу,
Вновь поешь в блаженной муке
Нежно-горестные песни,
И любовь — в их каждом звуке.

3

Весенней ночи прекрасный взор
Так кротко меня утешает:
«Любовь обрекла тебя на позор
И вновь тебя возвышает».

На липе молодой поет
Так сладко Филомела;
Мне в душу песнь ее течет, —
И, ширясь, душа запела.

4

Люблю я цветок, но не знаю, который;
 Томлюсь, грущу;
 Склонив в цветочный венчик взоры,
 Сердца ищу.

Благоухают цветы на склоне
 Угасшего дня;
 Ищу я сердца еще влюбленной,
 Чем у меня.

Поет соловей, и слышу в пенье
 Подавленный стон.
 И плачу я, и он в томленьи,
 И я и он.

5

Вот май опять повеял,
 Цветы зацвели и лес,
 И тучки, розовея,
 Плывут в синеве небес.

И соловьев раскаты
 Опять зазвучали в листве,
 И прыгают ягнята
 В зеленой мураве.

Прыгать и петь не могу я,
 Я лег, больной, в траву;
 Далекий звон слежу я,
 Я грежу наяву.

6

Тихо сердца глубинь
 Звоны пронизали.
 Лейся, песенка весны,
 Разливайся дале,

Ты пролейся, где цветы
Расцветают томно.
Если розу встретишь ты —
Ей привет мой скромный.

7

Как страстно в розу влюблен мотылек,
Кружит и порхает вокруг;
А солнечный луч в мотылька влюблен,
Золотой неотступный друг.

А роза — в кого влюблена она?
О ком вспоминает с тоской?
О трелях сладостных соловья?
О вздохе звезды немой?

Не знаю... Я тоже влюблен, но кто
Владеет любовью моей?
Все вместе: роза, звезда, мотылек,
Луч солнца и соловей.

8

Все деревья зазвучали,
Гнезда все запели вместе, —
Кто ж, однако, капельмейстер
В этом девственном оркестре?

Или важный серый чибис?
Он кивает носом вечно.
Или тот педант, который
В тон кукует безупречно?

Или аист? Он серьезно,
Как заправский дирижер,
Длинной хлопает ногою,
Направляя общий хор,

Нет, уселся капельмейстер
В сердце собственном моем,
Чувствую, как такт он держит, —
Узнаю Амура в нем.

9

«И был вначале соловей,
Он спел: «цивит! цивит!» — и вдруг
Весной повеяло с полей,
Расцвел и сад, и лес, и луг.

Он клюнул в грудь себя, и там,
Где обогрела землю кровь.
Зарделись розы, и цветам
Запел он песню про любовь.

И счастье в птичий мир принес
Он кровью ран своих, но в год,
Когда умолкнет песня роз,
Наверно прахом мир пойдет». —

Так воробьенку воробей
Внушает мудрость, а жена
Сидит, как подобает ей,
На яйцах, важности полна.

Она — жена, хозяйка, мать,
И полон рот хлопот у ней.
Старик лишь годен обучать
Закону божьему детей.

10

Весенней ночью, в теплый час
Так много цветов народилось!
За сердцем нужен глаз да глаз,
Чтоб снова оно не влюбилось.

Теперь который из цветов
Заставит сердце биться?
Всяят мне напевы соловьев
Лилии сторониться.

Грозит беда, набат раздается,
И — ах! — я голову теряю!
Весна и два красивых глаза,
Вы против меня в заговоре, знаю!

Весна и два красивых глаза
Внушат мне новую глупость вскоре!
Я думаю, что соловьи и розы
Весьма замешаны в их заговоре...

Ах, я слез любовных жажду,
Жажду нежно-скорбных снов
И боюсь, что эту жажду
Утолю в конце концов.

Ах, небесной муке сладкой
Вновь любовь открыла путь,
Яд любви проник украдкой
В неокрепнувшую грудь.

Глаза весны синеют
Сквозь пещную траву.
То милые фиалки,
Из них букет я рву.

Я рву их и мечтаю,
И вздох мечты моей
Протяжно разглашает
По лесу соловей.

Да, все, о чем мечтал я,
Он громко разболтал;
Разгадку нежной тайны
Весь лес теперь узнал.

Только платьем мимоходом
 До меня коснешься ты —
 По твоим следам несутся
 Сердца бурные мечты.

Обернешься ты, вперится
 Глаз огромных синева —
 С перепугу за тобою
 Сердце следует едва.

Из вод подымая головку,
 Лилея в раздумье глядит;
 С высот улыбаясь, месяц
 К ней тихой любовью горит.

Лилея стыдливо склонила
 Головку к зеркалу вод, —
 А он уж у ног ее, бледный,
 Трепещет и блеск свой льет.

Если только ты не слеп,
 Погляди в мои напсы:
 Ты увидишь, там блуждает
 Дивный образ юной девы.

Если только ты не глух,
 Услыхать и смех сумеешь,
 От ее вздыханья, пенья
 Сердцем, бедный, поглупеешь.

Взором, голосом ее,
 Как и я, обвороженный,
 Будешь ты в мечтах весенних
 По лесам бродить влюбленный.

Что ночью весенней носишься ты?
 Ты свел совсем с ума цветы,
 Фиалки перепугались!
 И розы все от стыда красны,
 И лилии все как смерть бледны,
 Робеют, поникли и сжались!
 О месяц, сколько ханжества
 В семье цветов! Но она права, —
 Достоин я наказания!
 А кто же знал, что они следят,
 Как я, восторгом любви объят,
 Звездам поверял мечтанья?

В глазах твоих синих-синих
 Я ласковый свет уловил,
 И вот стою как в тумане,
 И слово сказать нет сил.

Твои глаза синеют
 Всегда и везде предо мной, —
 И синие-синие мысли
 Меня захлестнули волной.

Снова сердце покорилось,
 Гнев и злоба — все минуло;
 Снова нежных чувств истому
 Ты, весна, в меня вдохнула.

По искоженным аллеям
 Снова день и ночь слоняюсь
 И под каждой женской шляпкой
 Милый лик найти стараюсь.

На мосту торчу я снова
 Над зеленою рекою, —

Может быть, проедет мимо,
Переглянется со мною.

Снова в шуме водопада
Тихим жалобам внимаю,
Разговоры белых струек
Чистым сердцем понимаю.

И в мечтах блуждаю снова
По тропинкам потаенным
И кажусь кустам и птицам
Дураком опять влюбленным.

20

Пусть роза пахнет, — разве ощущает
Она свой аромат? И соловей —
Сам чувствует ли он, что в нас рождает
Звучаньем песни сладостной своей?

Не знаю я. Но часто правда злая
Мешает нам! Пусть розу с соловьем
Обманывают чувства, — ложь такая
Нам кажется уместной кое в чем.

21

Тебя люблю я, — неизбежна
Разлука наша, — не сердись!
Цветущий образ твой и нежный
И мой печальный — не сошлись!

Да, от любви к тебе я вяну,
Я тощ и бледен стал, — взглядишь!
Тебе я вскоре гадою стану, —
Я удаляюсь, — не сердись!

22

Гуляю меж цветами
И сам цвести могу;

Как сонный, спотыкаюсь
Почти на каждом шагу.

Держи меня, голубка!
Пожалуй, с пьяных глаз
К твоим ногам свалюсь я, —
А в саду ведь народ как раз.

23

Как луна дрожит на лоне
Моря, полного тревогой,
А сама, ясна, спокойна,
Голубой идет дорогой, —

Так, любимая, спокойна
И ясна твоя дорога,
Но дрожит твой образ в сердце,
Потому что в нем тревога.

24

Альянс священный прочно
Связал нам теперь сердца:
Прижавшись тесно, друг друга
Постигли они до конца.

Ах! Жаль, что юной розой
Украсила ты грудь,
Союзница бедная наша
Едва могла вздохнуть.

25

Скажи, кто открыл нам времени счет,
Придумал часы и измерил год?
То хмурый был, зябкий чудак, — за столом
Сидел он в зимние ночи с пером,
Считал — и слушал, как мыши пищали
Да как сверчки монотонно трещали.

А кто открыл поцелуям счет?
Блаженный, влюбленный, смеющийся рот,
И он не раздумывал — он целовал,
Кругом волшебный май ликовал,
Цветы расцветали, луга зеленели,
Сияло солнце, и птицы пели.

26

Ах, как сад благоухает!
Как, осыпав синий полог,
Блещут в небе золотые
Звезды — рой пугливых пчелок!

Сквозь листву каштанов смотрит
Домик, ярко освещенный.
Кто-то тихо скрипнул дверью,
Слышу голос приглушенный.

Нежный трепет, робкий шепот,
Первой ласки жар невинный...
Ярче рдеет роз румянец,
Звонче рокот соловьиный!

27

Сон ли прежний я лелею,
Вновь зову мечту былую,
Вижу снова ту аллею,
Верю клятвам, поцелую?

Так же смотрит серп двурогий
К нам в беседку с небосвода,
Те же мраморные боги
На часах стоят у входа.

Ах, я знаю, нас обманут
Слишком радостные грезы,
И в снегах сердца увянут,
И умрут от стужи розы,

И остынем неизбежно
И простимся без возврата
Мы, любившие так нежно,
Мы, пылавшие когда-то.

28

Поцелуями в потемках
Обменяться, не дыша, —
Сколько счастья в этом видишь
Ты, влюбленная душа!

И твое воображенье
Разгорается притом,
День грядущий прозревая,
Вспоминая о былом.

Но рискованно, целуясь,
Слишком много размышлять...
Лучше плакать, друг мой милый,
Слезы легче проливать!

29

Жил-был старый король,
С седой бородою да с суровой душою,
И, бедный старый король,
Он жил с женой молодою.

И жил-был паж молодой,
С головой белокурой да с веселой душою...
Носил он шлейф золотой
За царской женой молодою.

Есть старая песня одна,
Мне с самого детства ее натвердили!
Им гибель обоим была суждена...
Друг друга они слишком сильно любили...

Опять воскрешает мне память
 Развеянный ветром образ, —
 Зачем меня волнует
 Так глубоко твой голос?

Не говори: люблю!
 Позор не минует, я знаю,
 Прекраснейшего в мире —
 Любви, весны и мая.

Не говори: люблю!
 Целуй без слов, без клятвы,
 Посмейся увядшим розам,
 Когда принесу их завтра.

Лунным светом пьяны липы,
 Тихо веет ветер сонный.
 Полон свистом соловьиным
 Сумрак ночи благовонный.

«Милый! Как приятно летом
 Посидеть под липой темной,
 Где лишь месяц робким светом
 Золотит приют укромный.

Листик липы — точно сердце.
 Оттого сердцам влюбленных
 Любо теплой летней ночью
 Отдохнуть меж лип зеленых.

Но, затерян в смутных грезах,
 Ты глядишь с улыбкой странной.
 О, каким желаньям сердца
 Ты внимаешь, мой желанный?»

Я скажу тебе охотно:
 Я б хотел, моя подруга,
 Чтоб холодным снегом землю
 Занесла седая вьюга.

И чтоб мы под ярким солнцем,
Запахнувшись теплым мехом,
Полетели по равнинам
С пеньем, гиканьем и смехом.

32

Через лес, при лунном свете,
Эльфы быстро мчатся мимо —
Будто в небе прозвенели
Колокольчики незримо.

Белых, легких их лошадок
Кавалькада вырастает
Над землею — словно диких
Лебедей несется стая.

На меня свой взор с улыбкой
Королева обратила, —
Он мне вновь любовь пророчит,
Или раннюю могилу?

33

Утром шлю тебе фиалки,
В роце сорванные рано;
Для тебя срываю розы
В час вечернего тумана.

Знаешь, что хочу сказать я
Аллегорией цветною?
Оставайся днем мне верной
И люби порой ночью.

34

Своим письмом напрасно
Ты хочешь напугать;
Ты пишешь длинно ужасно,
Что нам пора порвать.

Страниц двенадцать, — странно!
И почерк так красив!
Не пишут так пространно,
Отставку дать решив.

35

Не тревожся: наше чувство
Я пред миром утаю,
Хоть мой стих неудержимо
Славит милую мою.

Там, в тиши, в цветочной чаше,
Глубоко я схоронил
Эту жгучую загадку,
Этот тайный жар и пыл.

Ну, а если вспыхнут искры,
Пламя в розах полыхнет?
Это пламя мир отвергнет
И поэзией сочтет.

36

Мне весна все дни, все ночи
Наполняет перезвоном,
Эхо сном ко мне слетает,
По-весеннему зеленым.

И загадочнее трели
Птиц во сне моем, и слаще
Веет ветер, и фиалки
Всё душистей в сонной чаше.

Розы также рдеют ярче,
Златокудрые, сияют
В легком нимбе, детски нежных
Ангелов напоминают.

И еще мне снится, будто
Соловьем я стал и песню

О любви пою я розам,
Все звончее и чудесней, —

До тех пор, пока с зарею
Не разбужен светлым солнцем
И другими соловьями,
Что поют здесь год оконцем.

37

Звезды ножками золотыми
Чуть ступают в вышине,
Чтоб невольным шумом землю
Не смутить в глубоком сне.

Лес, прислушиваясь, замер, —
Что ни листик, то ушко!
Холм уснул и, будто руку,
Тень откинул далеко.

Чу!.. Какой-то звук... И эхо
Отдалось в груди моей.
Был ли то любимой голос
Или только соловей?

38

Весна сурова, сновиденья
Ее печальны, и цветов
Невесел облик, и мученья
Таятся в песне соловьев.

О, не гляди так безмятежно,
Любимая, тебя прошу...
Но плачь!.. И поцелуем нежно
Я эти слезы осушу.

39

Я вновь мучительно оторван
От сердца горячо любимой.

Я вновь мучительно оторван, —
О, жизни бег неумолимый!

Грохочет мост, гремит карета,
Внизу поток шумит незримый.
Оторван вновь от счастья, света,
От сердца горячо любимой.

А звезды мчатся в темном небе,
Бегут, моей пугаясь муки...
Прости! Куда ни бросит жребий,
Тебе я верен и в разлуке.

40

Цветут желанья нежно,
И блекнут они в груди,
И вновь цветут и блекнут, —
А там и в гроб иди.

И все это очень мешает
Веселью и любви:
Умен я и так остроумен,
А сердце мое в крови.

41

Протянулось надо мною
Небо, точно старец хилый —
Красноглазый, с бородою
Поседелых туч, унылый.

Только он на землю глянет —
Цвет весенний отцветает,
Даже песня в сердце вянет,
Даже радость умирает.

42

Застыло сердце в скуке безотрадной,
В холодный мир вступаю как чужой,

В псходе осень, и туманной мглой
Окутан край окрестный неприглядный.

И ветер, воя, вьет с тоскою жадной
И покрасневших листьев крутит рой,
Вздыхает лес, дымится луг нагой,
К тому же — дождик беспощадный.

43

Осень. Пал туман на доли,
Луг во мгле сырой исчез.
Ветер листья рвет, и голый,
Замерзая, стонет лес.

Лишь один, одет листвою,
Грустный клен чего-то ждет,
Все качает головою
И как будто слезы льет.

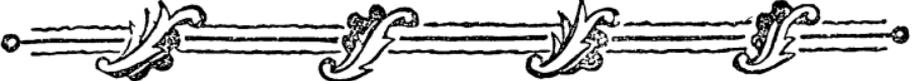
Ах, и в сердце смерть и вьюга,
Но, как этот клен живой,
Не увял, моя подруга,
В нем прекрасный образ твой.

44

Небо, как всегда, невзрачно!
Город — все в нем как и было!
Он глядится в Эльбу — мрачно,
Обыденно и уныло.

Все носы, как прежде, длинны
И сморкаются тоскливо;
Гнут ханжи всё так же спины
Или чванятся спесиво.

Юг прекрасный! Я тоскую
По богам твоим, по свету,
Наблюдая мразь людскую,
Да еще в погоду эту!

РАЗНЫЕ

СЕРАФИНА

1

Поздно вечером брожу я
По тропам во мгле лесной.
Вслед за мною неотступно
Бродит нежный образ твой.

То вуаль твоя белеет
Или твой прекрасный лик?
Иль, быть может, сквозь деревья
Бледный лунный свет проник?

И мои ли это слезы
Тихо льются в тишине,
Или ты, голубка, плача,
Горько жалуешься мне?

2

На пустынный берег моря
Ночь легла. Шумит прибой.
Месяц выглянул, и робко
Шепчут волны меж собой:

«Этот странный незнакомец —
Что он, глуп или влюблен?»

То ликует и смеется,
То грустит и плачет он».

И, лукаво улыбаясь,
Молвит месяц им в ответ:
«Он и глупый и влюбленный,
И к тому же он поэт».

3

Я белую чайку вижу,
Что носится легко
Над темною влагой моря;
Луна стоит высоко.

Семья акул и скатов
На дне залегла глубоко,
Взлетает и падает чайка;
Луна стоит высоко.

О, что с душой легкокрылой,
С боязнью и тоской?
К воде ты слишком близко;
Луна стоит высоко.

4

Что я любим, я знаю,
И знал уже давно;
Но тем, что ты призналась,
Испуган все равно.

Я поднимался в горы,
И пел, и ликовал;
У моря на закате
Я слезы проливал.

И сердце, точно солнце
Расплавленное, жжет
И, пышно и огромно,
В моря любви плывет.

С каким любопытством чайка
 Глядит, снижаясь к нам:
 Зачем я ухом крепко
 Прильнул к твоим губам?

Ей надо узнать, что́ в уxo
 Уста твои мне льют:
 Туда слова ли только
 Иль поцелуи текут?

Я сам не понимаю
 Журчанья в душе моей!
 Слова и поцелуи
 Смешались странно в ней.

Как серна робкая, она
 Летела предо мною,
 По скалам прыгая легко,
 С распущенной косою.

Ее догнал я на краю
 Крутой скалы прибрежной;
 Там сердце гордое ее
 Смягчил я речью нежной.

Спдели мы, как в небесах,
 Высоко и блаженно;
 Под нами солнце в бездне волн
 Тонуло постепенно.

И потонуло в бездне волн
 Прекрасное светило,
 И море шумное над ним
 Восторженно бурлило.

Не плачь о солнце! Никакой
 Беды с ним не случилось:
 Оно со всем своим огнем
 В груди моей укрылось.

Мы здесь построим на скале
Храм третьего завета:
Нам третий, новый дан завет;
Страдание отпето.

Душа от двойственности злой
Навек освободилась,
И наконец-то глупость мук
Телесных прекратилась!

Ты слышишь бога в мраке волн?
Стоусто он вещает.
Над нашей головой мильон
Его огней сверкает!

Его присутствие равно
И свет и мрак волнует;
Бог — все, что в них заключено,
Он в нашем поцелуе.

Над побережьем почь серест,
Звезды маленькие тлеют,
Голосов протяжных звуки
Над водой встают и реют.

Там играет старый ветер,
Ветер северный, с волнами,
Раздувает тоны моря,
Как органными мехами.

Христианская звучит в них
И языческая сладость,
Бодро ввысь взлетают звуки,
Чтоб доставить звездам радость.

И растут все больше звезды
В исступленном хороводе,
Вот, огромные, как солнца,
Зашатались в небосводе.

Вторая музыка из моря,
Песни их безумно льются;
Это соловьи-планеты
В светозарной выси выются.

Слышу мощный шум и грохот,
Пенье неба, океана,
И растет, как буря, в сердце
Сладострастье великана.

9

Призрак страсти, призрак света,
Призрак жизни так хорош!
Ах, безумная, иль это
Вечно длящаяся ложь?

То, что нежно мы любили,
Исчезает, верь не верь:
И сердца, что всё забыли,
И глаза, что спят теперь.

10

Девушка, стоя у моря,
Вздыхала сто раз подряд —
Такое впускала ей горе
Солнечный закат.

Девушка, будьте спокойней,
Не стоит об этом вздыхать —
Вот здесь оно спереди тонет
И всходит сзади опять.

11

На черных ветрилах летит мой корабль
По дикой морской волне.
Ты знаешь, как мне грустно сейчас, —
И досаждаешь мне.

Ты вероломным сердцем своим
Коварнее ветра вдвойне.
На черных ветрилах летит мой корабль
По дикой морской волне.

12

Как ты поступила со мною,
Пусть будет неведомо свету,
Об этом в пустынном море
Я рыбам сказал по секрету.

Пятнать твое доброе имя
На твердой земле я не стану, —
Но слух о твоём вероломстве
Пойдет по всему океану.

13

Шумящие волны несутся
За валом вал.
Они о берег бьются
У темных скал.
Они растут все выше
В пылу своем,
Они грозою дышат, —
Но что нам в том?

14

У моря сижу на утесе крутом,
Мечтами и думами полный;
Лишь ветер, да тучи, да чайки кругом,
Кочуют, пенятся волны.

Знавал друзей я и ласковых дев, —
Их ныне припомнить хочу я.
Куда вы сокрылись? Лишь ветер, да рев,
Да пенятся волны, кочуя.

Все море золотом горит
На солнце поутру.
Друзья, меня опустите
В него, когда я умру!

Я это море всегда любил,
Не раз его прибой
Студил так нежно сердце —
Дружило оно со мной.

АНЖЕЛИКА

1

Взыскан я улыбкой бога, —
Мне ль уйти теперь в молчанье,
Мне, который пел так много
В дни несчастий о страданье?

Мне юнцы в стихонках скверных
Подражали безотрадно,
Боль страданий непомерных
Умножая беспощадно.

Соловиный хор прекрасный,
Что в душе ношу всегда я,
Лейся буйно, громогласно,
Всех восторгом заражая!

2

Ты быстро шла, но предо мною
Вдруг оглянулася назад...
Как будто спрашивали гордо
Уста открытые и взгляд...

К чему ловить мне было белый,
По ветру бившийся покров?

А эти маленькие ножки...
К чему искал я их следов?

Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна —
Так возмутительно покорна
И так убийственно скучна!

3

Нет, прелестная, не верю
Строгой речи уст твоих:
Добродетель не имеет
Черных глаз таких больших.

Я люблю тебя, — молчи же,
Брось прикрашенную ложь!
Сердцем чистым дай лобзанье, —
Сердцем ты меня поймешь!

4

Закрыв глаза ей, алый рот
Люблю я целовать;
Она покоя не дает —
Причину хочет знать.

И с вечера не устает
До утра приставать:
«Зачем, когда целуешь рот,
Глаза мне закрывать?»

Какой тут у меня расчет,
Сам не могу понять, —
Закрыв глаза ей, алый рот
Целую я опять.

5

Когда я в твоих объятиях страстных
Вкушаю блаженство, в миг этот дивный

Молчи ты о нашей немецкой отчизне, —
На то есть причины: мне это противно.

Оставь, бога ради, немцев в покос,
Без них довольно на сердце кручины;
Ну, что толковать о родне, отчизне?..
Мне это противно — на то есть причины.

Там зелены дубы, глаза голубые
У женщин немецких, сердца наивны
И бьются лишь верой, надеждой, любовью.
На то есть причины — мне это противно.

6

В час, когда любовниц милых,
Но чужих я наблюдаю
И с дверей чужой красотки
Глаз, тоскуя, не спускаю,

Может быть, другой такой же
У моих окошек бродит
И к дверям моей подружки
Переглядываться ходит.

Как все это человечно!
Убери с пути все беды,
Боже правый, и даруй нам
Всем — и счастья и победы.

7

Да, ты, конечно, мой идеал, —
Ведь это же без счета
Божбой и объятьями я скреплял;
Но нынче мешает работа.

Вот завтра после двух часов
Приди, — я вновь, по чести,
Влюбленность доказать готов!
Потом пообедаем вместе.

И если билеты мы найдем,
То буду я sarable
Сводить тебя в Opéra потом:
Дают «Robert le Diable» —

Смесь обольщений и химер
Чертовского пошиба;
Музыку создал Мейербер
На текст нелепый Скриба.

8

Не отвергай! Пусть жар погас,
Возврата нет весне,
Но дай еще хоть малый срок,
Чтоб отгореть и мне.

И пусть не можешь ты любить —
Хоть другом назови.
Мы в дружбе ценим поздний дар
Долюбленной любви.

9

Карнавал любви безумной,
Опьянение чувств сердечных —
Все проходит; отрезвевши,
Мы зеваем без конца.

Выпит весь бокал до дна,
Где кипели чувства наши,
До краев вскипая в блеске;
Выпит весь бокал до дна,

Замолчали звуки скрипок,
Что на танец призывали,
К танцам страсти звали нас;
Замолчали звуки скрипок.

И светильники потухли,
Что ценстоно светили

На веселый маскарад;
И светильники потухли.

Завтра — черный понедельник,
И на лбу твоём золою
Крест я выведу, промолвив:
«Помни, женщина, ты — прах!»

ДИАНА

1

Эта масса чудо-тела,
Эта женственность-коLOSS
Мне без споров и без слез
Отдалась теперь всецело.

Если б к ней я самовольно
С пылом дерзостным приник,
То раскаялся бы вмиг!
Да, побит я был бы больно.

Что за грудь, какая шея!
(Выше мне не разглядеть.)
Прежде чем такой владеть,
Позабочусь о душе я.

2

Залив Бискайский был ей
Отчизной, говорят;
Она уж в колыбели
Замучила двух котят.

Потом через Пирсней
Бежала она босиком.

Глазеть на великаншу
Валил Перпиньян валом.

Теперь же нет дамы выше
В предместье Сен-Дени;
И стоит она сэр Вильяму
Тринадцать тысяч луи.

3

Посещая часто вас,
Благороднейшая донья,
Вспоминаю всякий раз
Рынок с площадью в Bologna.

Там огромный есть фонтан —
Del Gigante — загляденье!
И Нептуном мастер Жан
Увенчал свое творенье.

ГОРТЕНЗИЯ

1

Жил я верою одною
В то, что поцелуи жен
Нам назначены судьбою
От начала всех времен.

Целовать и целоваться
Так серьезно я умел,
Точно должен был стараться
Над решеньем важных дел.

Ныне я отлично знаю
Поцелуев суету, —
В них не верю, не мечтаю
И целую на лету.

2

Вдвоем на уличном углу
Час целый мы стояли.
И о союзе наших душ
Мы нежно рассуждали.

Свою взаимную любовь
Сто раз мы подтверждали;

Стоять на уличном углу
Мы всё не уставали.

Богиня случая меж нас
Субреткой проскользнула,
Увидела, что мы стоим,
И, прыснув, упорхнула.

3

И в повседневных грезах,
В бессоннице неизменной
Твой в сердце не умолкает
Смех, для меня бесценный.

Помнишь, как в Монморанси
Верхом на осла ты села
И вдруг, не удержавшись,
В чертополох слетела?

Осел остался спокоен,
Чертополох вкушая, —
Смех, для меня бесценный,
Мне не забыть, родная.

4

Г о в о р и т о д н а :

Яблоня стоит среди сада,
Яблоко висит на ней,
Вьется кольцами по веткам,
Мне в глаза глядится змей.
И от сладких глаз змеиных
Взгляда мне не отвести, —
Он свистит призывно, словно
Хочет к счастью увести.

Г о в о р и т д р у г а я :

Это плод от древа жизни,
Ты вкуси, он так хорош,

Уж тогда-то не напрасно
Жизнь свою ты проживешь.
О, смиренная голубка,
Надкуси его разок,
Ты поверь мне и исполни
Мудрой тетушки урок.

5

Строю вновь я струны цитры,
И звучит она так ново.
Текст же стар: «Жена — не сладость».
Это — Соломона слово.

Как обманывает мужа,
Так и другу изменяет!
И полынь в любовной чаше
Напоследок оставляет.

Справедливо, значит, было
Древней книги предсказанье,
Что готовит змей проклятье
За грехи нам в наказанье?

Змей в кустах ползет на брюхе
И высматривает жадно;
Речь заводит, как бывало, —
Слушать свист его отрадно.

Ах, как холодно и мрачно!
Солнце вороны затмили
И кричат. Любовь и радость
Долго будут спать в могиле.

6

Не долго счастье лгало мне,
Что лживо ты сулила,
Твой образ, как неверный сон,
Душа не сохранила.

Уж утро, солнце льет лучи,
Туман клубится, тая,
И мы покончили с тобой,
Почти не начиная.

КЛАРИССА

1

Оробев, моих признаний
Словно ты не замечаешь;
На вопрос: отказ ли это? —
Горько плакать начинаешь.

Редко я молюсь, — так слушай:
О создатель! Помогни ей,
Осуши девицы слезы,
Просвети чуть-чуть мозги ей!

2

Всюду, где ты только ходишь,
Ты встречаешься со мною.
Чем сильнее меня изводишь —
Становлюсь вернее втрос.

Я пленяюсь злостью милой,
Но добром мне не плениться, —
Если хочешь стать постылой,
Ты должна в меня влюбиться.

3

Взял бы черт твоих несносных
И папашу и мамашу,

Это ведь они в театре
Помешали встрече нашей.

Восседали, расфуфырясь...
И меж ними, дорогая,
В глубине семейной логи
Разглядел тебя едва я.

Восседали, наблюдая
Двух любовников мученья,
А когда те отравились —
Хлопать стали с восхищеньем.

4

Не броди по закоулку,
Где те глазки проживают...
Ведь они тебя от молний
Благосклонно избавляют.

И приветствуют так мило
Из высокого окошка,
Но по-сестрипски (о, дьявол!)
И по-дружески немножко.

Этот путь ты не изменишь,
Тщетны все твои старанья...
Ты домой приносишь только
Сердце, полное страданья.

5

Нет, слишком поздно! И улыбки
И вздохи — поздно все сейчас!
Тобой отвергнутый когда-то,
Порыв любви давно угас.

Твоя взаимность опоздала!
И взор любви, приветно-мил,

Проникнет в сердце мне лишь мельком,
Как солнца луч во мрак могил.

* *
*

О, если б знать мне — после смерти
Взлетит душа к какой звезде?
И где горит погасший пламень?
И стихший ветер веет где?

ПОЛАНТА И МАРИЯ

1

Эти дамы, понимая,
Что поэта чтут едой,
Отобедать пригласили
Нас — меня и гений мой.

Ах, как суп был превосходен!
И каких я вин вкусил!
Дичь божественной казалась,
Нашпигован заяц был!

Говорили, сколько помню,
О поэзии; и вот
Я и сыт и благодарен
За оказанный почет.

2

В которую из двух влюбиться
Моей судьбой мне суждено?
Прекрасна дочь, и мать прелестна,
Различно милы, но равно.

Неопытно-младые члены
Так сладко ум тревожат мой,

Но гениальных взоров прелесть
Всесильна над моей душой.

В раздумье, хлопая ушами,
Стою, как Буриданов друг
Меж двух стогов стоял, глазаея,
Который лакомей из двух.

3

Все выпито. Ужин окончился наш,
Изрядно хлебнули вина мы.
Задорно глядят, распуская корсаж,
Мои захмелевшие дамы.

Прекрасные груди и плечи у них, —
От страха мне холодно стало.
А дамы в постель забираются вмиг
И прячутся под одеяло.

И обе красавицы сладостно так
Одна за другой захрапели,
А я, озираясь, стою как дурак
У полога пышной постели.

4

Юность кончена. Приходит
Дерзкой зрелости пора,
И рука смелее бродит
Вдоль прелестного бедра.

Не одна, вспылив сначала,
Мне сдавалась, ослабев.
Лесть и дерзость побеждала
Ложный стыд и милый гнев.

Но в блаженствах наслажденья
Прелесть чувства умерла.
Где вы, сладкие томленья,
Робость юного осла?

ЭММА

1

Недвижен, как ствол древесный,
В мороз, в грозу и в зной
Он ввысь простирает руки
И в землю врос пятой.

Так терпит Багирата годы,
Но Брама смягчился — и вот
Велит он Гангу пролиться
В долины с небесных высот.

Я же, любимая, тщетно
Томлюсь и судьбу кляню, —
Из глаз твоих небесных
Хоть каплю бы мне одну!

2

Сутки должен ожидать я
Сокровеннейших услад,
Что украдкой посулил мне
Нежный и лукавый взгляд.

О, язык наш так бессилен,
И плохой от слова прок:

Вымолвишь... и улетает
Вдаль прекрасный мотылек!

Ну, а взгляд — он беспределен,
Беспредельный свет струит.
От него в душе, как в небе,
Счастье звездное горит.

3

Хоть один бы поцелуй —
Месяцы я жил мечтами!
И теперь стою как нищий,
С пересохшими губами.

Раз я к счастью близок был,
Уловив дыханье милой.
Но оно порхнуло мимо
И мне уст не освежило.

4

Эмма, молви без раздумья:
От любви безумным стал я,
Или же любовь такая
Только следствие безумья?

Я измучен, друг мой Эмма,
Сверх любви моей безумной,
Сверх моей любви безумья,
Разрешеньем сей дилеммы.

5

Чуть мы вместе — брань и спор.
Нестерпима эта мука.
Но, увы, с тобой разлука —
Это смертный приговор.

Размышляю в час почной:
Смерть иль ад мне выбрать надо.
Ах, от этого разлада
Я давно уж сам не свой!

6

Тенью мрачною, густою
К нам крадется злая ночь.
И устали мы душою,
И зевков не превозмочь.

Ты стара, и я не молод.
О весне забыли мы,
И в сердцах не жар, а холод.
Нам недолго ждать зимы.

Ах, кончаем мы в печали:
После всех любовных бед
Беды без любви настали.
Смерть бредет за жизнью вслед.

ТАНГЕЙЗЕР

1

О христиане! Не дайте себя
Опутать бесовской силе!
Я вам о Тангейзере песню пою,
Чтоб души вы не губили.

Рыцарь Тангейзер радость искал,
Любовью он наслаждался.
Он грот Венеры нашел в горах
И там семь лет оставался.

«Венера, госпожа моя,
Будь счастлива долгие годы,
Я больше гостить у тебя не хочу,
Теперь я хочу свободы».

«Тангейзер благородный мой,
Ты что-то целуешься вяло,
Целуй меня крепче и говори —
Чего тебе здесь не хватало?»

Не каждый ли день сладчайшим вином
Тебя я, скажи, угощала?
Не каждый ли день венками из роз
Твое чело я венчала?»

«Венера, госпожа моя,
Меня не переспоришь.
Постыла сладость вина и ласк,
Вкусить я жажду горечь.

К тебе я пришел — смеяться, шутить,
Прощаюсь — рыдать готовый,
Я вместо венка из душистых роз
Надел бы венец терновый».

«Тангейзер благородный мой,
Нельзя ль обойтись без скандала?
Ты вспомни: меня не оставить вовек
Ты клятвы давал, бывало.

Пошли бы мы лучше в укромный покой,
Былой отдались бы страсти,
И бело-лилейное тело мое
Тебе бы вернуло счастье».

«Венера, госпожа моя,
Прекрасной хранят тебя боги,
Ты нравилась многим в былые года
И будешь нравиться многим.

Немало богов и немало людей
Владело тобой, вероятно;
На бело-лилейное тело твое
Мне даже глядеть неприятно.

На бело-лилейное тело твое
Я в страхе гляжу и в смятенье,
Когда вспоминаю, что многим оно
Доставит еще наслажденье».

«Тангейзер благородный мой,
Свой гнев умерь ты малость,
Уж лучше просто меня припей,
Как это прежде случалось.

Уж лучше просто меня припей, —
Обидой считать не стану.

Но ты — жестокий христианин,
Ты сердцу наносишь рану.

Должна я за то, что тебя люблю,
Терпеть подобную пытку!
Прощай! Ты можешь идти. Я сама
Тебе отворю калитку».

2

А в Риме, а в Риме, во граде святом,
Праздничный благовест ныне.
Церковное шествие к храму плывет
И папа посредине.

Это набожный папа Урбан,
На нем тройная корона,
Пурпурной мантии длинный шлейф
Несут четыре барона.

«Святейший отец наш, папа Урбан,
Уйти ты не сможешь отсюда,
Пока покаянье не примешь мое,
Покамест спасен я не буду!»

Народ, расступаясь, отходит назад,
Смолкает церковное пенье,
Но кто он — измученный пилигрим,
Пред папой склонивший колени?

«Святейший отец наш, папа Урбан,
Взять и решать в твоей власти,
От адского пекла меня защити,
Спаси меня от напасти.

Рыцарь Тангейзер звали меня,
Любовью я наслаждался,
Я грот Венеры нашел в горах
И там семь лет оставался.

Прекрасней Венеры женщины нет,
И в мире не сыщешь лучше;

Как солнечный свет и цветов аромат,
Голос ее певучий.

Как мотылек летит к цветку
И к чаше припадает,
Моя смятенная душа
У губ ее порхает.

В черных кудрях ее голова,
Гордая, как изваянье.
Глядят на тебя большие глаза,
Захватывает дыханье.

Глядят на тебя большие глаза —
И ты в цепях до могилы.
Мне очень трудно было уйти,
Но я нашел в себе силы.

Я спасся, ушел оттуда с трудом,
Теперь боюсь оглянуться:
Всегда и повсюду я вижу ее
И слышу: «Ты должен вернуться!»

Как призрак бездомный, скитаюсь я днем
И жить начинаю лишь ночью.
Мне снится она. Я вижу ее.
Я вижу ее воочью.

Задорно и звонко смеется она,
И белые зубы сверкают;
Когда вспоминаю я этот смех,
Слезы к глазам подступают.

Ее я люблю всей силой души,
И сердцу перечить не надо, —
Когда низвергается горный поток,
Ничем не сдержать водопада.

Скача по утесам, он вниз унесет
Шум, грохот, рыданье и пенье,
Он тысячу раз себе шею свернет,
Но он не замедлит паденье.

Если бы небом я обладал,
Той, кто всех мне дороже,
Я отдал бы солнце, отдал луну,
И звезды отдал бы тоже.

Ее я люблю всей силой души,
Любовь сожгла мое тело.
Не адский ли это уже огонь,
Которому нет предела?

Святейший отец наш, папа Урбан,
Вязать и решать в твоей власти,
От адского пекла меня защити,
Спаси меня от напасти».

Но папа скорбно руки воздел
И произнес сурово:
«Тангейзер, несчастный ты человек,
Бессильно святое слово.

Венерой прозванный черт страшней,
Чем прочих чертей когорты.
Церковь не властна тебя спасти
От прелестей этого черта.

За радости плоти своей душой
Тебе поплатиться надо.
Несчастный, ты проклят, ты приговорен
Навски к пламени ада».

3

Рыцарь Тангейзер быстро идет,
Хоть ноги изранены очень.
Обратно, туда, где Венерин грот,
Пришел он среди ночи.

Богиню Венеру оставил сон.
Она вскочила с кровати,
Чтобы любимого своего
Скорей заключить в объятия.

Носом кровь у нее пошла,
Слезы хлынули сами,
Она залила ему лицо
Кровью и слезами.

Рыцарь улегся себе в постель,
Не проронив ни слова,
Богиня на кухню готовить суп
Для друга пошла дорогого.

Суп подала, хлеба дала,
Ноги ему омыла,
Кудри ему расчесала она, —
Очень ей весело было!

«Тангейзер благородный мой,
Давно ты со мной расстался.
Скажи, в каких ты страхах плутал,
Где так долго шатался?»

«Венера, госпожа моя,
Я время провел за границей.
Дела меня в Риме держали, но я
К тебе спешил возвратиться.

Рим стоит на семи холмах,
Меж ними Тибр протекает.
Я в Риме папу повидал,
Тебе он поклон посылает.

Я во Флоренцию заглянул,
В Милан зашел по дороге,
Потом легко преодолел
Швейцарские отроги.

Когда я достиг Альпийских гор,
Снежинки кружиться стали,
Озера улыбались мне,
Орлы надо мной клекотали.

На Сен-Готарде услышал я храп —
Дремала Германия сладко.

Три дюжины добрых ее королей
Стояли на страже порядка.

Я в Швабии школу поэтов нашел,
Младенцы — ну просто прелесть:
На них колпаки с бубенцами на всех,
И все на горшочках уселись.

Во Франкфурт к шабесу я подоспел,
Отведал клетки и шалет.
Ваша религия лучше других,
Гусиные шкварки все хвалят.

А в Дрездене видел я старого пса.
Он прежде умел отличиться.
Но выпали зубы теперь у него,
Он стал лишь брехать да мочиться.

А в Веймаре — муз овдовевших приют.
Мне грустные песни там пели.
Там плачут и плачутся: Гете в гробу,
А Эккерман жив доселе.

Я в Потсдаме слышал отчаянный крик.
Откуда же возгласы эти?
Да это в Берлине наш Ганс, он решил
Читать о текущем столетье.

А вот в Геттингене наука цветет,
Да так, что плодов не заметно.
Я город осматривал в темную ночь.
Она была беспросветна.

А в Целле в тюрьме я увидел одних
Ганноверцев. Немцы, мы жалки!
Нет у нас общегерманской тюрьмы
И общегерманской палки.

В Гамбурге я спросил — почему
Улицы здесь провоняли?
По мнению евреев и христиан,
Воняет тина в канале.

В Гамбурге, хоть он и очень хорош,
Народу хватает дурного.
Я, биржу посетив, решил,
Что в Целле был я снова.

В Гамбурге в Альтону я попал, —
Это прекрасное место.
После когда-нибудь я расскажу
Все, что о нем мне известно».

ПЕСНИ ТВОРЕНИЯ

1

Бог вначале создал солнце,
Вслед затем — ночные звезды;
А, вспотев, из капель пота
Он быков рогатых создал.

После сотворил всевышний
Грозных львов и мелких мошек,
А по львиному подобию —
Маленьких домашних кошек.

Сотворил людей он после,
И в пустыне расселил их,
А по образу людскому
Сотворил мартышек милых.

«Повторяется создатель! —
Сатана хохочет звонко. —
Создал он быка сначала,
А потом создаст теленка».

2

И господь ответил черту,
Хохотавшему так звонко:

«Я, конечно, повторяюсь,
Я с быка творю теленка,

С хищных львов, больших и страшных,
Кошек я творю домашних,
А с людей — мартышек милых.
Ты же, черт, творить не в силах».

3

«Быков, человека и солнце я создал
Для вящей своей божественной славы.
Но кошек, мартышек, теленка и звезды
Я создал себе самому для забавы».

4

«Припявшись за сотворение света,
В неделю я справился с ним вполне.
Но много столетий обдумывать это
Пришлось в небесах предварительно мне.

Само сотворение мира несложно,
Оно показалось мне пустяком.
По плану, по замыслу только можно
Художника оценить целиком.

Лет двести, а может быть, даже триста,
Обдумывал я, всемогущий бог,
Как лучше делать ученых юристов
И даже маленьких черных блох».

5

В день шестой сказал всевышний:
«Я теперь пришел к концу,
И отныне мирозданье
Будет гимны петь творцу.

Как красиво это солнце
Отражается в воде!
Как блестят в росе деревья!
Ну, не прелесть ли везде?

Не блестит ли алебастром
Тех ягняток белизна?
Как природа натуральна,
Как естественна она!

Все моим величием дышит!
Ныне, присно и вовек
Будет петь мне дифирамбы
Изумленный человек.

6

«Стихов из пальца не высосешь ты,
Когда не владеешь сюжетом.
Творить недоступно из пустоты
И богу и смертным поэтам.

Я взял первозданной грязи ком
И создал мужчин спесивых,
Из ребер этих мужчин потом
Я создал женщин красивых.

Из кома земли возникла звезда,
И ангел — из прелестей женщин.
Сюжет тогда лишь ценен, когда
Он формой прекрасной увенчан».

7

«Зачем я создал мир земной?
Внемлите моему признанию.
Горя в душе моей, призванье
Владело неотступно мной.

Давно я понял, что недуг
Лежит в основе вдохновенья.
Творя, я ждал выздоровленья,
Творя, я выздоровел вдруг».

ФРИДРИКА

1

Оставь Берлин, где мгла и пыль густая,
И жидок чай, и пустословят фаты,
Что гегелевским разумом богаты,
О боге и вселенной рассуждая.

Нас встретит солнце Индии, блистая.
Там амбра расточает ароматы,
И к Гангу тянется, чьи воды святы,
В одеждах белых пилигримов стая.

Где пальмы веют и мерцают волны,
Где стебель тонкий лотосы подъемлют
К престолу Индры в голубом эфире, —

Там я, восторга и смиренья полный,
Скажу, у ног твоих упав на землю:
«Madame! Вас нет прекрасней в этом мире!»

2

Рокочет Ганг; сбежав со скал в долины,
Вдаль антилопы из зеленой сени
Умно глядят; цветное оперенье
Расправив, ходят важные павлины.

И ввысь из сердца солнечной равнины
Цветов, все новых, рвутся поколенья;
Тоской любви звучит кокилы пенье, —
Как хороша ты в красоте невинной!

Бог Кама озарил тебя сияньем.
В шатрах твоей груди он обитает
И дышит в голосе твоём чудесном.

Вассант к устам твоим приник лобзаньем.
В твоих очах миры я открываю,
И в собственном становится мне тесно,

3

Рокошет Ганг, великий Ганг бурлит.
Обагрены зарею Гималаи.
Из мрака роц банановых шагая,
Орда слонов топочет и трубит.

Коня — за образ! Образ где сокрыт,
Чтобы сравнить, прекрасная, младая,
О несравненная моя, святая,
Тебя, кто сердце радостью поит!

Ты видишь, как ловлю я образ зыбкий,
И с чувствами и с рифмами в боренье.
Увы, твой смех — награда всех тревог.

Ну что же, смейся! В честь твоей улыбки
Гандарвы звуком цитр и песнопенья
Наполнят солнца золотой чертог,

КАТАРИНА

1

Одна звезда вошла в моей ночи,
Мне утешенье шлют ее лучи,
Мне жизнь сулят ее огни.
Молю — не лги!

Как море дышит полною луной,
Моя душа летит к тебе одной,
И ласковы лучи твои...
Молю — не лги!

2

«Хотите, я вас познакомлю с нею?» —
Шепнула мне герцогиня сама.
О нет, не нужно, я не смею,
Я уж и так схожу с ума.

Мне страшно с женщиной прекрасной,
Я весь дрожу, я слышу вдруг
Призыв волнующий и властный
Желаний новых, новых мук.

Иду за ней, томим тоскою,
Но подойти не смею к ней.

Ее глаза владеют мною,
Как звезды злой судьбы моей.

Так ясен лоб! Но вдруг зарница
Дрожит в предгрозовой тиши.
Я знаю — буря разразится
И рухнет мир моей души.

Так нежен рот! Но, боже правый,
Меж роз я вижу там змею,
Что ранит сладостной отравой,
Любовной ложью грудь мою.

Нет сил! Но в жажде страстной муки
Иду... пылает голова!
Вновь эта речь... какие звуки!..
Поющий пламень ее слова!

«Monsieur! А как зовут сопрано,
Что спела только что финал?»
Шатаясь, говорю как пьяный:
«Простите, я... я не слышал».

3

Как Мерлин в легенде чудной,
Я терзаюсь, жалкий маг,
В круг волшебный вкован так,
Что и двинуться мне трудно.

Мне не вырваться из плена,
Я у ног твоих лежу
И в глаза твои гляжу,
А часы летят мгновенно.

И недели, пролетая,
Исчезают, как в дыму.
Слов своих я не пойму,
И твоих не постигаю.

Только если ты устами
Вдруг прильнешь к губам моим,

То меня теплом хмельным
Вмиг всего охватит пламя.

4

Лежать в объятьях ты рада
На сердце моем всегда;
Я для тебя все небо,
А ты — моя звезда.

Глубоко внизу копошится
Людишек род шутовской;
Кричат, негодуют, бранятся,
И мнит, что прав, любой.

Они звенят колпаками.
Меж ними вечный разлад.
Они по макушке друг друга
Дубинками больно тузят.

Как счастливы мы с тобою,
Что им не добраться сюда.
Ты голову в тихом небе
Покоишь, моя звезда!

5

Люблю я эту бледность тела —
Покров души изящной, очи
Огромные и эти кудри
Вокруг чела, как крылья ночи!

Жену как раз такого сорта
Искал я долго повсеместно;
Я тоже оценен тобою,
И это мне, конечно, лестно.

Найдя во мне чего хотелось
Тебе самой, ты щедрой станешь,
Меня лобзаньем осчастливишь;
Потом, как водится, обманешь.

Цветов подбавила весна
 К цветистому наряду.
 Кругом теперь в цветах страна
 И вся подобна саду.

Сижу с красавицей моей,
 Как вихрь, дормез несется;
 Глаза так ласковы у ней,
 А сердце сильно бьется.

И свист, и блеск, и аромат,
 И горы, и долины,
 И у деревьев шелестят
 Цветущие вершины.

В траве любят цветы,
 На злачном нежась ложе,
 Богатством женской красоты
 И мной, счастливецом, тоже.

Но счастье — призрак! Вот коса
 Шутя пройдет по лугу —
 И нет весны! А ты, краса,
 С весной изменишь другу.

Мне вчера приснилось, будто
 Я гулял по райским кущам.
 Разумеется, с тобой, —
 Без тебя мне рай — геенна.

Там я видел самых лучших,
 Праведных, благочестивых,
 Истязавших на земле
 Плоть свою во имя неба.

Я отшельников там видел,
 Капуцинов и прелатов,

Стариков, а также юных, —
Эти хуже сохранились.

Строгие святые лица,
Плеши, бороды седые
(Попадались и евреи)
Дефилировали мимо,

На тебя совсем не глядя,
Несмотря на то, что ты,
Весело ко мне прижавшись,
Так кокетливо болтала!

Лишь один из них взглянул
На тебя, моя красотка;
Он один здесь был прекрасен,
Лик его был дивно светел.

С добротою человека,
Со спокойной силой бога,
Так взглянул он на тебя,
Как смотрел на Магдалину.

Знаю я: он лучше всех,
Чище всех и благородней,
Только все-таки меня
Словно ревность уколола, —

Мне, признаться, стало в небо
Почему-то неуютно.
Да простит мне бог за то, что
Я ревную к Иисусу.

8

Привел на этот праздник каждый
Подружку, что ему мила.
Все радостны, летняя ночь тепла;
Один я и встречи с любимой жажду.

Брожу я один; как больной, угрюмо
Бегу веселья, танцев, гостей.

Прекрасной музыки, блеска огней;
И в Англию тянутся думы.

Срываю розы, гвоздику срываю,
Осиротелый, готовый рыдать;
Я сам не знаю, кому их отдать, —
Душа и цветы увядают.

9

Не мог я петь и грустью страпной
Томился, но приходит слово!
Как слезы, что текут неожиданно,
Нежданно песня льется снова.

И снова петь могу о муке
Большой любви, о горшей боли
Сердец, что вместе — как в неволе,
Но разбиваются в разлуке.

Мне чудится над головою
Дубов немецких колыханье.
Они мне шепчут о свиданье,
Но то лишь сны, — роса их смочет.

Мне чудится еще — внимаю
Я соловьев немецких пенье
И замираю в упоенье,
Но то лишь сны, — они растают.

И где те розы, что веснойю
Меня любили? Их не стало.
Но запах призраком усталым
Колдует смутно над душою.

НА ЧУЖБИНЕ

1

Из края в край твой путь лежит;
Идешь ты — рад не рад.
По ветру нежный зов звучит —
И ты взглянул назад.

Твоя любовь в стране родной;
Манит, зовет она:
«Вернись домой! Побудь со мной!
Ты радость мне одна».

Но путь ведет все в даль и тьму.
И остановки нет...
Что так любил — навек к тому
Запал возвратный след.

2

Сегодня ты такой печальный,
Каким уж не был много дней!
Щека блестит росой хрустальной
И вздохи сердца все слышней.

Иль вспомнил родину в далеком,
В туманно-призрачном былом?

Ведь ты бы рад был ненароком
Побывать в отечестве своем.

Иль вспомнил даму, что так мило
Бывала гневною подчас?
Сердился ты — ей грустно было,
Потом смеялись всякий раз.

Иль вспомнил тех, что обнимали
Тебя, как друга, в страшный миг?
В груди желанья бушевали,
Но оставался нем язык.

Иль вспомнил мать, сестру родную?
Спугнуть их образ не спеши!
Мой милый, дрогнула, я чую,
Решимость дикая души.

Иль вспомнил щебет птиц и сени
Густого сада, где вкушал
Блаженство юных сновидений,
Где ты робел, где ты мечтал?

Уж поздно. Дали серебрятся
Сквозь мокрый снег белесой мглой.
Однако время одеваться
И ехать в гости. Боже мой!

3

И я когда-то знал край родимый...
Как светел он!
Там рощи шумны, фиалки сини...
То был лишь сон!

Я слышал звуки родного слова
Со всех сторон...
Уста родные «люблю» шептали...
То был лишь сон!

ТРАГЕДИЯ

1

Ты к сердцу моему прильни,
Беги со мной и будь моей,
Оно заменит навсегда
Тебе отчизну и друзей.

О, согласишься, иль я умру,
И в одиночестве тогда
Ты в отчем доме станешь жить
Совсем одна и всем чужда.

2

*(Это подлинная народная песня,
и я ее слышал на Рейне.)*

Весеннею ночью иней упал,
Упал на цветы голубые,
Они засохли, завяли.

Красотку юноша полюбил,
Из дома тайком бежал он с ней.
Ни мать, ни отец не узнали.

Скитались тут и там они,
Не знали ни счастья, ни светлых дней.
Погибли, умерли оба.

Липа их могилу тенью покрывает;
Меж кудрявых веток пташка распевает.
На траве зеленой сели у могилы
Парень деревенский со своею милой.

Тихо и печально ветерок лепечет,
Сладко и уныло пташечка щебечет.
Приумолкли парень и его зазноба...
Отчего — не знаю, только плачут оба.

РОМАНСЫ

1

ЖЕНЩИНА

Любовь их была глубока и сильна,
Мошенник был он, потаскушка она.
Когда молодцу сплутовать удавалось,
Кидалась она на кровать и смеялась.

И шумно и буйно летели их дни;
По темным ночам целовались они.
В тюрьму угодил он. Она не прощалась;
Глядела, как взяли дружка, и смеялась.

Послал он сказать ей: «Зашла бы ко мне!
С ума ты нейдешь наяву и во сне:
Душа у меня по тебе стосковалась!»
Качала она головой и смеялась.

Чем свет его вешать на площадь вели,
А в семь его сняли — в могилу снесли...
А в восемь она как ни в чем не бывало,
Вино попивая с другим, хохотала.

2

ВЕСЕННЕЕ ЛИКОВАНИЕ

О, скорбный лик цветущей весны!
Прекрасные девы в лесу толпой

Стремятся куда-то с грудью нагой
И с криком скорби, по ветру волосы:

«Адонис! Адонис!»

Спустилась ночь, но факел их
Повсюду блещет здесь и там,
И чаща вторит их мольбам,
Рыданиям, и смеху, и крикам их:

«Адонис! Адонис!»

Прекрасен юношеский лик,
Не так бледны его черты.
Кровь обагрила все цветы,
И скорби слышен долгий крик:

«Адонис! Адонис!»

3

ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬД

Крепкий, черный, челн просторный
Мрачно режет лоно вод.
В нем с угрюмой тихой думой
Стража смертная плывет.

Бледный ликом, в сне великом,
Недвижим лежит поэт.
Голубые, как живые,
Смотрят очи в горний свет.

Словно жалкий клич русалки,
Звонко стонет глубина.
Это волны, скорбью полны,
Мерно плещут вокруг челна.

4

ЗАКЛЯТЬЕ

Брат францисканец молодой
В келье сидит при лампаде.
Читает в старой книге он
Заклятье духов ада.

И только пробил полночный час,
Сдержаться певмочь ему было,
Губами бледными зовет
Поязменные он силы:

«Из гроба, сильный, подними
Жены прекраснейшей тело.
На эту ночь лишь оживи —
Душа любви захотела».

Монах твердит заклинаний бред —
Свершается желанье:
Красавица мертвая в мир грядет
В белеющем одеянье.

Печальны взоры. С холодных уст
Срываются вздохи муки.
С монахом мертвая сидит,
Глядят они — и ни звука.

5

ИЗ ПИСЬМА

Г о в о р и т с о л н ц е

Дался тебе мой взор, поэт!
Светило так сотворено,
Чтобы сиять — дарить равно
Слуге и господину свет.

Дался тебе мой взор, поэт!
Будь честным немцем, без затей:
Возьми жену, рожай детей, —
Исполни долг, вот мой совет.

Могу ль не расточать мой свет?
Я создано, чтобы лететь,
Светить, от скуки вниз глядеть, —
Дался тебе мой взор, поэт!

Г о в о р и т п о э т

О, в этом долг мой и призванье:
В восторге петь, как светишь ты,

Сердечной юности сиянье,
Бессмертный пламень красоты!

Но старость угрожает зрению,
Мой взор слабеет каждый час.
Ночь, надвигаясь черной тенью,
Твой свет готова скрыть от глаз.

Х о р о б е з ь я н

А мы, обезьяны,
Мартышки, павианы,
Не сводим с солнца глаз, —
Оно прогнать не может нас!

Х о р л я г у ш е к

В воде, в воде —
Вот сыро где!
На сушу мы скок —
И греем бок.
А при этом
Наслаждаемся солнечным светом.

Х о р к р о т о в

Чего там человек хлопочет, —
Лучи, сиянье, солнца свет!
Нас что-то теплое щекочет,
Мы чешемся, а толку нет!

С в е т л я ч о к

В надменном солнце что за прок?
Ему отпущен краткий срок —
Лишь день! А вот в ночи, в ночи
Горят мои, мои лучи, —
Но скромн светлячок!

6

ЗЛОСЧАСТЬЕ

Звезда сияет нежно
И падает с тверди безбрежной.
«Что есть любовь?» — Вот твой вопрос...
Звезда, слетевшая в навоз.

Паршивым щенком безобразным
Лежит под забором грязным.
Кричит петух, сопит свинья,
В зловонной луже страсть твоя.

О, если б в сад я упала,
Как давно о том мечтала.
Упасть в цветы и умереть!
Прекрасная гибель, душистая смерть.

7

ANNO 1829

Для дел высоких и благих
Я кровь отдать по капле рад,
Но страшно задыхаться здесь,
В мирке, где торгаши царят!

С утра до ночи пьют и жрут,—
Кротовье счастье брюху впрок!
Как дырка в кружке для сирот,
Их благодетельный дух широк!

Их труд — в карманах руки греть,
Сигары модные курить.
Спокойно переварят все, —
Но их-то как переварить!

Хоть на торги со всех сторон
Привозят пряности сюда,
От их душонок рыбьих тут
Смердит тухлятиной всегда.

Нет, лучше мерзостный порок,
Разбой, насилие, грабеж,
Чем счетоводная мораль
И добродетель сытых рож!

Эй, тучка, унеси меня,
Возьми с собой в далекий путь —
В Лапландию, иль в Африку,
Иль хоть в Штеттин — куда-нибудь!

О, унеси меня! Летит...
Что тучке мудрой человек!
Над этим городом она
Пугливо ускоряет бег.

8

ANNO 1839

Тсбя, Германию родную,
Почти в слезах мечта зовет!
Я в резвой Франции тоскую,
Мне в тягость ветренный народ.

Сухим рассудком, чувством меры
Живет блистательный Париж.
О глупый бубен, голос веры,
Как сладко дома ты звучишь!

Люди учтивы. Но с досадой
Встречаю вежливый поклон.
В отчизне истинной отрадой
Была мне грубость испокон.

Дамы прелестны. Как трещотки,
Не знают устали болтать;
Милей немецкие красотки,
Без слов идущие в кровать.

Здесь каруселью иступленной
Все кружится, как диккий сон,
У нас порядок заведенный
Навеки к месту пригвожден.

Мне словно слышится дремливый
Ночного сторожа рожок,
Ночного сторожа призывы
Да соловьиных песен ток.

В дубравах Шильды безмятежной
Таким счастливым был поэт!
Там в звуки рифм вплетал я нежно
Фиалки вздох и лунный свет.

РАНО УТРОМ

На предместье Сен-Марсо
Утром лег туман осенний,
Плотный и густой туман,
Наподобье белой ночи.

Я задумчиво бродил.
Вдруг в сиянье белой ночи
Мимо женщина прошла,
Свету лунному подобна.

Да, она, как свет луны,
Проскользнула и исчезла.
Легкой стройности такой
Здесь, в Париже, я не видел.

Не Селена ли сама
Возвращалась со свиданья,
Посетив в Quartier Latin
Своего Эндимиона?

«Почему, — подумал я, —
Так богиня испугалась?
Может быть, она меня
Приняла за Аполлона?»

10

РЫЦАРЬ ОЛАФ

I

У дверей собора двое,
И в кафтанах оба красных,
И один из них властитель,
А другой — палач придворный.

Палачу король промолвил:
«По поповским песням слышу,
Что кончается венчанье, —
Будь с секирой наготове».

Перезвон. Органа ропот,
И поток из церкви хлынул.
Толпы пестрые народа
Окружают новобрачных.

Словно смерть бледна, тосклива
Молодая королева.
Смело смотрит рыцарь Олаф,
Алых уст дерзка улыбка.

Королю он, усмехаясь,
Молвит алыми устами:
«Здравствуй, тесть, падет сегодня
Голова моя на плаху.

Я умру сегодня. Дай же
Лишь до полночи пожить мне,
Чтоб свою я справил свадьбу
Пиром с пляскою веселой.

Дай пожить мне, дай пожить мне,
Чтоб последний выпить кубок,
Чтоб сплясать последний танец,
Дай пожить мне до полночи».

Палачу король промолвил:
«Зятю нашему дарую
Жизнь его до полуночи, —
Будь с секирой наготове».

II

Рыцарь сидит за брачным столом,
Последний кубок полон вином.
К плечу его, бледна,
Припала жена.
Палач стоит перед дверью.

Бесчисленных факелов блещут огни,
И в круг гостей вступают они
И пляшут в полночный час
В последний раз.
Палач стоит перед дверью.

Несется скрипок веселый звон,
Несется флейты печальный стон,
У всех, кто на пляску глядит,
Сердце щемит.
Палач стоит перед дверью.

И пляска длится, и зал дрожит,
И рыцарь, склонясь к жене, говорит:
«Тебя люблю я так сильно...
Ждет холод могильный».
Палач стоит перед дверью.

III

О рыцарь Олаф, час настал.
Окончены с жизнью расчеты,
Ты королевскую дочь любил
Свободно и без заботы.

Во тьме ночной блестит топор,
Псалмы бормочут монахи.
В кафтане красном человек
Стоит у черной плахи.

Выходит рыцарь из дворца.
Весь двор блестит огнями,
Смеются алые губы его,
Он алыми молвит устами:

«Я славлю солнце, я славлю луну
И звезд небесных сиянье,
И славлю птиц я в вышине
Веселое щебетанье.

Я славлю море, славлю твердь,
Я славлю цветы полевые,
Я славлю фиалки, они — как глаза
Жены моей голубые.

Глаза-фиалки моей жены,
За вас моя жизнь пропала;
И славлю бузинную чащу я,
Где ты моею стала».

РУСАЛКИ

На берег волна за волною бежит,
 Взошла луна золотая.
 На белой дюне рыцарь лежит
 И смотрит в небо, мечтая.

Всплывают русалки из глуби морской,
 Глядят на гостя тревожно
 И видят — уснул, и одна за другой
 Подходят к нему осторожно.

Приблизилась первая, вся трепеща,
 И пальцем трогает латы.
 Другая коснулась робко меча,
 Погладила шлем пернатый.

Смеется третья — в глазах огонек —
 И рыцарский меч извлекает,
 Стоит, опершись рукой на клинок,
 И юношу взором ласкает.

Четвертая ходит в смятенье кругом
 И говорит, вздыхая:
 «Возьми женой меня в свой дом,
 Цветок нездешнего края!»

Приникла пятая к руке,
 И молит, и шепчет упреки.
 Шестая робеет, но в страстной тоске
 Целует губы, щеки.

А рыцарь не взглянет, наш рыцарь умен,
 Раскинулся беспечно,
 И позволяет красавицам он
 Себя целовать бесконечно.

БЕРТРАН ДЕ БОРН

В чертах сияет благородство,
 Исполнен мысли гордый взор.

Он сломит каждого упорство,
Наш трубадур Бертан де Борн.

Плантагенета львицу пеньем
Он сладкогласным покорил,
И дочь и все их поколенья
В свои он сети заманил.

Он и отца смирил, пленяя.
В слезах клонился гневный взор,
Когда тот слушал, как играет
Наш трубадур Бертран де Борн.

13

ВЕСНА

Прохладою веет от синей реки,
Как весело в мае влюбленным!
Пастушка сидит и вяжет венки,
Одна на склоне зеленом.

Цветет, и поет, и сияет весна,
Как весело в мае влюбленным!
«Кого же, — печально вздыхает она, —
Венком я украшу зеленым?»

Вот скачет всадник над рекой,
Кивает ей и смеется.
Пастушка вслед глядит с тоской,
А он уж далеко несется.

И в воду венки бросает она
И плачет на склоне зеленом.
Поет соловей, сияет весна, —
Как весело в мае влюбленным!

14

АЛИ-БЕЙ

Али-Бей, герой ислама,
Упоенный сладкой негой,

На ковре сидит в гареме
Между жен своих прекрасных.

Что игривые газели
Эти жены: та рукою
Бородой его играет,
Та разглаживает кудри,

Третья, в лютню ударяя,
Перед ним поет и пляшет,
А четвертая, как кошка,
У него прижалась к сердцу...

Только вдруг гремят литавры,
Барабаны бьют тревогу:
«Али-Бей! Вставай на битву!
Франки выступили в поле!»

На коня герой садится,
В бой летит, но мыслью томной
Все еще в стенах гарема
Между жен своих витает, —

И меж тем как рубит франков,
Улыбается он сладко
Милым призракам, и в битве
От него не отходящим...

15

ПСИХЕЯ

С ночником в руке Психея
К ложу, где Амур лежит,
Тихо пробралась и видит —
Бог раскинулся и спит.

Покраснев, дрожа, Психея
Смотрит. Вспыхнул жар в крови.
Вдруг, проснувшись, улетает
Обнаженный бог любви.

Вечно длится искупление!
На прощенье нет надежд.
Ах, зачем она глядела
На Амура без одежд!

16

НЕЗНАКОМКА

Каждый день спешу я встретить
Златокудрую красотку
В Тюильрийском старом парке
Под каштанами большими.

Каждый день она гуляет,
А за ней две старых дамы...
Это тетки? Или это
Два драгуна в дамских юбках?

Ах, никто не знает толком,
Кто она! О ней повсюду
Я расспрашивал, но тщетно...
И теперь любовью болен.

Как напуган я усами
Двух ее суровых спутниц,
Но еще сильнее, пожалуй,
Сердца своего пугаюсь.

Я сказать не смею слова,
С ней встречаясь ежедневно,
Я едва решаюсь взглядом
Намекнуть ей, что сгораю.

Лишь сегодня мне сказали,
Что зовут ее Лаурой,
Как и ту, кого в Провансе
Полюбил поэт великий.

Ты — Лаура! Это значит
Я не хуже, чем Петрарка,
Честь воздавший милой даме
И в канцонах и в сонетах.

О, Лаура! Как Петрарка,
Я склоняю это имя
В платоническом восторге...
Дальше он ведь не пошел.

17

СМЕНА

Ну, теперь конец брюнеткам!
Этот год мы отдадим
Снова глазкам яркосиним,
Косам нежнозолотым.

Я пленен опять блондинкой,
Милой, набожной, простой.
Дашь ей белых лилий в руки —
Девой кажется святой.

Плоти мало, духа много,
Так мечтательно нежна
И любви, надежде, вере
Всею душою предана.

Уверяет, что немецким
Не владеет языком,
Но клянусь, небесный Клопшток,
Безусловно, ей знаком!

18

ФОРТУНА

Счастье, ты бунтуешь зря.
Все равно, в борьбе горя,
Я твою сумею милость
Вывать, что бы ни случилось.

Будешь мной побеждено,
И в ярмо запряжено;
И оружие ты сложишь,
Только ранам не поможешь.

Кровь моя течет ручьем,
Жизни пыл в потоке том
Гаснет, я изнемогаю
И с победой — умираю.

19

ЖАЛОБА
СТАРОНЕМЕЦКОГО ЮНОШИ

Блаженны те, кто честь хранят,
Презренны, кто честь утратили!
Меня — несчастного юношу —
Сгубили дурные приятели!

Они завладели моим кошельком
Не в ту роковую минуту ли,
Когда они к картам меня подвели
И с грязными девками спутали?

И вот, когда я упился в дым,
Совсем потерявши голову,
Они меня — бедного юношу —
Швырнули на улицу голого.

А утром, очнувшись, почувал я —
Ползут по спине мурашки.
Сидел я — несчастный юноша —
В Касселе, в каталажке!

20

ОСТАВЬ МЕНЯ!

День в темную ночь влюблен,
В зиму весна влюблена,
Жизнь — в смерть...
А ты?.. Ты в меня!

Ты любишь меня... Уж тебя
Объемлет страшная тень.
Ты вянешь, мой нежный цветок,
И кровью исходит душа твоя...

Оставь меня и люби
Бабочек резвых, веселых,
Играющих в солнечном блеске...
Оставь несчастье при мне!

21

ФРАУ МЕТТА

(С датского)

Герр Петер и Бендер пили вино.
Герр Бендер молвил с презреньем:
«Ты можешь пеньем весь мир покорить,
Но Метту не сманишь ты пеньем».

И Петер сказал: «Я ставлю коня,
Ты ставь твою гончую свору.
Я песней Метту в свой дом заманю
Сегодня в полночную пору».

И только полночь пробили часы,
Взял Петер лютню в руки.
Через поля, через реку и лес
Волшебные хлынули звуки.

И сразу река перестала шуметь,
Притихли, заслушавшись, ели,
На небе месяц побледнел,
А звезды так мудро глядели.

И ффрау Метта проснулась тотчас:
«Чья песня меня разбудила?»
Надела платье и вышла во двор,—
Ах, лучше б она не ходила!

Пошла через реку, через поля,
Пошла через бор дремучий.
Герр Петер в свой далекий двор
Манил ее песней могучей.

И утром домой воротилась она.
Герр Бендер стоял на пороге.

«Где ночью ты пропадала, жена?
Зачем в росе твои ноги?»

«К затону русалок я ночью пошла,
У них совета искала.
Играя, царица русалок в меня
Водой студеной плескала».

«К русалкам ты не ходила, жена,
Там берег сухой и песчаный,
А у тебя лицо в крови,
И на ногах твоих раны».

«Я ночью в лес пошла поглядеть,
Как эльфы плясали и пели.
Лицо и ноги ободрала
Я об кустарник и ели».

«Но эльфы лишь в теплую майскую ночь
Заводят круг хороводный,
А поздней осенью в голом лесу
Бушует ветер холодный».

«Я к Петеру Нильсену ночью пошла,
Он пел, и я шла через поле,
Я шла далеко, через реку и лес,
Покорна таинственной воле!

Но песня его поражает, как смерть,
В ней темная, страшная сила.
Звучащее пламя мне сердце сожгло,
И ждет меня, знаю, могила».

Гудят погребальные колокола,
И певчие в траур одеты.
Они оплакивают смерть
Несчастной фрау Метты.

Герр Бендер у черного гроба стоит,
И плачет, и горько смеется:
«Я потерял дорогую жену,
И гончих отдать придется».

ВСТРЕЧА

Сегодня под липами пенье да пляс,
Сегодня гулянье большое.
Меж парами — странная пара одна.
Откуда они, эти двое?

Танцуют и сельский смущают народ
Невиданной повадкой.
То усмехнутся, то подмигнут,
И девушка шепчет украдкой:

«Мой юный красавец, на шляпе у вас
Цветок со дна морского.
Здесь, на земле, анемон не растет.
Вы не из рода людского.

Вы — водяной, но по вкусу пришлись
Вам сельские красотки.
Я узнаю вас по щучьим зубам,
По вашей вертлявой походке».

И пляшут они и смущают народ
Невиданной повадкой.
То усмехнутся, то подмигнут,
И юноша молвит украдкой:

«Прелестная девушка, ваша рука
Зачем холодна, точно льдина?
Зачем к вашей белой одежде вон там
Прилипла мокрая тина?»

Я мигом узнал вас, как только вы мне
Изволили поклониться.
Какая ты женщина, ты мне родня,
Ты, кумушка, — водяница!»

И скрипки умолкли, и танцам конец,
И оба выходят из круга.
Они знакомы слишком давно,
И скучно им видеть друг друга.

ГАРАЛЬД ГАРФАГАР

Король Гаральд на дне морском
 Сидит под синим сводом
 С прекрасной феею своей...
 А год идет за годом.

Не разорвать могучих чар:
 Ни смерти нет, ни жизни!
 Минуло двести зим и лет
 Его последней тризне.

На грудь красавицы склонясь,
 Король глядит ей в очи,
 Дремотной негою объят,
 Глядит и дни и ночи.

Златые кудри короля
 Иссеклись, побелели,
 В морщинах желтое лицо,
 Нет сил в поблекшем теле.

Порой тревожит страстный сон
 Какой-то грохот дальный;
 То буря на море шумит, —
 Дрожит дворец хрустальный.

Порою слышит Гарфагар
 Нормандский клик родимый;
 Поднимет руки — и опять
 Поникнет, недвижимый.

Порой до слуха долетит
 И песнь пловца над морем,
 Что про Гаральда сложена, —
 Стеснится сердце горем.

Король застонет, и глаза
 Наполнятся слезами...
 А фея льнет к его устам
 Веселыми устами.

ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО

1

«Лучше было б не жениться!» —
Убивается Плутон.

И вздыхает горько он:
«Без жены ад не был адом,
В этом мог я убедиться».

Лучше было б не жениться!
Прозерпину в ад сведя,
Стал мечтать о смерти я,
Лая Цербера не слышу,
Если ссора разгорится.

Мира жажду, а обидам
Нет конца. Мне жить трудней,
Чем жалчайшей из теней.
Я завидую Сизифу
И прекрасным данаидам».

2

На стуле из золота, высясь над адом,
Сидит Прозерпина рядом
С державным супругом,
Томится досугом,
Вздыхает, на мужа не глянет.

«Мне розы нужны, соловьев рокотанья,
Мне солнца нужны лобзанья,
А тут с мертвецами
Я только да с вами,
Лемуры, и муке конца нет!

Здесь к брачному игу меня приковали,
В проклятом крысином подвале.

В окно без стеснения
Глядят привиденья,
И Стикс свою песню тянет.
К обеду Харона звала я в гости.
Он лысый, он кожа да кости.

Не лучше и судьи!
И в этом безлюдье
Душа моя сохнет и вянет».

3

И пока их вздохи прячет
В бездну мертвая страна,
Там, вверху, Церера плачет,
И, безумная, она
Бегает полунагая,
Без платка, — в глазах темно, —
Причитанья выкликая
Вам знакомые давно:

«Не весна ли наступает?
И светла и молода,
Зелень гор в лучах сверкает,
Рухнули оковы льда.
Зевс безоблачно смеется
В голубых зеркалах вод,
Чуть зефир лица коснется,
И трава к себе зовет.
Песни вешние проснулись,
Ореада из ветвей
Шепчет: «Лилии вернулись, —
Только дочка нет твоей!»
Ах, как долго я искала

След ее среди полян!
Все лучи твои послала
Я на поиски, Титан,
Но известий о пропавшей
И лучам не принести.
Все находит день восставший,
А ее не мог найти.
Зевс виновник похищенья?
Или, жадно восхищен,
В Орка черное течение
Ты стащил ее, Плутон?
Кто послом моих мучений
Станет там, у мрачных волн?
Перевозит только тени
Пристающий вечно челн.
Для блаженных глаз закрыта
Область ночи роковой,
По течению Коцита
Никогда не плыл живой.
В ночь — несметные ступени,
Ни одной — в сиянье дня.
Кто хоть слезы в царство тени
Отнесет ей от меня?»

4

«Стой, довольно просьб и жалоб,
Теща милая! Я каюсь:
Сколько ты ни горевала б,
Знай, и я с женою маюсь.

Дочкой, так же как судьбою,
Мы ведь можем поделиться.
Пусть шесть лун она с тобою
В верхнем мире веселится.

Пусть она с тобой выносит
Зной, в работах помогая,
Из соломы шляпу носит,
Васильки в нее втыкая.

Пусть она грустит по-женски
В час, когда закат зажжется

И бездельник деревенский
Дует в дудку у колодца.

И на праздник урожая
В хороводе веселится,
Грету с Гансом поражая,
Посреди овечек — львица.

Сладкий отдых! Слава лету!
Отдышусь я на досуге,
Подливая в пунш мой Лету,
Чтоб не помнить о супруге».

5

И мнится мне, что затаилась
Страданья тень в глазах твоих.

Я знаю, знаю тайну их:
Разбилась жизнь, любовь разбилась.

Молчишь, лицо твое склонилось,
Твой день вернуть не в силах я.
Неизлечима боль твоя.
Любовь разбилась, жизнь разбилась.

ОЛЛЕ А

1

ИШАЧЕСТВО

Отец твой был добряк осел,
И это всем известно было;
Но мать была высокий ум
И чистокровная кобыла.

Твое ишачество есть факт,
И с этим уж нельзя бороться;
Но утверждай всегда при всех,
Что ты потомок иноходца,

Что твой прапрадед Буцефал,
Что предки в латах и пополах
К святому гробу шли в поход
Галопом, при честных знаменах;

И числишь ты в своей родне
Тот благородный отпрыск конский,
На коем гарцевал, войдя
В господень град, Готфрид Бульонский;

Что конь Баярд был твой отец,
Что есть и героиня тетья,
Из кляч, прозваньем Россинант,
Служившая при Дон-Кихоте.

О Санчо-Пансовом осле
Ты умолчи, что он родитель;
И даже не признай того,
На коем шествовал Спаситель,

Не вздумай помещать осла
В свой герб и титул родословный.
Сам в этом деле стань судьей
И будешь — самый чистокровный.

2

СИМВОЛИКА ВЗДОРА

Сейчас мы песню запоем,
Споём о цифре бойко,
Она зовется цифра Три;
Кто грустен — с нами спой-ка!

Хоть из Аравии она,
Но в христианстве стойка,
Как и в Европе редко кто,
Была честная тройка.

Она стыдливости образец,
И если к себе судомойка
В постель пускает батрака,
Их ждет головомойка.

Пьет летом кофе в семь утра —
Душистая настойка!
Зимой же в девять, а по ночам
Спит сладко наша Тройка.

Но рифму изменить пора,
Меняется и время:
Падет на долю цифры Три
Обид и бедствий бремя.

Тут встал сапожник и сказал:
«У Тройки фигура такая,
Как будто маленькое Семь
Собой полумесяц венчает.

А семь — мистическое число
У древних пифагорейцев,
Серп лунный — это Дианы культ
И что-то у сабейцев.

Сама же Тройка — шибболет
Жреца жрецов Вавилона;
От коего басню о тройце она
Родила во время оно».

Но возразил на это скорняк:
«Три — набожная толстуха —
Была в чести у наших отцов,
Что верили бредням и слухам».

А тут портной, смеясь, ввернул:
«Ломать не стоит шпаги:
Нет вовсе Тройки, ведь ее
Мы видим лишь на бумаге».

Услышав такое, бедная Три,
Как ошалелая утка,
Качаясь и так, качаясь и сяк,
Расхныкалась не на шутку:

«Стара я, как синее море и лес,
Как звезд мерцание в тучах.
Я видела рост и падение царств
И смену народов могучих.

И прялка времени пела мне
Столетия и тысячелетья.
Природе в бурлящее чрево ее
Не уставала глядеть я.

Однако не одолела меня
Стихийная темная сила:
И я свою девственность по сей день
В сумятице сохранила.

Но что мне теперь добродетель моя?
И умный и глупый хохочет.

Мир и чванлив и несправедлив,
Щадить никого он не хочет».

Но, сердце, утешься, остались тебе
Любовь, надежда и вера,
И вкусный кофе, и рома глоток, —
Всему, дерзкий скепсис, есть мера!

3

СПЕСЬ

Графиня Гудель фон Гудельфетт,
Тебя уважает за деньги свет.
Ты едешь с супругом цугом,
При дворе ты считаешься другом;
Карета тебя золотая
К замку везет, качая;
Твой шлейф подобен пене
На мраморной ступени,
А в зале в пестрой ливрее
Стоят и кричат лакеи:
«Madame la comtesse de Gudelfett!»

Гордо, в пальцах веер,
Плывешь ты мимо лакеев,
Брильянты свои обнаружив;
В море брюссельских кружев
Белая грудь твоя блещет,
Через край от радости плещет;
Кругом кивки и улыбки,
Поклоны и книксы гибки.
Сама герцогиня Ravia
Зовет тебя cara mia.
От франтов нет отбою,
Танцуют все с тобою,
И наследник имперского герба
Кричит тебе вслед: «Superbe!»
Поворачивает зад Гудельфетт!

Но если, бедняга, тебя разорят,
Тебе весь свет покажет зад.

Твой шлейф, снегов белее,
Заплюют лакеи.
Вместо кивков начальства
Встретит тебя нахальство.
Перекрестится тiа сага,
А кронпринц сморкнется яро:
Чесноком отдает Гудельфетт.

4

СТРАНСТВУЙ!

Когда тебя женщина бросит — забудь,
Что верил ее постоянству.
В другую влюбись или трогайся в путь,
Котомку на плечи — и странствуй.

Увидишь ты озеро в мирной тени
Плакучей ивовой рощи,
Над маленьким горем немного всплакни,
И дело покажется проще.

Вздыхая, дойдешь до синеющих гор.
Когда же достигнешь вершины,
Ты вздрогнешь, окинув глазами простор
И клекот услышав орлиный.

Ты станешь свободен, как эти орлы,
И, жить начиная сначала,
Увидишь с крутой и высокой скалы,
Что в прошлом потеряно мало!

5

ЗИМА

А холод и в самом деле
Жжет, как огонь. Коченея,
Людишки в вихре метели
Бегут как можно быстрее.

Морозы все крепчали;
Носы становились как груши,

Концерты для скрипки с роялем
Терзали наши уши.

Насколько лето прелестней:
В лесу могу гулять я,
Один любовные песни
В печали могу повторять я.

6

У КАМИНА

Воет вьюга-завируха,
Бьются хлопья о стекло.
А в моей каморке сухо,
И уютно, и тепло.

Как приятно у камина
В тишине мечтать, когда,
Бормоча напев старинный,
В котелке кипит вода.

Кот лениво лапы греет
И мурлычет в полусне.
А в камине пламя реет...
Как-то странно стало мне.

И встает из дали дальней
Позабывтый век былой
С пестротой карнавальной
И отцветшей красотой.

Дамы, ласковы и чинны,
Томно знак мне подают.
В буйной пляске арлекины
Скачут, прыгают, поют.

В бликах лунного сиянья,
Беломраморно-чисты,
Дремлют в парках изваянья
И колышутся цветы.

Выплыл замок из тумана
В блеске факельных огней,

И под грохот барабана
Гонят всадники коней.

Вот уже труба пропела,
Мчатся рыцари вперед...
Ах, вода перекипела,
И мяучит мокрый кот!

7

НАПРАСНОЕ ТОМЛЕНИЕ

Часто видишь, сном объятый,
Сказочных цветов пыланье;
И печалью и желаньем
Грудь томят их ароматы.

Но, увы, их отделяет
От тебя обрыв бездонный,
И в тоске неутоленной
Сердце бьется и страдает.

Ах, мерцают, манят в гости!
Как попасть к ним через бездну?
Гномик с молотом, любезный,
Не сколотишь ли мне мостик?

8

ЕЛЕНА

Ты из могилы вызвал меня
Волшебным заклинаньем.
Страсти огонь вернул мне жизнь,
И нет предела желаньям.

Целуй меня жарче! Дыханье людей
Божественно, мой любимый!
Я выпью до капли душу твою,
Жажда мертвых неутолима.

9

УМНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Как радостно нам бродить по цветам
Мы топчем их беспощадно.

Где ног наших след — цветов уже нст
Ни простеньких, ни нарядных.

Жемчуг на дне, в морской глубине.
Его из пучины добыли.
И стали сверлить, нанизали на нить
И в шелковый плен заключили.

А звезды умней. Они от людей
Подальше свой путь совершают.
Вечным огнем, в небе ночном
Россыпью звезды сияют.

10

АНГЕЛЫ

Признаюсь, Фома неверный,
Я не верю в небеса.
Римской, иудейской веры
Не нужны мне чудеса.

Ангелов существованья,
Впрочем, я не отрицал.
Это — светлые созданья,
Выше всех людских похвал.

Но, сударыня, о крыльях
Уж не спорьте вы со мной:
Сам я ангелов без крыльев
Видывал перед собой.

Нежен взгляд очей прекрасных,
Нежны руки: искони
От обид и бед опасных
Охраняют нас они.

Но особо их вниманье
Ценит, ласкою согрет,
Тот, кто все вкусил страданья,
Тот, кого зовут поэт.

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

ДОКТРИНА

Бей в барабан, и не бойся беды,
И маркитантку целуй вольней!
Вот тебе смысл глубочайших книг,
Вот тебе суть науки всей.

Людей барабаном от сна буди,
Зорю барабань, не жалея рук,
Маршем вперед, барабаня, иди, —
Вот тебе смысл всех наук.

Вот тебе Гегеля полный курс,
Вот тебе смысл наук прямой:
Я понял его, потому что умен,
Потому что я барабанщик лихой.

2

АДАМ ПЕРВЫЙ

Ты выслал с пламенным мечом
Небесного городского
И выгнал меня из рая вон,
Бессовестно и сурово.

И я пошел со своей женой
К другим, далеким странам,
Но все, что я от знания вкусил,
Тебе не вернуть обманом.

Тебе не вернуть, что знаю тебя
И малым таким и бедным,
Хотя через гром и смерть на земле
И хочешь ты слыть победным.

О боже! Как все-таки жалко твое
Consilium abeundi!
И это зову я Magnificus
Миров и Lumen mundi.

И слышать больше я не хочу
О райском саде этом;
То был не настоящий рай —
Там все деревья под запретом.

Я права полной свободы хочу!
Малейшее ограничение —
И для меня превращается рай
В ад и заточенье.

3

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ты печатаешь такое!
Милый друг мой, это гибель!
Ты веди себя пристойно,
Если хочешь жить в покое.

Никогда не дам совета
Говорить в подобном духе —
Говорить о папе, клире
И о всех владыках света!

Милый друг мой, я не в духе!
Все попы длинноязычны,
Долгоруки все владыки,
А народ ведь длинноухий.

БЫВШЕМУ ГЕТЕАНЦУ

Ты от уз освободился,
 Что готовил дряхлый гений?
 И от дыма воскурений,
 Что над Веймаром клубился?

Страсть возвышенных Оттилий,
 Клерхен, Гретхен — эти перлы,
 Скромность дев из группы Зерло
 И тебя вдруг отвратили?

И к свободе обратился
 Страстно ты. Прощай, Миньона!
 Точно так во время оно
 Ты к Филине пристрастился.

Будешь за отчизну рьяно
 Ты по-люнебургски драться,
 В словопрениях сражаться
 Против грубости тирана.

До меня дошла, не скрою,
 Эта весть сквозь все препоны;
 Да, ты новый Мирабо, но...
 Люнебургского покроя!

ТАЙНА

Мы не вздыхаем и не плачем,
 Мы даже можем хохотать,
 И ни в одном лице и взоре
 Сокрытой тайны не узнать.

На дне души в мученьях скрыта
 Кровавой тайны немота.
 Хоть дико кличет наше сердце,
 Но плотно сомкнуты уста.

Спроси ребенка в колыбели,
Спроси жильца немых могил,
Они, быть может, и откроют,
Что от тебя я утаил.

6

НА ПРИБЫТИЕ НОЧНОГО СТОРОЖА
В ПАРИЖ

Как ты смущен! На ходулях прогресса
В Париж примчался ты, сторож ночной.
Ну, что мои немцы, как здравствует пресса,
Взошла ли свобода над нашей страной?

«Дела превосходны! По милости бога
У нас порядок, покой, тишина.
Германию пестуют мудро и строго,
Себя постепенно раскроет она.

Мы не хотим щеголять, как французы,
Пустым миражем внешних свобод.
Лишь в недрах духа свергнул узы
И стал свободным наш народ.

Близится Кельнский собор к завершенью, —
За то Гогенцоллернам щедрым хвала.
Габсбург помог его украшенью,
От Виттельсбаха мы ждем стекла.

И конституцию нам и свободу
Король обещал четверть века назад.
А все, что король обещает народу,
Бесценно, как в Рейне таящийся клад.

Наш Рейн свободен, как в прежнее время,
Он Брут среди рек, он наш верный оплот.
Швейцарец ему наступает на темя,
Голландец для ног его цепи кует.

Флот получив изволением божьим,
Мы патриотам нашей страны
Место на прусских галерах предложим,
Тогда и тюрьмы не будут нужны.

Веселый май расцветает победно,
На вольном воздухе вольно дышать.
Даже цензура исчезнет бесследно,
Как только у нас запретят печать».

7

ТАМБУРМАЖОР

Старик этот — бывший тамбурмажор.
Он дожил до жизни жалкой.
Как при Бонапарте сверкал его взор,
Когда он размахивал палкой!

Сверкали серебряные галуны
На синем его мундире,
И женщины были в него влюблены,
Пожалуй что всюду в мире.

Когда он по селам и городам
Шагал под знаменем рваным,
Сердца девиц и замужних дам
Бились в такт с его барабаном.

Пришел, увидел, победил
Он гордых иноземок.
И ус его черный влажен был
От слез несчастных немок.

Терпели мы всё; не без веских причин
Был каждый покорен и кроток.
Император везде побеждал мужчин,
А тамбурмажор — красоток.

Мы долго терпели бы этих вояк,
Блуждавших по разным странам,
Когда бы начальство не подало знак,
Что свободу добыть пора нам.

Мы подняли грозно свои рога,
Как зубры в пылу сраженья,
И затанули, гоня врага,
Кернеровы песнопенья.

Ужасные вирши! Гремел наш хор
Так, что деспоты задрожали...
Император, а также тамбурмажор
В ужасе убежали.

Обоим был жалкий жребий сужден
За то, что чинили нам муки.
Сам император Наполеон
Попался к британцам в руки.

На святую Елену он угодил,
Где терзали его англичане
И где он от рака желудка почил
После тяжелых страданий.

Был уволен в отставку тамбурмажор,
Остался и он не при деле.
Чтоб на хлеб заработать, он с этих пор
Дворником в нашем отеле.

Он чистит котлы, таскает дрова,
Полы в коридорах моет.
Дрожит его старческая голова,
Когда он выносит помой.

Фриц навещает нас иногда,
Он дразнит и мучит рьяно,
Не зная ни совести, ни стыда,
Долговязого ветерана.

Фриц, брось свои шутки! Пора понять,
Что это — верх неприличья!
Сынам ли Германии унижать
Поверженное величье?

Таким старикам мы всегда должны
Почтенье оказывать наше:
Ведь он с материнской стороны,
Может быть, твой папаша.

8

ВЫРОЖДЕНИЕ

Ужель грешит сама природа
Пороками людей в наш век?

Мне кажется, растенья, звери —
Все в мире лжет, как человек.

Ты скажешь, лилия невинна?
Взгляни на франта-мотылька:
Прильнул он к ней, вспорхнул — и что же,
Где целомудрие цветка?

Забыли скромность и фиалки,
Хотя их тонкий аромат
Так безыскусственно-кокетлив,
Мечты о славе их томят.

А соловей — утратил чувство,
Насквозь рутиной заражен,
И, право, только по привычке
И плачет и ликует он.

Нет правды на земле, и верность
Ушла в преданья старины,
Псы, как всегда, хвостом виляют,
Смердят — но тоже неверны.

9

ГЕНРИХ

У высоких стен Каноссы
Ждет германский кесарь Генрих,
Босиком, во власянице...
Ночь, и дождь, и смертный холод!

Из высокого окошка
Смотрят двое. В лунном свете
Блещет лысиной Григорий
И Матильды грудь белеет.

Генрих бледными губами
«Отче наш» едва бормочет...
Но в глубинах сердца кесарь
С тайным гневом тайно шепчет:

«Далеко в германских землях
Горы высятся крутые,

Там железо для секиры
Залегло в глубоких недрах.

Далеко в германских землях
Лес дубовый расшумелся,
И растет в стволе высоком
Рукоятка для секиры.

О Германия родная,
Ты родишь на свет героя,
И змею, что сердце гложет,
Он сразит своей секирой».

10

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Смех, шутки да песни! Лучи шаловливо
Сверкали, дурачились. Волны игриво
Качали лодку. Беспечно в ней
Сидел я среди милых моих друзей.

Но разлетелась лодка в щепки.
Друзья мои в плаванье не были крепки:
На дне родном погибли друзья;
На берег Сены попал только я.

Я судно снарядил другое,
Товарищей новых собрал. Но покоя
Не знал я, скитаясь среди чуждых волн.
Отчизна, где ты? Я скорби полн!

И снова смех и снова пенье —
И ветра свист и снастей скрипенье...
Погасли звезды. Темны облака.
Отчизна! Мне грустно, а ты — далека!

11

НОВЫЙ ГОСПИТАЛЬ ДЛЯ СЫНОВ ИЗРАИЛЯ В ГАМБУРГЕ

Вот госпиталь для бедняков евреев,
Которые больны и трижды жалки

От трех своих пороков постоянных —
Недугов, нищеты и юдаизма.

Из трех пороков самое дурное —
Последнее наследственное зло их,
У нильских вод захваченная язва,
Больная их египетская вера.

Недуг неизлечимый! Не избавят
Их от него ни паровые ванны,
Ни средства хирургии, ни лекарства,
В больнице предлагаемые хворым.

Смирит ли время, вечная богиня,
Когда-нибудь их вековые муки,
Отцом передаваемые сыну,
И будут ли счастливее их внуки?

Я этого не знаю. Но должны мы
Лишь прославлять то любящее сердце,
Готовое хоть временным бальзамом
Залечивать насколько можно раны.

Прекрасный человек! Приют построил
Он для больных, которым помогает
Искусство докторов (или могила!),
И обо всех удобствах их печется.

Он делает что в силах, что возможно,
На склоне дней досуг свой посвящая
Страдающим и помощи просящим
И отдых находя в благодеяньях.

Щедра его рука, но избыточной
Порой из глаз его струились слезы —
Прекраснейшие слезы о великом,
Неизлечимом ввек недуге братьев.

12

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Поверил немцам ты хмельным,
Добропорядочным буянам,

И черно-красно-золотым
Кокардам их, и крикам пьяным.

Как скоро, друг мой, наш народ
Забыл чарующее зелье!
Теперь угар прошел, — и вот
Настало горькое похмелье.

Забыв о прошлом, над тобой
Презренная толпа глумится.
Жандармов бдительный конвой
Тебя доставил до границы.

Здесь пограничные столбы
Стоят, как зебры, полосаты...
И о превратностях судьбы
Скорбя, задумался тогда ты:

«Аранхуэс, увы, за мной
Захлопнулись ворота парка!
Меня ласкал Филипп Второй,
Ласкали гранды Укермарка!

Внимал мне милостиво он,
А я играл маркиза Позу.
Стихами был он увлечен,
Но вовсе не одобрил прозу».

13

ТЕНДЕНЦИЯ

Бард немецкий, пой достойно
Вольность нашу, чтоб она
Косность преодолевала,
Душу к делу вдохновляла
«Марсельезы» гимном стройным.

Нет, не Вертером усталым
Перед Лоттой у окна —
Словно колокол, народу

Должен ты вещать свободу,
Быть мечом и быть кинжалом.

Но не пой ты мягче флейты,
Что идиллии полна,
Будь в стране своей тимпаном,
Пушкой, трубой, тараном,
Пой, труби, звени и бей ты!

Пой, труби, греми тревожно,
В мрак — тиранов имена!
Лишь таким и стань поэтом,
А в стихах держись при этом
Общих мест — насколько можно!

14

РЕБЕНОК

Бог это праведным, любя,
Во сне дарует вмиг.
Но как, Германия, тебя
Такой удел постиг?

Ты девушка — и вдруг сынком
Обзавелась... Но — чур!
Он обещает быть стрелком
Не хуже, чем Амур.

Коль он стрелу метнет в орла,
Хотя б тот был двуглав, —
Настигнет хищника стрела,
И рухнет он стремглав.

Но, как слепой язычник тот,
Пусть не рискует он
У нас ходить, как санкюлот,
Всегда без панталон.

Наш климат, и морали глас,
И полицейский взгляд

Предписывают, чтоб у нас
Одет был стар и млад.

15

БОЛЬШИЕ ОБЕЩАНИЯ

Мы немецкую свободу
Не оставим босоножкой.
Мы дадим ей в непогоду
И чулочки и сапожки.

На головку ей наденем
Шапку мягкую из плюша,
Чтобы вечером осенним
Не могло продуть ей уши.

Мы снабдим ее закуской.
Пусть живет в покое праздном,
Лишь бы только бес французский
Не смутил ее соблазном.

Пусть не будет в ней нахальства,
Пусть ее научат быстро
Чтить высокое начальство
И персону бургомистра!

16

ПОДКИДЫШ

Ребенок с тыквой на месте башки.
Огромен желудок, но слабы кишки.
Коса и рыжий ус. Ручонки,
Как ноги паучьи, цепки и тонки.
Этого монстра некий капрал,
Который наше дитя украл,
Подкинул нам в колыбель когда-то.
Плод необузданной лжи и разврата,
Он скотоложцем, пролезшим на трон,
В блюде с паршивою сукой рожден.
Надеюсь, его называть вам не надо, —
В костер или в омут проклятого гада!

КИТАЙСКИЙ ИМПЕРАТОР

Чудили трезвенники встарь,
 Отец мой не пил сроду.
 Но я — великий государь,
 И водку пью как воду.

Какой напиток! Ей-же-ей,
 Чудесней нет на свете!
 Чуть выпью водки я своей,
 И вот — Китай в расцвете.

В срединном царстве, вижу я,
 Блаженствует округа.
 Я сам мужчиной стал — моя
 Беременна супруга.

Везде достаток, нет больных,
 Они здоровы, право.
 Глава философов моих —
 Конфуций — мыслит здраво.

Вкусней пирожных с миндалем
 Стал наш сухарь солдатский,
 И нищий в царстве стал моем
 В шелк нынче одеваться.

Пускай хромает голова
 Иного мандарина,
 В нем сила прежняя жива
 И доблесть дворянина.

Сумел я пагоду возвесть —
 Щит веры, символ трона.
 Евреям, окрещенным здесь,
 Я орден дал Дракона.

Мятежный дух исчез совсем.
 Кричат маньчжуры дружно:
 «Нам конституция зачем?
 Нам палку, палку нужно!»

Стремясь умерить страсть к питью,
Мои врачи неправы,
И я, как прежде, водку пью
Для блага всей державы.

Еще стакан, еще стакан,
Как сладко! — точно манна.
Я пьян, народ мой тоже пьян
И рад кричать: «Осанна!»

18

ЦЕРКОВНЫЙ СОВЕТНИК ПРОМЕТЕЙ

Рыцарь Паулюс, вор почтенный,
Берегись! Угрюмы, строги,
Сдвинув брови, из-за тучи
На тебя взирают боги.

Совершил ты на Олимпе
Кражу... Дерзкая затея!
Бойся сыщиков Зевеса,
Бойся доли Прометея.

Он как вор, конечно, хуже:
Просвещения лишь ради
Он похитил с неба пламя,
Ты же — Шеллинга тетради.

Свет и Шеллинг — два контраста;
Мрак похитить ты решился,
Мрак такой же, что когда-то
На Египет опустился.

19

НОЧНОМУ СТОРОЖУ

Не боишься испортить сердце и стиль?
Что же, делай карьеру, — все прочее гиль.
Все равно ты моим остаешься собратом,
Даже будучи господином гофратом.

Каждый, понятное дело, рад
Покричать, что ты предал, что ты — гофрат.
От Эльбы до Сены твердят неизменно
Одно и то же ночью и денно:

Мол, ходули прогресса свернули вдруг
Обратно, к регрессу... Правда ли, друг,
Что ты сел верхом на швабского рака?
Что ты ищешь себе богатого брака?

Ты, может быть, спать захотел, дружок?
Всю ночь ты исправно трубил в рожок,
Теперь на гвозде он висит и пылится:
«Не буду трубить, если немец — тупица!»

В постель ты ложишься, ты хочешь уснуть,
Но тебе и глаз не дают сомкнуть.
Кричат: «Эй, Брут! Терпеть нам — доколе?
Проснись! Спасай народ от неволи!»

Крикунам и насмешникам невдомек,
Почему даже лучший страж изнемог.
О нет, не ведают те, кто юны,
Отчего под конец умолкают трибуны.

Ты хочешь знать, как живет Париж?
Ни дуновения, гладь да тишь.
Флюгера, и те начинают смущаться,
Не зная, в каком направлении вращаться.

20

К УСПОКОЕНИЮ

Мы спим, как некогда Брут. Но все ж
Проснулся он и холодный нож
Цезарю в грудь вонзил среди сената!
Тираноедом был Рим когда-то.

Не римляне мы, мы курим табак.
Каждый народ устроен так —

Свои у каждого вкус и значение;
В Швабии варят отлично варенье.

Германцы мы, каждый смел и терпим.
Здоровым, растительным сном мы спим.
Когда же проснемся, мы жаждою страждем,
Но только не крови тиранов мы жаждем.

Каждый у нас верен, как дуб,
Как липовый дуб, и сам себе люб,
В стране дубов и лип как будто
Трудно когда-нибудь встретить Брута.

А если б у нас и нашелся Брут,
Так Цезаря он не сыскал бы тут,
Искал бы Цезаря он напрасно;
Пряники наши пекутся прекрасно.

У нас есть тридцать шесть владык,
(Не много!), и каждый из них привык
Звезду у сердца носить с опаской,
И мартовы иды ему не указка.

Отцами зовем мы их всякий раз,
Отчизна же — та страна у нас,
Которой владеет их род единый;
Мы любим также капусту с свиной.

Когда отец наш гулять идет,
Мы шляпы снимаем — отцу наш почет;
Германия, — набожный ребенок,
Это тебе не римский подонок.

21

МИР НАВЫВОРОТ

Да это мир стал на дыбы,
Мы ходим вверх ногами!
В лесах подстреливает дичь
Охотников стадами.

Телята жарят поваров,
И конь оседлал человека;
И в бой католическая сова
Идет за истины века.

А Херинг стал прямой санкюлот,
И правду пишет Беттина,
И кот в сапогах представленье дает
Софокла на сцене Берлина.

Горилла строит пантеон
Немецким героям, поэтам,
А Массман вдруг причесался на днях,
Согласно немецким газетам.

Германский медведь атеистом стал,
Не хочет больше молиться,
Тогда как французский попугай
Теперь — христианская птица.

А укермаркский «Монитор» —
Тот более всех был колок.
Мертвец живому там написал
Ехиднейший в мире некролог.

Против течения не стоит плыть,
О братья, право, довольно ж!
Давайте пойдете на темпловский холм
Кричать: «Живи, король наш!»

22

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Михель! Спала с глаз завеса,
Иль еще не видишь ты,
Как вкуснейшие похлебки
Из-под носа отняты?

А в замену обещают
Радость духа, светлый край

Там, где ангелы готовят
Без говядины свой рай.

Михель! Вера ли слабее,
Иль сильнее аппетит?
Ты хватаешь кубок жизни,
Песнь язычника звучит.

Михель! Брось пустые страхи,
Набивай здесь брюхо впрок,
Чтоб потом в могильном мраке
Переваривать ты мог.

23

ПОГОДИТЕ!

Из-за того, что я владею
Искусством петь, светить, блистать,
Вы думали, — я не умею
Грозящим громом грохотать?

Но погодите: час настанет, —
Я проявлю и этот дар.
И с высоты мой голос грянет,
Громовый стих, грозы удар.

Мой буйный гнев, тяжел и страшен,
Дубы расколлет пополам,
Встряхнет гранит дворцов и башен
И не один разрушит храм.

24

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Как вспомню к ночи край родной,
Покоя нет душе "больной";
И сном забыться нету мочи,
И горько-горько плачут очи.

Проходят годы чередой...
С тех пор, как матери родной
Я не видал, прошло их много!
И все растет во мне тревога...

И грусть растет день ото дня.
Околдовала мать меня:
Все б думал о старушке милой, —
Господь храни ее и милуй!

Как любо ей ее дитя!
Пришлет письмо — и вижу я:
Рука дрожала, как писала,
А сердце ныло и страдало.

Забуть родную силы нет!
Прошло двенадцать долгих лет —
Двенадцать лет уж миновало,
Как мать меня не обнимала.

Крепка родная сторона,
Вовек не сломится она;
И будут в ней, как в оны годы,
Шуметь леса, катиться воды.

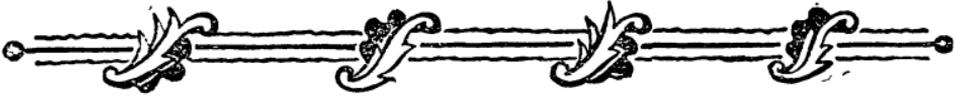
По ней не стал бы тосковать,
Но там живет старушка мать;
Меня не родина тревожит,
А то, что мать скончаться может.

Как из родной ушел земли,
В могилу многие легли,
Кого любил... Считать их стану —
И бережу за раной рану.

Когда начну усопшим счет,
Ко мне на грудь, как тяжкий гнет,
За трупом бледный труп ложится...
Болят душа, и ум мутится.

Но слава богу! В тьме окна
Зарделся свет. Моя жена
Ясна, как день, глядит мне в очи —
И гонит прочь тревоги ночи.

**ДОПОЛНЕНИЯ
К «РАЗНЫМ»**

АНЖЕЛИКА

1

О, как быстро возникает
Из минутных чувств небрежных
Столько страсти безграничной
И привязанностей нежных.

С каждым днем все больше сердцем
К этой даме я склоняюсь,
И что я в нее влюбился,
Я уже не сомневаюсь.

Высока душой. Однако
Это лишь предположенье.
Но в ее красотах внешних
Я уверен, без сомненья.

Этот нос! Улыбка эта,
Раскрывающая губы!
Эта гордая осанка!
Эти бедра! Эти зубы!

2

Счастлив я, когда ты душу
Предо мною изливаешь,
Благородными словами
Речь свою пересыпаешь.

Ты призналась, что исполнен
Дух твой нравственной силой,
Что ты гордости и чести
Часто жертвы приносила.

И что ты за миллионы,
Ах, продаться не могла бы
И что прежде чем продаться
Ты скорее умерла бы.

Я немею пред тобою,
И дивлюсь тебе без меры,
И являю образ чистой,
Непреклонной, стойкой веры.

3

Не страшись, души отрада,
Безопасно здесь, поверь;
Не страшись, что нас украдут, —
На замок я запер дверь.

Как ни дует ветер яро,
Дом сломать не хватит сил;
Я, чтоб не было пожара,
Нашу лампу потушил.

Ах, позволь, пусть обвивает
Шейку милую рука, —
Ведь легко заболевают
При отсутствии платка.

К Л А Р И С С А

1

Вновь с истерзанной душою
Ясным днем, в разгаре лета,
Пробираясь стороною,
В лес иду искать ответа.

Птичьи хоры умолкают,
Мне сочувствуя невольно;
Липы ветками качают, —
Им, должно быть, тоже больно.

Вот уж и поляна близко.
Я сажусь в немом томленьи...
«Киска, маленькая киска!» —
Стонет эхо в отдаленье.

«...Киска, мой котенок славный,
Как могла ты быть жестокой,
Стать тигрицей своенравной,
Ранить сердце мне глубоко!»

Сердце в горести суровой
Долго счастья избегало —
Пал я жертвой страсти новой,
Что в глазах твоих сияла.

Ты, мурлыча, говорила:
«О, поверь мне хоть немножко!
Не царапаюсь я, милый, —
Я ведь ласковая кошка!»

2

Соловьи в лесах беспечно
Свищут, нотных строк не зная,
Но тебе милей, конечно,
Канареек желтых стая.

Птиц в неволе держит клетка,
Ты их кормишь, и гляжу я,
Что клюют пичужки метко,
Сахар в пальчиках почуя.

Все так нежно и уютно, —
Верно, ангелы довольны!
Да и сам я поминутно
Умилен до слез невольно.

3

Весна идет и брачный пир дарит
 Веселым, звучным пеньем,
 Спеша невесту и жениха
 Поздравить с обручением.

Она шлет розы и жасмин
 С душистыми травами вместе,
 И сельдерей для жениха,
 И спаржу в дар невесте.

4

Упаси вас бог от зноя,
 Сильного сердцебиенья,
 Пота с липкостью дурною
 И желудка засоренья!

Пусть всегда, как в день венчальный,
 Нет для вас в любви предела,
 В долгом браке путь печальный
 Пусть не губит юность тела.

5

С полным правом, ангел мой,
 Можешь ты сказать: «Довольно.
 Он действительно плохой,
 Даже мне он сделал больно.

Даже мне, хоть никогда
 В зле его не упрекала
 И от клеветы всегда
 Горячо так защищала.

Мне, решившей полюбить,
 Полюбить его сердечно.
 Если б мог он не чудить
 И не куралесить вечно!»

Ты презрительно смеешься,
 Недотрогой быть желаешь;
 Даже вовсе не любя, ты
 Все же ревность ощущаешь!

Розан увидав душистый,
 Не прильнешь к цветку невольно,
 Нет, лицом в шипы уткнешься
 И уколешь нос свой больно.

ПОЛАНТА И МАРИЯ

На груди цветы в три цвета
 Означают, что оно,
 Сердце вольного поэта,
 Для свободы рождено.

Знай, по счету ты, Мария,
 В нем четвертая царишь...
 Но запомни: как другие
 С трона тоже ты слетишь.

НА ЧУЖБИНЕ

Прелестная девушка снилась мне,
 Коса — золотою короной!
 Мы в теплую летнюю ночь при луне
 Сидели под липой зеленой.

Смеялись не раз, целовались не раз,
 О жизни, о счастье болтали,
 И желтые звезды, глядя на нас,
 Завистливо вздыхали.

Но сон мой улетел. Кругом
Чернеет ночь глухая,
И девушки нет, и звезды мне вслед
Глядят, равнодушно мерцают.

КИТТИ

1

Весь день я в уладах небесных провел,
Весь вечер вкушал я блаженство.
Вино было крепко, душа весела,
Но Китти была — совершенство!

Горячие губы впивались в меня
Так бурно, так сладострастно!
Глаза, потемнев, заклинали меня
Так нежно, так робко, так властно!

Обманом бежал я. Покуда, смеясь,
Она играла со мною,
Я руки прекрасные Китти связал
Ее расплетенной косою.

2

Наши души остаются
В платоническом общенье
Тесно связаны. Навеки
Нерушимо единенье.

И одна к другой в разлуке
Путь находит без усилья,
Как у бабочек веселых,
И у душ есть тоже крылья.

И притом они бессмертны,
Вечность же так долго длится.
Было б время, всякий может
Все найти, к чему стремится.

Но телам скучать в разлуке
Очень вредно, мне поверьте;
Им даны не крылья — ноги,
И к тому же нет бессмертья.

Ты учти все это, Китти,
И в Париже здесь со мною
Оставайся. К англичанам
Вместе поплывем весною.

3

Вчера блеснуло счастье мне,
Сегодня изменило
И жёнской верностью меня
Опять не одарило.

Они из любопытства все
Моей любви искали,
Но, в сердце заглянув мое,
Мгновенно убегали.

Одна бледнела, уходя,
Другая усмехалась,
Лишь Китти молвила: «Прости!»
И горько разрыдалась.

4

БЫЛОЕ СЧАСТЬЕ

В дни, когда над юной розой
Песня соловья звучала,
Ты меня ласкала нежно
И, целуя, обнимала.

Нынче осень губит розу,
Изгнан соловей далеко,
Ты, как пташка, улетела,
И брожу я одиноко.

Холодны и долги ночи.
Не пора ль тебе обратно?
Или век о прошлом счастье
Буду грезить безотрадно?

5

Бежит все дальше барка,
Подобно быстрой лани.
Вот Темза, и пристанем
Мы возле Риджент-парка!

Живет моя там Китти.
Всех жен она в мире милее.
И тела ее белее
В Вест-Энде нет и в Сити.

Меня она ждет неустанно.
Водой котелок наполняет
И кресло к огню придвигает, —
Я чай горячий застану.

6

Китти вянет! Эти щеки
С каждым днем теперь бледней.
И перед ее кончиной
Я расстаться должен с ней.

Китти вянет! Вечной ночи
Неизбежный близок час.
И она об этом знает,
Но заботится о нас.

И велит, чтоб те чулки я
Будущей носил зимой,
Что из самой теплой шерсти
Ею связаны самой.

7

Желтеет древесная зелень,
Дрожа, опадают листья...

Ах, все увядает, все меркнет —
Все неги, весь блеск красоты.

И солнце вершины лесные
Тоскливым лучом обдаёт, —
Знать, в нём уходящее лето
Лобзанье прощальное шлет.

А я — я хотел бы заплакать:
Так грудь истомилась тоской..
Напомнила эта картина
Мне наше прощанье с тобой.

Я знал, расставаясь, что вскоре
Ты станешь жилицей небес.
Я был — уходящее лето,
А ты — умирающий лес.

8

Те глаза, что мной забыты,
Сладкий плен сулят мне снова,
И девичьим нежным взглядом
Я, как прежде, зачарован.

И, целуя эти губы,
Я о прошлом вспоминаю:
Дни тогда текли в безумствах,
Ночи — в радости без краю.

9

Тщеславье молвит: «Ты любим!»
Но разум шепчет глухо:
«Нет, ею движет не любовь,
Но благородство духа —

Желанье ободрить того,
Кто всеми был обижен,
Творить добро тому, кто был
Осмеян и унижен!»

Тебя зову, тобой живу,
Твое ловлю дыханье!
Как музыка твои слова,
В них роз благоуханье!

Ты мне сияешь как звезда,
Как дивное светило,
Что, озарив земную тьму,
Мне горечь усладило.

10

Прекрасен блеск закатного солнца.
Прекрасней сияющих глаз привет.
Лучи зари и глаза любимой
Струят мне в сердце печальный свет.

Заря вечерняя — это разлука:
Тоскует сердце тоскует взор.
Меж сердцем моим и твоими глазами
Надолго ляжет морской простор.

11

Волнует сердце безмерно
Ее издалика посланье:
В нем вечной любви обещанье,
Великой, пылкой, верной.

Хандра завладела ею,
И грудь болит — нет силы!
«Ты в Англию должен, милый,
Приехать как можно скорее!»

**СОВРЕМЕННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
1840 — 1850 ГОДОВ**

1

ГИМН

Я — меч! Я — пламя!

Я светил вам во тьме, а когда начался бой, я сражался
впереди, в первом ряду.

Вокруг меня мои убитые товарищи, но мы победили.
Мы победили, но вокруг меня мои убитые товарищи.
В торжественных песнях победы слышны погребальные
хоралы. Но у нас нет времени ни для радости, ни для горя.
Снова бьют барабаны, впереди новый бой.

Я — меч! Я — пламя!

2

ГЕРМАНИЯ

(Лето 1840 года)

Германия хоть и младенчик пока,
Но в кормилицах — солнце: ребенок
Не мирным питается молоком,
А пламенем бурным с пеленок.

Питаясь так, растут по часам,
И кровь бурлит в аорте.

Соседские ребятки, вы
С мальчуганом этим не спорьте!

Сей неуклюжий богатырек
Дуб может вырвать из почвы
И вам раздробить хребты, черепа
Размозжить. От него — все прочь вы!

В нем общее с Зигфридом, с тем молодцом,
Кто в песнях воспет был недаром,
Кто, меч отковав, наковальню свою
Рассек единым ударом.

Да! Будет день — как Зигфрид, ты
Убьешь ненавистную гидру.
Хайза! Как мамка твоя в небесах
Смеяться будет хитро!

Убьешь, и ее сокровища все
Захватишь ты в наследство.
Хайза! Как будет на солнце тогда
Сиять золотой венец твой!

3

Сова изучала пандекты,
И римское право, и глоссы;
В Италию явившись,
Спросила: «Где здесь Каносса?»

А дряхлые вороны
Сидят, опустивши крылья,
И ей отвечают: «Каносса
Покрыта прахом и пылью.

Ее бы построить снова,
Да где нам, сидя на соснах?
У нас и мрамора нету
И нет гостей венценосных».

ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОЭТУ

Поешь, как некогда Тиртей
 Пел своего героя,
 Но плохо выбрал публику,
 И время не такое.

Усердно слушают тебя
 И хвалят дружным хором —
 Как благородна мысль твоя,
 Какой ты мастер форм.

И за твое здоровье пить
 Вошло уже в обычай,
 И боевую песнь твою
 Подтягивать, мурлыча.

Раб о свободе любит петь
 Под вечер в заведенье.
 От этого питье вкусней,
 Живей пищеваренье.

О Гофман, ты — Брут немецкий!
 Ты смел и не знаешь помех.
 Отважно ты вшей напускаешь
 Князьям в горностаевый мех.

Коль чешется — нужно чесаться.
 Пусть насмерть зачешутся тут
 Все тридцать шесть тиранов —
 И наши оковы падут.

О Гофман! Ты — фон Фаллерслебен,
 Ты — Брут немецких кровей.
 Ты родину освобождаешь
 При помощи собственных вшей!

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Гервег, жаворонок железный,
 С ликующим звоном вверх ты летишь,
 К святому солнца сиянью!
 Ужели весна не в изгнанье?
 Ужель, отчизна, в цвету стоишь?

Гервег, жаворонок железный,
 Слишком высоко ты стал парить,
 Землю из виду там ты теряешь,
 Певец наш, ты весну воспеваешь,
 Что может лишь в песне царить.

7

ХВАЛЕБНЫЕ ПЕСНИ КОРОЛЮ ЛЮДВИГУ

I

Вот это герр Людвиг баварской земли,
 Таких у нас не много;
 Баварский народ в нем чтит короля
 По высшей милости бога.

Он любит искусство, чтоб с лучших дам
 Портреты рисовали;
 Как внух искусства, гуляет он
 В своем расписном серале.

У Регенсбурга он воздвиг
 Из чистого мрамора клетки,
 И высочайше для всех голов
 Он пишет там этикетки.

Валгаллское братство — прекрасная вещь,
 Означены здесь пространно
 Заслуги, характер, поступки всех,
 От Тевта до Шиндерханна.

И только упрянца Лютера нет, —
 У них он не в почете;
 Вот так и в музее — в отделе рыб
 Кита вы не найдете.

Герр Людвиг — это великий поэт,
Раздастся в этих Валгаллах
Песня его, и вскричит Аполлон:
«Молчи! Не то я пропал, ах!»

Герр Людвиг — это храбрый герой,
Герой и сынишка Оттончик;
У этого был в Афинах понос,
Слегка замаран трончик.

И герра Людвига к лику святых
Причтет по смерти папа,
И венчик так же пойдет ему,
Как нашей кошке шляпа.

Когда ж христианство примут у нас
И кенгуру с гиббоном,
Тогда, конечно, святой Людовик
Будет у них патроном.

II

Герр Людовик баварских земель
Сказал, одиноко вздыхая:
«Уходит лето, идет зима,
Листва уж совсем сухая.

И Шеллинг и этот Корнелиус
Пускай уходят разом;
Погасла фантазия у одного,
А у другого разум.

Но вот что: украдена из венца
Одна из светлейших жемчужин —
Похитили Массмана у меня,
Гимнаста, который мне нужен.

Вот это сломило, согнуло меня, —
Какой человек украден!
Ведь этот муж в искусстве своем
До высших долез перекладин!

О, где же короткие ножки его?
У носа бородавки?

Как пудель, он быстро-бодро-легко
Кувыркался на травке.

Лишь старонемецкий он знал, патриот,
Лишь цейнский, лишь яково-гриммский;
Чуждался он иностранных слов,
Особенно греческих, римских.

И желудковый кофе один
Псконно потреблял он,
Французов он грыз и лимбургский сыр,
Последним также вонял он.

О шури! Отдай мне его назад,
Потому что личность эта
Так же похожа на всех людей,
Как я похож на поэта.

О шури! Шеллинг пускай за тобой,
Корнелиус, хоть и не дурен, —
Бери его. Рюккерт не нужен мне.
Отдай мне Массмана, шури!

О шури! Довольствуйся тем, что меня
Ты нынче затмил собою;
В Германии был я первым всегда,
А нынче вторым, за тобою...»

III

В придворной мюнхенской церкви стоит
Прелестная мадонна;
Писусик спит на руках у нее,
Небес и земли оборона.

Когда Людовик баварских земель
Видит святую икону,
В восторге клонится он перед ней,
Лепечет, молит мадонну:

«Мария, о ты, королева небес,
Принцесса, чище лилеи!

Свита твоя состоит из святых,
Из ангелов — лакеи.

Пажи крылатые служат тебе:
Вплетают веночки в пряди
Волос золотых и шлейфы одежд
Несут за тобою сзади.

Мария, чистая звезда,
Лилая без пятен и тени,
Ты столько уже явила чудес
И благостных откровений!

О, пусть от источника благ твоих
Мне капля прольется худая!
Яви мне знак своих щедрот,
Высокоприсносвятая».

И видно: задвигался ротик в ответ,
Приходят в движение ножки,
И богоматерь трясет головой,
Обращаясь к спящему крошке:

«Как хорошо, что не в брюхе ты,
А на руках, Иисусе,
И счастье, что страхов и разных примет
Я больше не боюсь.

Когда б посмотрела беременной я
На этого идиота,
Тогда бы, наверное, я родила
Не бога — обормота».

8

НОВЫЙ АЛЕКСАНДР

I

Есть в Фуле король. От шампанского он
Пускает слезу неизменно.
Лишь только выпьет шампанского он —
И море ему по колено.

И, рыцарский созвав синклит,
Пред всей исторической школой
Тяжелым языком бубнит
Властитель развеселый:

«Когда Александр, македонский герой,
С немногочелюдной ратью
До Индии прошел войной,
Он пить созвал всю братью.

Так жажда мучила его
В походах от боя до боя,
Что запил он, празднуя торжество,
И помер от запоя.

Вот я — мужчина покрепче, друзья,
И дело продумал до точки:
Чем кончил он, тем начал я —
Я начал с винной бочки.

Когда хлебнешь, к боевому венцу
Быстрей находишь дорогу:
За чаркой чарка, и, смотришь, к концу
Весь мир покорен понемногу».

II

Сидит наш второй Александр и врет
Среди одурелого клира;
Герой продумал наперед
План покоренья мира:

«Эльзас-лотарингцы нам свояки, —
Зачем тащить их силой?
Ведь сами идут за коровой телки
И жеребец за кобылой.

Шампань! Вот эта страна мне милей —
Отчизна винограда!
Чуть выпьешь — в голове светлей
И на душе отрада.

Там ратный дух мой пробудится вновь,
Я в битвах смел и пылок, —

И хлопнут пробки, и белая кровь
Польется из бутылок.

И мощь моя брызнет пеной до звезд,
Но высшую цель я вижу:
Хватаю славу я за хвост
И — полным ходом к Парижу!

Там будет отдых — решено!
Ведь на заставе, у арки,
Без пошлины пропускают вино
Какой угодно марки».

III

«Наставник мой, Аристотель мой,
Был попик, но не в Париже,
А в дальней колонии. Он носил
На курточке белые брыжи.

Он как философ являл собой
Всех антитез сочетанье
И по своей же системе, увы,
Он дал мне воспитанье.

Ни рыба ни мясо, двуполым я стал —
Ни женщина, ни мужчина;
Из диких крайностей наших дней —
Дурацкая мешанина.

Я не хорош, но я и не плох,
Ни глуп, ни умен, понятно,
И если сделал шаг вперед,
Тотчас иду обратно.

Я просвещенный обскурант,
Ни жеребец, ни кобыла,
В любви к Софоклу и кнуту
Равно исполнен пыла.

Господь Иисус — мой надежный оплот,
И Вахх у меня не в загоне,
Так два антитезные божества
Слились в единой персоне».

СИЛЕЗСКИЕ ТКАЧИ

В глазах угрюмых слезы не блещут,
 Сидят за станками, зубами скрежещут;
 Ткем мы, Германия, саван твой,
 Тройное проклятье плетем каймой,
 И ткем мы, и ткем мы!

Будь проклят идол, кому мы молились,
 Когда, в нужде изнывая, бились;
 Напрасно надеялся каждый и ждал:
 Он нас одурачил, провел, осмеял.
 И ткем мы, и ткем мы!

Будь проклят король, король всех богатых,
 Смягчить не хочет он доли проклятой.
 Он последний грош заберет сейчас
 И, как собак, расстреляет нас.
 И ткем мы, и ткем мы!

Проклятье родине лицемерной,
 Где стыд с бесчестьем беспримерны,
 Где рано вянет каждый цвет,
 Где в гнили червям недостатка нет.
 И ткем мы, и ткем мы!

Челнок летит, станку невмочь,
 Мы ткем усердно день и ночь.
 Германии старой саван мы ткем,
 Тройное проклятье туда вплетем.
 И ткем мы, и ткем мы!

10

НАШ ФЛОТ

(Навигационные стихи)

Когда-то нам пригрезился флот.
 Мы весело выплыли в море.
 Попутный ветер надул паруса,
 И мы понеслись на просторе.

Фрегатам дали мы имена,
Увенчанные славой.
Гофман фон Фаллерслебен и Прутч
Возглавили строй величавый.

Поодаль бежал люгерок Фрейлиграт.
Над ним, как месяц пригожий,
Сиял царя мавританского бюст
(Тот месяц был чернокожий).

И Майер, и Пфицер, и Кёлле, и Шваб
Поплыли грузно и гордо.
На каждом, с дубовой лирой своей,
Торчала швабская морда.

За ними шхуна Бирх-Пфейфер плыла —
Краса морского семейства.
На ней черно-красный с золотом флаг
Германского адмиралтейства.

На реи мы лазили, на бушприт,
Карабкались по тросам.
Мы были в куртках, в широких штанах
Подобны заправским матросам.

Иной любитель домашних чаев
И семьянин по призванью
Стал ром тянуть, жевал табак
И сыпал отборной бранью.

У всех началась морская болезнь.
На Фаллерслебене вскоре —
На старом брандере — каждый блевал, —
Уж так полагается в море.

Как дивно мы грезили! Целый бой
Во сне провели мы победно.
Но утром, чуть солнце взошло,
наш флот,
Как сон, растаял бесследно.

Мы, растянувшись, лежали опять
В отечественной постели,
Зевали, и протирали глаза,
И хором загалдели:

«Земля круга, какого рожна
Мутить спокойные воды!
Объехав мир, к началу пути
Приходят всегда мореходы».

11

РОМАНСКОЕ СКАЗАНИЕ

Средь скульптур дворца в Берлине
Конь и женщина стоят,
Что друг с другом и поныне
Содомитский грех творят.

По преданью, эта дама —
Венценосцев наших мать,
И следы бывшего срама
В них нетрудно отыскать.

Человеческого мало
У породы этой всей:
Что-то конское попало
В жилы прусских королей.

Еле теплится сознание
В тусклом взоре. Нрав жесток.
Речь напоминает ржанье. —
Звери с головы до ног.

Отличался с малолетства
Ты один, в роду меньшей.
Человек — не жеребец ты
И христианин душой.

12

ТОРЖЕСТВЕННАЯ КАНТАТА

Беер-Меер! Кто кричит?
Меер-Беер! Где горит?
Неужели это роды?
Чудеса! Игра природы!
Он рождает, спору нет!

Се мессия к нам грядет!
Просчиталась вражья свора, —
После долгого запора
Наш мессия, наш кумир
Шлет «Пророка» в бранный мир.

Да, и это вам не шутки,
Не писак журнальных утки, —
Искус долгий завершился,
Мощный гений разрешился.
Потом творческим покрыт,
Славный роженик лежит
И умильно бога славит.
Гуэн герою грелки ставит
На живот, обвисший вдруг
Словно выпитый бурдюк.

Пуст и тих родильный дом.
Но внезапно — трубный гром,
Гул литавр и дробь трещоток,
И в двенадцать тысяч глоток
(Кое-кто оплачен здесь)
Возопил Израиль днесь:
«Слава, наш великий гений,
Кончен срок твоих мучений,
Драгоценный Беер-Мер!
Несравненный Меер-Бер!
Ты, намучившись жестоко,
Произвел на свет «Пророка».

Хор пропел, и тут один
Выступает господин,
Некий Брандус по прозванью,
Он издатель по призванью,
С виду скромненький, прям и прост
(Хоть ему один прохвост,
Крысолов небезызвестный,
Преподавал в игре совместной
Весь издательский устав),
И, пред гением представ,
Словно Мириам в день победы,
(Это помнят наши деды)
В бубен бьет он и поет:

«Вдохновенья горький пот
Мы упорно, бережливо,
Многотрудно, терпеливо,
Год за годом, день за днем
Собирали в водоем,
И теперь — открыты шлюзы,
Час настал — ликуйте, музы!
Полноводен и широк,
Мощный ринулся поток,
По значению и по рангу
Равный Тигру или Гангу,
Где под пальмой в час заката
Резво плещутся слонята;
Бурный, словно Рейн кипучий
Под шафгаузенской кручей,
Где, глаза, мочит брюки
Студиозус, жрец науки;
Равный Висле, где под ивой,
Песней тешась горделивой,
Вшей надменный шляхтич давит
И геройство Польши славит.
Да, твои глубоки воды,
Словно хлябь, где в оны годы
Потопил всевышний тьмы
Египтян, меж тем как мы
Бодро шли по дну сухие.
О, величие стихии!
Где найдется в целом мире
Водный опус глубже, шире?
Он прекрасен, поэтичен,
Патетичен, титаничен,
Как природа, как создатель!
Я — ура! — его издатель!»

ЭПИЛОГ
ТОРЖЕСТВЕННОЙ КАНТАТЫ
В ЧЕСТЬ MAESTRO CELEBERRIMO FIASCOMO

Я слышал от негров, что если на льва
Хандра нападет — заболит голова, —

Чтоб избежать обостренья припадка,
Он должен мартышку сожрать без остатка.

Я, правда, не лев, не помазан на царство,
Но я в негритянское верю лекарство.
Я написал эти несколько строф —
И, видите, снова и бодр и здоров.

13

МИХЕЛЬ ПОСЛЕ МАРТА

Немецкпй Михель был с давних пор
Байбак, не склонный к проказам.
Но март и в нем разжег задор:
Он стал выказывать разум.

Каких он чувств явил порыв,
Наш белокурый приятель!
Кричал, приличия забыв,
Что каждый князь — предатель!

И музыку волшебных саг
Уже я слышал всюду.
Я, как глупец, попал впросак,
Почти поверив чуду.

Но ожил старый сброд, а с ним
И старонемецкие флаги.
Пред черно-красно-золотым
Умолкли волшебные саги.

Я знал эти краски, я видел не раз
Предвестья подобного рода.
Я угадал твой смертный час,
Немецкая свобода.

Я видел героев минувших лет —
Ардта и дядю Яна.
Они из могил выходили на свет,
Чтоб драться за кайзера рьяно.

Я увидал всех буршей вновь,
Безусых любителей рома,
Готовых, чтоб кайзер узнал их любовь,
Пойти на все, до погрома.

Попы, дипломаты (всякий хлам),
Адепты римского права —
Творила единенья храм
Преступная орава.

А Михель пустил и свист и храп
И скоро, с блаженной харей,
Опять проснулся как преданный раб
Тридцати четырех государей.

14

В моей любезной отчизне,
Растет там древо жизни;
Но манит вишенье людей,
А птичье пугало им страшней.

И мы давай, как галки,
Бежать от чертовой палки;
Цвети и смейся, вишня, здесь, —
А мы поем отречения песнь.

У вишни сверху красный вид,
Но в косточке — там смерть торчит;
Лишь в небе, где всевышний,
Без косточек все вишни.

Бог отче, бог сыне, бог дух святой,
Которые чтимы нашей душой,
К вам из скудельной рухляди
Немецкий бедный дух, лети.

Лишь там, где ангел летает,
Блаженство созревает;
А здесь наш мир во всем иной:
Здесь вишни все с оскоминой.

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ТОЛКОВАНИЕ

Нет, пророка угощала
Не ворона. Но в питанье
Воронье употреблял он, —
Вот как понял я писанье.

Голубиное жаркое
Так вороньим заменили, —
Ах, в Берлине нам такое
Уж не раз преподносили!

ПО ЭТУ И ПО ТУ СТОРОНУ
РЕЙНА

Резвость мягкая и живость,
Грациозная болтливость,
Смех, чарующая ложь,
Лихорадки страстной дрожь
И любви живой порывы —
Вот, французы, чем сильны вы!

Немцы — как того не видеть? —
Мастера лишь ненавидеть.
Эту ненависть излить
Нужно им во что б ни стало,
И чтоб яд ее вместить —
Гейдельбергской бочки мало.

КРИК СЕРДЦА

Нет, в безверье толку мало:
Если бога вдруг не стало,
Где ж проклятья мы возьмем, —
Разрази вас божий гром!

Без молитвы жить несложно,
Без проклятий — невозможно!
Как тогда нам быть с врагом, —
Разрази вас божий гром!

Не любви, а злобе, братья,
Нужен бог, нужны проклятья,
Или все пойдет вверх дном, —
Разрази вас божий гром!

18

ИЗБАВИТЕЛЬ

Ликуешь! Ты думаешь, Плантагенет,
У нас ни малейшей надежды нет!
А все потому, что нашлась могила,
Где имя «Артур» написано было!

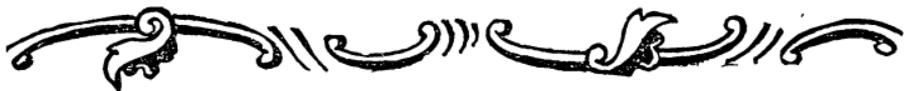
Артур не умер, не скрыла земля
Холодным саваном труп короля.
Вчера следил я, глазам не веря,
Как он, живехонек, поднял зверя.

На нем зеленый парчовый наряд;
Смеются губы, глаза горят;
На гордых конях, по тропам дубровы,
За ним летели друзья звероловы.

Его рога заглушают гром:
Трара! трара! — рокочет кругом.
Чудесные гулы, волшебные громы
Сынам Корнуэля милы и знакомы.

Они говорят: «Не пришла пора,
Но она придет — трара! трара!
И король Артур своему народу,
Прогнав норманнов, вернет свободу».

**ЛИРИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ, РОМАНСЫ,
ФРАГМЕНТЫ
1828—1850 ГОДОВ**

1

Сердца людские рвутся,
А звездам смешно бесстрастным;
Лепечут и смеются
Они на небе ясном:

«Да, всей душой друг друга
Несчастливые люди любят,
Томятся от недуга
И жизнь любовью губят.

Мы вечно знать не будем
Томительной истомы,
Несущей гибель людям, —
Со смертью мы не знакомы».

2

К ДЕВИЧНИКУ

I

Все понимая, большими глазами
Взглянула ты, и я прочел,
Что нету общего меж нами:
Ты так добра, а я так зол.

Да, я так зол, что вот бездушно
Насмешку в дар несу со зла
Той, что мила так, и радушна,
И даже искренна была.

II

Знаешь повара и кухню,
Дырки, норки уследишь,
И куда б с тобой ни шли мы,
Ты всегда опередишь.

Вот невесту отбиваешь,
Милый друг, — ведь это смех;
Но смешней, что я же должен
Поздравлять тебя при всех.

III

«Счастье нам любовь дарует
И богатство заодно!» —
В песнях громко так толкует
Вся империя давно.

Песни смысл ты понимаешь,
Сердце у тебя поет,
И, ликуя, ожидаешь,
Что великий день придет.

Краснощекую невесту
Взять за ручку он сулит,
И папаша, очень к месту,
Кошелем благословит.

И кошель тот не пустует:
Деньги, платье — все дано, —
Счастье нам любовь дарует
И богатство заодно.

IV

Нагую почву уж покрывает
Покров цветочный, зеленый лес:

Победный свод он воздвигает,
И марш триумфальный звучит с небес.

Верхом въезжает апрель чудесный;
Глаза блистают, играет кровь.
На нашей свадьбе он гость уместный:
Побыть приятно, где есть любовь.

3

В разных формах возникаю
Близ тебя я ежечасно,
Но всегда притом страдаю, —
Ты казнишь меня ужасно.

Если ты меж грядок летом
Мотылька сомнешь, гуляя, —
Слышишь ли, как я при этом
Тихо жалуясь, вздыхая?

Если рвешь ты розан красный
И смеешься, обрывая
Лепестки цветка бесстрастно, —
Слышишь ли, как я вздыхаю?

И когда смелеет роза,
В руку больно шип вонзая,
И ты чувствуешь занозу, —
Слышишь ли, как я вздыхаю?

Слышишь, как печальным звуком
В голос твой я проникаю?
Ночью я от тяжелой муки
Из души твоей вздыхаю.

4

БЕРТА

Всегда скромна, всегда мила, —
Я думал, что ангел со мною;

Писала чудные письма мне,
Нежна была даже с травкою.

С ней собирались мы к венцу,
Но тетки узнали об этом,
И Берта, глупое дитя,
Поступила по их советам.

Где верность мне, где клятвы все?
Но я ей охотно прощаю:
В супружестве и жизнь и любовь
Она отравила б, я знаю.

Неверность Берты, в сущности,
Особенность женской природы,
И я одного желаю ей —
Чтоб счастливы были роды.

5

ИЗМЕНИЦА ЛУИЗА

После измены Луиза
Приходит с ласковой речью.
Сидит несчастный Ульрих.
Печально колеблются свечи.
Ласкается и шутит,
Его улыбки просит:
«Мой бог, как ты изменился,
Ты не смешься вовсе!»
Ласкается и шутит,
У ног сидит беззаботно.
«Но что с твоей рукою,
Худою и холодной!»
Ласкается и шутит
И сразу на миг замолкла.
«Мой бог, золы белее
Теперь твой черный локон!»
Сидит несчастный Ульрих,
А сердце разбито словно,
Целует он влую красотку,
Но сам не молвит ни слова.

Я много творю песнопений,
 Пою их милой давно,
 Они, звеня опереньем,
 Влетают к тебе в окно.

А мальчики — дар супруга,
 Храпящего рядом с тобой, —
 Они прибегают с луга,
 Из рощи к тебе домой.

И люди охотно внемлют
 Созвучьям песен моих;
 Но уши они затыкают
 От воя мальчишек твоих.

Кто песнь эту пел беззаботно,
 Тот ночь одиноко провел;
 Он вместо бы песен охотно
 Мальчишек на свет произвел.

7

ХОЛОДНЫЕ СЕРДЦА

Помню я тебя впервые
 Средь картонной суеты:
 Джессику, что холил Шейлок,
 Всю в шелках, играла ты.

Ясен, холоден был голос,
 Лоб холодным был и ясным,
 И была ты, донна Клара,
 Схожа с глетчером прекрасным.

И еврей простился с дочкой, —
 Ты крещеному досталась.
 Шейлок, плачь! Рыдай, Лоренцо!
 И от стужи сердце сжалось.

Помню я тебя вторично, —
Встреча та была нежней:
Был твоим я дон Лоренцо,
Ты же — Джессикой моей.

Видно, страсть тебя пьянила,
А во мне вино играло:
Целовал тебе глаза я,
Ледяные, как кристаллы.

Пожелал я стать супругом, —
Был ли впрямь я околдован,
Или при тебе мой разум
Лютым холодом был скован?

И в Сибирь тотчас умчался
Я с женою молодою, —
Ложе брачное простерлось
Мрачной степью ледяною.

Долго в той степи лежал я,
Одинок, дрожа всем телом,
Бормоча любви признанья
Голосом оледенелым.

Лишь холодная подушка
Сердца жаркого коснулась —
И Амур стучит зубами,
Джессика же отвернулась.

* * *

Бедные мои младенцы —
Песни, шутки, — что же с вами?
Вы рождаетесь отныне
Все с отмерзшими носами!

Муза тоже простудилась, —
Музы — хрупкие созданья, —

Шепчет мне: «Мой милый Генрих,
Я замерзла... До свиданья!»

Ах! Любви холодной храмы
Не согреть свечам грѣшным!
Почему ж меня мой компас
Манит лишь к морям ледовым?

8

Как изящна соразмерность
В стройном и высоком теле!
Как подходит к гибкой шее
Прелесть маленькой головки!

Нежно, трогательно даже
И лицо твое, где слился
Женский взгляд сластолюбивый
С робкой детской улыбкой.

Если б на плечах покатых
Кое-где густою тенью
Пыль земная не лежала,
Я б сравнил тебя с Венерой —

С Афродитою бессмертной,
Из морской волны возникшей,
Молодостью озаренной
И как следует умытой.

9

«Очи, смертные светила!» —
Было песенки начало,
Что когда-то мне в Тоскане
Возле моря прозвучала.

Пела песенку девчонка,
Сеть у моря починяя,

И смотрела так, что начал
Целовать ее в уста я.

Песенку и сеть у моря
Вспомнил я, когда, тоскуя,
Увидал тебя впервые, —
Дай же рот для поцелуя!

10

Зазвенело в песне звонкой
Все, что я в душе таил, —
Бог любви свою ручонку
Здесь, конечно, приложил.

Он маэстро в театре сердца
Моего, — и каждый миг
Превращает в звуки скерцо
Дум и чувств моих язык.

11

В чем значенье желтой розы?
То любовь, что злобе мстит,
Злоба, что любовь мутит, —
Так и любить сквозь злости слезы!

12

Нам часто бывает и грустно,
Да и смешно, потому,
Что сердце стремится к сердцу,
А ум не верит уму.

«Знаешь ли ты, мой ангел,
Как сердце мое полно?»
А она головкой качает:
«Кто знает, чье же оно!»

Человек от этого счастлив,
 Человек от этого слег.
 Имеешь трех милых любовниц
 И только пару ног.

К одной бегу я утром,
 К другой в вечерний час,
 А третья — после обеда
 Сама приходит как раз.

Прощайте вы, три дорогие,
 Лишь две ноги у меня;
 Я лучше поеду в деревню,
 Созерцать красоту бытия.

14

От глупых девушек трудно мне,
 Я думал, толку добиться,
 А к умным пришел — и вот вдвойне
 Мне с ними трудней сговориться.

Уж слишком умницы те умны,
 Вопросы их невыносимы,
 Когда же сами ответить должны,
 Смеются, проходят мимо.

15

В СОБОРЕ

Дочь обер-кистера вела
 Меня по святыне портала,
 Как золото косы, и ростом мала,
 Косынка с шейки сползала.

За грош осмотрел я — собор был стар —
 Кресты, гробницы, дверцы.
 Взглянув на личико Эльсбет, жар
 Почуял я в самом сердце.

И снова глядел я вверх и вниз —
На храма хоругвь святую,
На жен, что в пляске на стеклах неслись,
В одном белье, аллилуя!

Дочь обер-кистера целый час
Вместе со мной оставалась.
Была у ней пара чудесных глаз,
В которых все отражалось.

Дочь обер-кистера назад
Вышла со мной из портала, —
Красна была шейка, ротик сжат,
С груди косынка ушла.

16

Если ты связан интимно с дамой,
Мой друг, скрывай ее имя упрямо!
Ради нее — если дама дворянка,
Ради себя — если дама мещанка.

17

Спокойно море под луной.
Бормочут тихо волны.
Но тяжело душе больной,
Стою, мечтами полный

О сказке той, что говорит
О сгбнувшем селенье,
Где в глубине морской звучит
Звон церкви и моленья.

Молитвы и колокола
Напрасны будут тоже, —
Все, что могила погребла,
Вернуться уж не сможет.

БЕГСТВО

На волнах месяц кроткий
Горит то там, то тут.
В качающейся лодке
Любовники мирно гребут.

«О, как бледна ты стала,
Возлюбленная моя!» —
«Любимый, я плеск услышала,
Нас догоняет ладья».

«Попробуем вплавь, дорогая,
Возлюбленная моя!» —
«Любимый, отец, проклиная,
Догонит, чувствую я».

«Держи лишь голову выше,
Возлюбленная моя!» —
«Любимый, о горе, ты слышишь,
Все глубже нас тянет струя».

«Сковал нас холод ужасный,
Возлюбленная моя!» —
«Любимый, и смерть прекрасна,
Когда с тобою я».

ПРОЩАЙ

Как пеликан, тебя питал
Я кровью собственной охотно,
Ты ж в благодарность поднесла
Полынь и желчь мне беззаботно.

И вовсе без желанья зла:
Минутной прихоти послушна,
К несчастью, ты была всегда
Беспамятна и равнодушна.

Прощай! Не замечаешь ты,
Что плачу я, что в сердце злоба...
Ах, дурочка! Дай бог тебе
Жить ветрено, шутя, до гроба.

20

ГДЕ?

Где последний час покоя
Рок усталому пошлет?
Там, на юге, в пальмах, в зное,
Иль среди лип, у рейнских вод?

Буду ль я зарыт в пустыне
Равнодушною рукой,
Иль у скал, где море сине,
Опущусь в песок сырой?

Все равно! Везде отрадой
Будет свод небесный мне
И надгробною лампадой —
Эти звезды в вышине.

21

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Женское тело — это стихи,
Они написаны богом,
Он в родословную книгу земли
Вписал их в веселии многом.

То был для него благосклонный час,
И бог был во вдохновенье,
Он хрупкий, бунтующий материал
Оформил в стихотворенье.

Воистину тело женщины — песнь,
Высокая Песнь Песней;

Строфы — стройные члены его,
И нет этих строф чудесней.

Как божеская мысль
Шея белая эта,
Что голову маленькую несет,
Кудрявую тему сюжета!

Распуколки розовые грудей
Отточены, как эпиграмма,
И несказанна цезура та,
Что делит груди прямо.

Плавные бедра выдают
Пластика-маэстро;
Вводный период, закрытый листком, —
Тоже прекрасное место.

И в этой поэме абстракций нет!
У песни мясо и зубы,
Руки, ноги; целуют, шалят
Отличной рифмовки губы.

Прямая поэзия дышит здесь!
Прелесть в каждом движенье!
И на челе своем эта песнь
Несет печать завершенья.

Хвалу воспою, о боже, тебе,
Молиться буду во прахе!
Перед тобою, небесный поэт,
Мы жалкие неряхи.

И погрузиться, о боже, хочу
В великолепье стихов я;
И изучать поэму твою
И день и ночь готов я.

Да, день и ночь зубрю я ес,
Без отдыха, ночь и день я;
Стали сохнуть ноги мои, —
Это все от ,ученья.

К ДЖЕННИ

Тебе пятнадцать лет всего лишь,
А мне уже тридцать шестой....
Но лишь тебя я вижу, Дженни,
Я брежу старою мечтой.

То было в восемьсот семнадцатом.
Я встретил девушку, — она
Была в такой же вот прическе,
Как ты, прекрасна и стройна.

«Учиться в университеты
Иду», — сказал я ей тогда.
«Ты подожди, — она сказала. —
Ты счастья моего звезда!»

Провел три года в Геттингене
Я за пандектами сполна,
И мая первого я слышу,
Что замужем уже она.

Был, точно, май. Смеясь, летела
Весна по зелени полей,
И червь последний наслаждался
Сияньем солнечных лучей,

А я, полубольной и бледный,
Терял запасы прежних сил,
И только господу известно,
Что я в те ночи пережил.

Но я поправился. И снова
Я крепок, словно дуб лесной...
Но лишь тебя я вижу, Дженни,
Я брежу старою мечтой.

РАНО УТРОМ

Моя милая жена,
Моя славная подруга
Приготовила мне завтрак —
Темный кофе, крем и сливки.

И сама мне подала —
Шутит, нежно улыбаясь.
Нет, во всем крещеном мире
Не найти такой улыбки!

Да и голос как свирель
Лишь у ангелов услышишь
Или на земле, быть может,
Лишь у соловьев сладчайших.

Руки, как они белы,
И как романтичны кудри
Вкруг румяного лица...
Эта прелесть — совершенство!

Только думается мне,
Почему, и сам не знаю, —
Что бы талии ее
Быть немножечко поуже!

24

Причудам дерзостно и смело
Я жизнью жертвовал всегда.
Я проиграл, но не беда, —
Не ты ли, сердце, так хотело!

Как говорят, блаженны люди,
Когда куют судьбу свою.
Я жизнь растратил, признаю,
Но я не изменял причуде.

Хоть кратко счастье достижения,
Хоть быстротечен был обман, —
Тому ли, кто блаженством пьян,
Считать прекрасные мгновенья!

Ведь счастье вечности равно:
Что время там и что пространство,
Где всех огней непостоянство
Слило в один пожар оно!

25

СЕЛИМЕНЕ

Не по глупости терплю я
Чертов нрав твой неприличный,
И не думай — не господь я,
К всепрощению привычный.

И притворство и коварство
Я сносил всегда без злобы,
На моем бы месте каждый
Придушил тебя давно бы.

Тяжкий крест! Его влачу я,
Полный кроткого терпенья, —
Знай: моей к тебе любовью
Искуплю я прегрешенья.

Ты чистилищем мне служишь;
От твоей ужасной скверны
Буду я навек избавлен
Божьей милостью безмерной.

26

К ДОЧЕРИ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Тобой любуясь, вижу вновь —
Цвел розы куст, волнуя кровь, —
Его аромат меня дурманил
И голову мою туманил.
Воспоминаний встает чреда.

Ах! Глуп и молод я был тогда!
Я стар, и все же глуп, и зренье
Мое ослабло. Стихотворенье
Я должен писать, но мощь не та, —
Душа полна, голова пуста!

Росточек родственный ты мой!
В душе моей, когда я с тобой,
В ее глубинах потайных, скрытых
Встает толпа видений забытых.
Сирены прекрасные, тени былого,
Мне рукоплеща, улыбаются снова:
На ту, чьи всех прекрасней черты,
Как волос на волос, похожа ты.

Я прежнюю свою любовь,
Тобой любуясь, вижу вновь!
И взгляд и повадки милой сирены,
И голосочек такой же бесценный.
Звенел колдовски ее голосок, —
И кто же ему противиться мог!
А искорки лести в зеленом зоре
Напоминали дельфинов в море.
Пожалуй, брови были редки,
Но так изогнуты и высоки,
Как триумфальные арки, взлетали,
И милые ямочки украшали
У самых глаз эти розы-щечки.
Однако ни люди, ни ангелочки
Не безупречны вполне. И часто бывали
Пороки у лучших. Мы об этом читали
В старинных сказках. Господин Лузиньян —
Он страстью к русалке был обуян —
Не раз, играя с своей ундиной,
Нащупывал хвост у нее змеиный.

«Друг сосед, прошу прощенья,
Ведь у ведьмы есть уменье

Превращать себя в зверей,
Чтобы мучить тем людей.

Ваша кошка — мне жена,
Знаю это точно я;
Пахнет, скачет, мордой тычет,
Лапки моет и мурлычет».

Сосед с соседкою в ответ:
«Бери ее, нам дела нет».
Дворовый пес: «Вау, вау!»
Мяучит кошка: «Мяу».

28

Ручки чмокать, шаркать ловко,
Гнуть колена со сноровкой —
Гаерства ничтожный бред;
Верь, дитя, здесь сердца нет.

29

Жил черт, и черт из важных,
А не какой-нибудь.
Но раз мартышка стала
Его за хвост тянуть.

Тянула и тащила,
Мой черт был сам не свой,
Он выл — и от восторга
Ей бросил золотой.

30

ОТВЕТ

Да, путь, что ты избрал, конечно, правый,
Но не спеши создать себе кумира;

Не ароматом мускуса и мирры
Мне веет чрез германскую заставу.

Повременим трубить победы славу,
Пока при сабле ходят наши сбиры;
Боюсь: змея поет любовь на лире,
Свободу — волк с ослом поют гнусаво.

31

Идет конец — в том нет сомненья.
К чертям идут любовь, волненья.
Освобожденною душой
Вкуси прохладу и покой

Благих семейственных услад.
Обласкан жизнью, кто богат,
И свет ему сердечно рад.
Он вволю ест; бессонной думой

Не мучаясь в ночи угрюмой,
Спокойно спит и видит сны
В объятьях преданной жены.

32

Друг, что слышу! Распростился
Со своей ты толстой Ганной,
И как будто соблазнился
Длинной тощей Марианной!

В жизни все бывает с нами, —
Плотью всякий рад прельститься, —
Но заигрывать с мощами...
Этот грех нам не простится.

Что за наважденье ада!
Это действует лукавый, —
Шепчет: толстых нам не надо,
И мы тешимся с костлявой.

Земные страсти, что горят нетленно,
Куда идут, когда в земле мы сгнили?
Они идут туда, где раньше были,
Где ждет их, окаянных, жар геенны.

ПОЭМЫ

АТТА ТРОЛЛЬ

(Сон в летнюю ночь)

Раскрыв свой мерцающий белый шатер,
Царь мавров выходит на бранный спор...
Так месяц, мерцая сквозь облачный флер,
Выходит из мглы на широкий простор.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Атта Тролль появился на свет поздней осенью 1841 года. Отрывки из этой поэмы я тогда же напечатал в «Elegante Welt», редактором которого снова стал мой друг Лаубе. Содержание и строй поэмы пришлось подчинить ручному направлению этого журнала. Я написал сначала только те главы, которые могли быть напечатаны, но и они претерпели множество изменений. Я рассчитывал закончить свою поэму и вскоре опубликовать ее полностью, но так и остался при этом похвальном намерении. С Атта Троллем случилось то же, что со всеми великими творениями немцев, с Кельнским собором, с богом Шеллинга, с прусской конституцией, — он не был закончен. В этом незаконченном виде, кое-где подчистив и внешне округлив свою поэму, я отдаю ее на суд публики, подчиняясь требованиям отнюдь не внутреннего порядка.

Атта Тролль, как я уже сказал, появился на свет поздней осенью 1841 года, когда великий бунт, поднятый против меня разношерстными врагами, еще не совсем отбушевал. То был поистине великий бунт! Я никогда не думал, что Германия производит столько гнилых яблок, сколько их тогда летело в мою голову. Наше отечество — благословенная страна! Правда, здесь не растут ни лимоны, ни апельсины, а немощные лавры только с большим трудом пробиваются на немецкой почве, но зато гнилые яблоки она производит в таком удивительном изобилии,

что все наши великие поэты слагали песни на этот сюжет. Несмотря на бунт, поднятый в надежде отнять у меня корону и голову, я не потерял ни той, ни другой, и нелепые обвинения, имевшие целью натравить на меня чернь, распались прахом, даже не заставив меня унизиться до ответа. Время взяло на себя мое оправдание, и уважаемые немецкие правительства — я с благодарностью должен это признать — также немало потрудились в мою пользу. Приказы об аресте нетерпеливо поджидают возвращения поэта на каждой станции, начиная от немецкой границы, и ежегодно в святочные дни, когда на елках мерцают уютные свечки, эти приказы возобновляются. Такая ненадежность дорог отбивает у меня всякую охоту ехать в Германию, — я праздную каждое рождество на чужбине, и на чужбине, в изгнании, окончу свои дни. А между тем храбрые паладины истины и света, обвинявшие меня в непостоянстве и раболепстве, уверенно шагают по отечественной земле. Теперь это откормленные чиновники, или сословные вельможи, или завсегдатаи клуба, они по вечерам патриотически освежаются виноградным соком, этим благородным даром папаши Рейна, и пахнущими морем шлезвиг-гольштейнскими устрицами.

Я с определенным умыслом рассказал вам, в какой период появился на свет Атта Тролль. Это было в ту пору, когда процветала так называемая политическая поэзия. Оппозиция, как сказал Руге, продала свою шкуру и стала поэзией. Музам строго приказали прекратить легкомысленное праздничатание и заняться служением отечеству — в качестве не то маркитанток свободы, не то прачек христианско-германской национальности. В роще немецких бардов заклубился бесплодный и смутный пафос, бесполезный туман энтузиазма, с полным презрением к смерти низвергавшийся в море банальности и всегда напоминавший мне пресловутого американского матроса, который так самозабвенно восхищался генералом Джексонном, что прыгнул однажды с верхушки мачты в море, крикнув при этом: «Я умираю за генерала Джексона!» Да, мы, немцы, еще не имели флота, но среди нас уже было множество матросов, которые в стихах и в прозе умирали за генерала Джексона. В те времена талант был весьма сомнительным даром, так как он вызывал подозрение в бесхарактерности. Завистливая бездарность после тысяче-

летних усилий наша, наконец, могучее оружие против дерзости гения: она открыла антитезу таланта и характера. Каждый обыватель чувствовал себя польщенным, когда толпе преподносились такие истины: все порядочные люди, как правило, плохие музыканты, зато хорошие музыканты — это менее всего порядочные люди, а ведь главное в мире не музыка, а порядочность. Пустая голова получила право ссылаться на переполненное сердце, и благонравие стало козырной картой. Я вспоминаю одного писателя тех времен, считавшего своей особой заслугой то, что он не умеет писать. За свой дубовый стиль он получил почетный серебряный кубок.

Клянусь вечными богами! То было время, когда приходилось отстаивать неотъемлемые права духа, конечно и в области поэзии. О борьбе за эти права — об этой главной задаче моей жизни — я не забыл и в предлагаемой поэме. Как содержание, так и самый тон ее были протестом против плебисцита современных трибунов. И действительно, уже первые напечатанные отрывки из «Атта Тролля» вызвали разлитие желчи у моих героев постоянства, у этих римлян, обвинявших меня не только в литературной, но и в общественной реакции и даже в глумлении над самыми святыми идеями человечества. Что касается эстетической ценности моей поэмы, скажу только одно: тогда, как и теперь, я мало заботился о ней. Я написал эти стихи в причудливом стиле той романтической школы, которой я отдал лучшие годы юности, хотя и кончил тем, что высек моего учителя. Возможно, что в этом отношении моя поэма заслуживает порицания. Но ты лжешь, Брут, ты лжешь, Кассий, и ты, Азиниус, лжешь, утверждая, что моя насмешка направлена против идей, являющихся драгоценным завоеванием человечества, идей, за которые сам я столько боролся и страдал. Нет, именно потому, что эти идеи так величаво, с таким великолепием и ясностью сияют перед взором поэта, на него нападает неудержимый смех, когда он видит, как пошло, неуклюже и грубо воспринимаются эти идеи его ограниченными современниками. И поэт начинает издеваться над медвежьей шкурой, в которую они облеклись. Бывают зеркала настолько кривые, что сам Аполлон отражается в них в карикатурном виде и вызывает у нас веселый смех. Но мы ведь смеемся над кривым отражением, а не над богом.

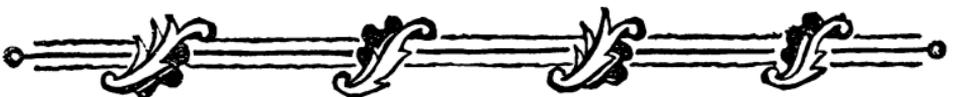
Еще одно слово! Нужно ли предупреждать, что пародия на фрейлигратовское стихотворение, которая здесь и там озорно проглядывает в строфах «Атта Тролля» и образует комический подтекст поэмы, отнюдь не направлена на осмеяние этого поэта? Я высоко ценю Фрейлиграта, особенно теперь, — я причисляю его к самым значительным из поэтов, выступавших в Германии после июльской революции. С первым сборником его стихов я познакомился с запозданием, именно в ту пору, когда писался «Атта Тролля». Быть может, моим тогдашним настроением объясняется то, что мавританский царь заставил меня развеселиться. Этот продукт фрейлигратовского творчества славится как наиболее удачный. Для читателей; не знающих упомянутого произведения, — а такие могут найтись и в Китае, и в Японии, и даже на Нигере и в Сенегалии, — замечу, что у мавританского царя, который в начале стихотворения появляется из своего белого шатра, изображая собой лунное затмение, имеется черная возлюбленная, над смуглым лицом которой колышутся белые страусовые перья. Исполненный бранного пыла, царь покидает ее и под грохот барабана, увешанного черепами, кидается в негритянскую битву. Увы! Там находит он свое черное Ватерлоо, и победители продают его белым. Последние тащат благородного африканца в Европу, и здесь мы встречаем его на службе в какой-то бродячей цирковой труппе, где ему поручено бить во время представления в турецкий барабан. И вот стоит он перед нами, серьезный и мрачный, у входа в балаган и барабанит, и в то же время думает о своем былом величии, о том, что когда-то был он абсолютным монархом на далеком-далеком Нигере, где он охотился на львов и тигров.

Его глаза застелил туман.

Ударил! — и лопнул, гремя, барабан.

Написано в Париже, в декабре 1846 года

Генрих Гейне

АТТА ТРОЛЛЬ

1

Убаюканный в долине
Песней бурных водопадов,
Среди гор лежит веселый,
Элегантный Котэре.

Все дома нарядно-белы,
Все с балконами большими,
А с балконов смотрят дамы
И смеются звонким смехом.

И, смеясь, глядят на площадь,
Запруженную народом,
Где медведица с медведем
Лихо пляшут под волынку.

Те танцоры — знаменитый
Атта Тролль с его супругой,
Черной Муммой; и ликуют,
Восхищаясь ими, баски.

Величав, степенно-важен,
Пляшет славный Атта Тролль.
У косматой половины
Нет достоинства и меры.

Да, мне чудится, что Мумма
Канканирует порою!

Так бесстыдно крутит задом, —
Право, вспомнишь Grand' Chaumière.

И достойный медвежатник,
На цепи водящий Мумму,
Сам, как видно, понимает
Аморальность этой пляски.

И подчас он так усердно
Угощает Мумму плетью,
Что от воя черной дамы
Стон стоит меж гор окружающих.

Этот храбрый медвежатник
Носит шесть мадонн на шляпе,
Чтобы голову вернее
Уберечь от пуль и вшей.

На плечо покров алтарный
Он накинул живописно,
Будто плащ. Под ним он прячет
Острый нож и пистолет.

Был он в юности монахом,
А потом он стал бандитом,
Оба дела позже слил он
У дон Карлоса на службе.

А когда бежал дон Карлос
Со своей застольной кликой
И пришлось за честный труд
Взяться прежним паладинам

(Пан Шнапганский стал поэтом), —
Тут наш славный рыцарь веры
В медвежатники пошел.
Взял он Мумму, Атта Тролля

И по всей стране их водит
Напоказ базарной черни, —
В Котэре на рынке пляшет
Злополучный Атта Тролля.

Атта Тролля — когда-то гордый
Царь лесов и гор свободных! —
Он теперь в долине пляшет
Пред людской вульгарной чернью.

И притом — какой позор! —
Пляшет ради гнусных денег —
Он, любивший грозным рыком
Наводит на смертных ужас!

Вспомнит он бывлые годы,
Вспомнит мощь и власть былую —
И глухие стоны рвутся
Из души смятенной Тrolля.

Он угрюм и хмур, как черный
Фрейлигратовский царь мавров:
Царь так плохо барабанил,
А медведь так плохо пляшет!

Но лишь смех, не состраданье
Будит он. Сама Джульетта
Насмехается с балкона
Над прыжками лютой скорби.

У французенки Джульетты
Нет сердечности немецкой,
Вся — во внешности, но внешность
Восхитительна, волшебна.

Взор ее лучистой сетью
Ловит нас, — и наше сердце,
Точно пойманная рыбка,
Бьется и трепещет нежно.

2

Черный царь у Фрейлиграта
Так жестоко барабанил,
Так лупил, что барабан
Застонал и с треском лопнул, —

Вот где пафос барабанный,
Вот где барабанный ужас!
Но представьте вид медведя,
Если он с цепи сорвался.

Сразу музыка и пенье
Смолкли. Люди с громким воем
Кинулись, давя друг друга.
Дамы в страхе побледнели.

Да, из рабьих уз на волю
Атта вырвался, прыжками
Полетел вдоль узких улиц
(Каждый был настолько вежлив,

Что поспешно сторонился),
И, вскарабкавшись на скалы,
Вниз презрительно взглянул он,
Рявкнул и пропал в горах.

Так без публики остался
Медвежатник с черной Муммой!
Бешено сорвал он шляпу,
Растоптал ее ногами,

Всех мадонн попрал — и вдруг,
Сбросив плащ рукой бесстыдной,
В мерзкой наготе явился, —
И как стал честить медвежью

Черную неблагодарность!
Ибо он всегда как с другом
Обращался с Атта Троллем,
Обучил медведя танцам.

Всем ему медведь обязан,
Даже жизнью! Ведь недавно
Сотню талеров давали
За его дрянную шкуру.

И на Мумму, на бедняжку,
Что, на задних лапах стоя,

Тихой грусти воплощением
На державный гнев глядела,

Пал державный гнев: владыка
Бьет ее и обзывает
Королевою Христиной,
Доньей Муньос, проституткой.

Эта драма разыгралась
В чудный теплый день, в июле,
И была великолепна
Ночь, пришедшая на смену.

Половину этой ночи
Простоял я на балконе,
Где стояла и Джульетта,
Созерцая звезды в небе.

И она вздохнула: «Звезды!
Как горят они в Париже,
Отражаясь ночью зимней
В черной уличной грязи!»

3

Летней ночи сон! Беспельна
Эта песнь и фантастична —
Как любовь, как жизнь, беспельна,
Как творец и мирозданье!

Повинуясь лишь капризу,
То галопом, то на крыльях,
Мчится в сказочное царство
Мой возлюбленный Пегас.

Это — не битюг мещанства,
Добродетельно полезный,
И не конь партийной страсти,
Ржущий с пафосом трибуна.

Конь мой белый и крылатый,
Чистым золотом подкован,

Нити жемчуга — поводья, —
Мчись куда захочешь, конь!

В горы мчись тропой воздушной,
На хребты, где воплем страха
Водопад остерегает
От паденья в бездну вздора!

Мчись в укромные долины,
В тихий сумрак чащ дубовых,
Где источник древних былей
Звонко плещет меж корнями!

Дай испить его и влагой
Омочить глаза, — я жажду
Струй живой воды, дарящей
Нам познание и прозренье.

Я прозрел! Я вижу ясно
Дно пещеры глубочайшей —
То берлога Атта Тролля.
Я медвежью речь постиг!

Что за чудеса! Как странно
Мне знаком язык медвежий!
Не такие ль звуки слышал
Я в отечестве любезном?

4

Ронсеваль! Долина славы!
Лишь твое услышу имя,
В сердце вновь, благоухая,
Голубой цветок трепещет.

Предо мной встает, сияя,
Мир сказаний отзвеневших,
Смотрят призраки в глаза мне, —
Сердцу сладостно и жутко.

Что за гром и звон! То франки
Бьются с полчищем неверных.

Будто кровью истекая,
Трубит скорбно рог Роланда.

Там, в ущелье Ронсевальском,
У зазубрины Роланда,
Получившей это имя
Оттого, что в гневе яром

Рыцарь добрым Дюрандалем,
Прорубая франкам путь,
Так ударил по утесу,
Что в граните шрам остался, —

Там, в расселине глубокой,
Меж кустов и диких елей,
В вековой угрюмой чаще
Скрыл берлогу Атта Тролль.

Там, в родном семейном лоне,
Он обрел желанный отдых
От своих трудов, спектаклей,
Путешествий и побега.

Что за счастье! Всех детей
Он нашел в родной берлоге,
Где воспитывал их с Муммой, —
Четырех сынов, двух дочек.

Косолапые красотки
Белокуры и дородны,
Словно пасторские дочки;
Три юнца — шатены. Младший —

Одноухий и брюнет.
Это Мумма у любимца
Из любви отгрызла ухо
И на завтрак сожрала.

Мальчик просто гениален!
Он в гимнастике — маэстро.
Стойку делает не хуже,
Чем гимнаст великий Массмап.

Цвет отечественной школы,
Лишь родной язык он любит,
Не обучен он жаргону
Древних греков или римлян.

Свеж и бодр, и быстр, и кроток,
Ненавидит мыться мылом,
Презирает эту роскошь,
Как гимнаст великий Массман.

В чем он гений высшей марки --
Это в лазанье по соснам,
Что растут из темной бездны
Вдоль гранитных ребер скал,

Достигая той вершины,
Где обычно все семейство,
Вкруг отца усевшись дружно,
Коротает ночь в беседах.

А старик не прочь о людях
Поболтать в ночной прохладе,
Вспомнить земли и народы,
Все, что видел, претерпел он.

С благородным Лаэртидом
Лишь в одном старик не сходен:
В том, что странствовал с супругой,
С этой черной Пенелопой.

Повествует Атта Тролль,
Как завоевал он славу,
Как своим искусством танца
Приводил людей в восторг.

Он клянется, что на рынках
Стар и млад им восхищались,
Глядя, как он ловко скачет
В такт волынке сладкозвучной.

И в особенности дамы,
Эти жрицы Терпсихоры,

Бешено , рукоплескали,
И сулил их взор награду.

О, тщеславие артиста!
Старый танц-медведь с улыбкой
Вспоминал, как восторгалась
Публика его талантом.

В полном самопоенье,
Доказать желая детям,
Что великий он танцор,
А не жалкий хвастунишка,

Вдруг он вскакивает бодро
И на задних лапах пляшет —
Пляшет свой коронный номер,
Свой прославленный гавот.

Молча смотрят медвежата,
Рты раскрыв от изумленья,
Как отец их странно скачет,
Освещенный лунным светом.

5

Атта Тролль, скорбя душою,
Меж детей лежит в берлоге,
И сосет в раздумье лапу,
И задумчиво бормочет:

«Мумма, Мумма, черный перл!
Я тебя в житейском море
Выловил — и вновь навеки
Потерял в житейском море.

И с тобой не встречусь больше,
Разве там — за дверью гроба,
Где, стряхнув земные космы,
Обретает свет душа.

Ах, еще разок лизнуть бы
Дорогую морду Муммы,

Эта морда так сладка,
Будто вымазана медом.

Ах, еще разок вдохнуть бы
Этот запах несравненный,
Запах милой черной Муммы,
Сладостный, как запах роз.

Но, увы, бедняжка Мумма,
Ты в плену у гнусной твари,
Что зовется человеком,
Мнит себя венцом творенья.

Ад и смерть! На нас, животных,
Эти грош-аристократы,
Эти горе-венценосцы
Нагло смотрят сверху вниз.

Жен, детей у нас воруют,
Бьют нас и сажают на цепь,
Убивают, чтоб присвоить
Наши шкуры и тела.

И себя считают вправе
Так преступно издеваться
Над медведем — это, мол,
Человеческое право!

Человеческое право!
Кто им дал его? Природа?
Естество? Но это было б
Неестественно и дико.

Что за кодекс привилегий?
Кто их выдумал, — рассудок?
Но тогда он безрассудно
Сам себе противоречил!

Люди, чем вы лучше нас?
Тем, что вы едите мясо
Жареным или вареным?
Правда, мы едим сырое,

Но ведь результат такой же!
Благородство не в еде!
Благороден тот, кто в чувствах
И в поступках благороден.

Люди, чем вы лучше нас?
Тем, что вам легко даются
Все искусства и науки?
Но и мы не остолопы!

Разве нет собак ученых,
Лошадей, искусных в счете,
Как бухгалтер, или зайцев,
Барабанивших отлично?

А бобры — не мастера ли
Гидростатики? Иль аист?
Не ему ли мир обязан
Изобретеньем клистира!

А ослы ль не критикуют?
Не актрисы ль обезьяны?
Есть ли лучшие мимистки,
Чем Батавия, мартышка?

Соловей — не песнопевец?
Фрейлиграт — не стихотворец?
Кто бы льва воспел прекрасней,
Чем его земляк верблюдо?

Как танцор — я сам не хуже,
Чем ваш Раумер как историк.
Разве Раумер пишет лучше,
Чем танцую я, медведь?

Люди, чем вы лучше нас?
Тем, что держите вы кверху
Вашу голову? Но низко
Пресмыкаются в ней мысли.

Или ваше превосходство
В вашей гладкой, скользкой коже?

Но ведь этот самый признак
Отличает и змею.

О двуногих змей порода!
Вот на что нужны вам брюки:
Чтоб прикрыть чужою шерстью
Мерзость наготы змеиной!

Дети, дети! Берегитесь
Безволосых гнусных тварей!
Дочь моя! Не доверяй
Этим подлым змеям в брюках!»

Я не стану сообщать вам,
Как еще медведь-философ
В жажде равенства безумной
Клеветал на человека.

Я ведь сам в конце концов
Человек, и не к лицу мне
Повторять пустые бредни,
Наглые в конечном счете.

Да, я человек, я тоже
Лучше прочих позвоночных;
И сословных интересов
Предавать не собираюсь.

И в борьбе с другим зверьем
Свято защищать я буду
Человечество — святое
Человеческое право.

6

Впрочем, людям, этим высшим
Представителям скотины,
Может быть, бесполезно
Знать, о чем в низах толкуют —

Средь четвероногой братьи,
Средь плебеев — в низших сферах

Общества, где обитают
Гордость, нищета и гнев.

Все, что нам дала природа,
Что внесли тысячелетья,
Все, что освятил обычай,
Оскверняют дерзким рылом.

От отцов к сынам и внукам
Переходит злая ересь,
Угрожающая смертью
Гуманизму и культуре.

«Дети! — воеет Тролль, катаясь
И ворочаясь на ложе,
Не украшенном коврами, —
Дети! Будущее — наше!

Если б каждый из медведей,
Каждый зверь судил, как я,
Мы объединили б силы
И низвергли бы тирана.

Стал бы конь лесному вепрю
Сотрапезником и другом,
Слон по-братски обвивал бы
Вкруг рогов быка свой хобот.

Волк плечом к плечу с медведем,
И козел, и обезьяна,
Даже заяц — все совместно
Устремились бы к победе.

Единенье! Единенье —
Наша главная потребность!
В одиночку мы рабы,
Вместе мы сильней тирана.

Единенье! Единенье!
Свергнем власть монополиста,
Установим в мире царство
Справедливости звериной.

Основным его законом
Будет равенство и братство
Божьих тварей, без различья
Веры, запаха и шкуры.

Равенство во всем! Министром
Может быть любой осел.
Лев на мельницу с мешками
Скромно затрусит в упряжке.

Что касается собаки —
Чем в ней вызвано лакейство?
Тем, что люди с ней веками
Обращались как с собакой.

Но она в свободном царстве,
Где вернут ей все былые,
Все исконные права,
Снова станет благородной.

Даже нехристям евреям
Мы дадим права гражданства
И с любым другим животным
Уравним их пред законом.

Только танцы на базарах
Запретим еврейской расе, —
Но уж этого хочу я
Ради моего искусства,

Ибо нет у этой расы
Строгой пластики движений,
Чувства стиля, — их манеры
Публике испортят вкус».

7

Мрачно в сумрачной пещере
Проповедует свирепый
Человеконенавистник
И рычит, скрипя зубами:

«Люди! Хитрые каналы!
Смейтесь, — от улыбки вашей
И от вашей тирании
Нас великий день избавит.

Мне всего обидней в мире
Кисло-сладкая гримаса
Вкруг их пасти, — не терплю я
Человеческой улыбки.

Чуть, бывало, я замечу
Рожу белую с улыбкой,
У меня кишки от гнева
Выворачивает в брюхе.

Ведь еще наглей, чем в слове,
Раскрывается в их смехе
Глубочайшая преступность
Человеческого сердца.

Вечный смех! Смеются даже
Там, где требует приличие
Чтобы каждый был серьезен
В миг торжественный любви:

Вечный смех или улыбка!
Даже пляшут улыбаясь!
Оскверняют то искусство,
Что должно б остаться культом.

Ведь в былое время танец
Был религиозным актом.
Принося бессмертным жертву,
Хор жрецов кружился в пляске.

Даже царь Давид плясал
Перед скинией завета,
И творца он славил пляской,
И молился он ногами.

Так и я считал свой танец
Истинным служеньем богу

В дни, когда плясал на рынках
Пред народом восхищенным.

Признаюсь, восторг народа
Был душе моей приятен.
Даже и врага заставить
Восхищаться — кто ж не рад!

Но они смеются нагло
И в пылу энтузиазма:
Им исправить нрав бессильно
И балетное искусство».

8

Добродетельнейший бюргер
Часто пахнет очень плохо,
А иной холуй баронский
Умощен душистой амброй.

Целомудрие нередко
Отдает зеленым мылом,
А порок благоухает
Маслом розовым подчас.

Посему не морщи носа,
Друг-читатель, коль в берлоге
Атта Тролля не учуешь
Аравийских благовоний.

И пребудь со мною в смраде,
В спертom воздухе, где ныне
Наш герой меньшому сыну
Как из облака вещает:

«Сын мой, сын! Отцовских чресел
Младший отпрыск, чутким ухом
К морде отчей ты приинкни
И внимай моим словам.

Образ мыслей человека
Гибелен душе и телу, —

Средь людей на белом свете
Нет порядочных людей.

Даже лучшие, германцы,
Правнуки Туискиона,
Наши родственники в прошлом,
Тоже вырождаками стали.

В них иссякла вера в бога,
Превратились в атеистов,
Сын мой, сын мой, берегись
Бауэра и Фейербаха.

Не прельщайся атеизмом:
Ведь медведь без веры в бога —
Не медведь! Должны мы помнить,
Что господь — творец вселенной.

В небесах луна и звезды,
Миллионы звезд хвостатых
(И бесхвостых в равной мере) —
Только отблеск божьей силы.

Твердь небес, вода и суша —
Только эхо божьей славы,
Славят все земные твари
Всемогущество творца.

Даже крохотная вошка
В бороде у пилигрима,
С ним тернистый путь свершая,
Восхваляет мудрость божью.

Там, на золотом престоле,
В небе звездном восседает
Колоссальный, снежно-белый,
Миром правящий медведь.

Незапятнанно-блестящий
Мех на нем. Венец алмазный
На его челе сияет,
Напол светом небо.

В мудром взоре мир, и кротость,
И печать высоких мыслей;
Только скипетром взмахнет он —
Зазвенят, играя, сферы.

Вкруг творца благочестивый
Сонм угодников-медведей,
Претерпевших в мире дольном.
Каждый — с пальмой страстотерпца.

И на каждого нисходит
Дух святой поочередно,
И, вскочив, угодник пляшет
Вдохновенный танец танцев,

Танец милостью господней, —
Для него талант не нужен,
Но душа, возликовав,
Хочет выпрыгнуть из шкуры.

Буду ль, недостойный Тролля,
Удостоен благодати?
Из глухой земной юдоли
Воспарю ль в страну блаженства?

Буду ль в райском упоенье
Наверху, под сенью звездной,
В нимбе славы, с пальмой в лапах
Танцевать пред божьим троном?»

9

Черный царь у Фрейлиграта
Свой язык пурпурно-красный
Высунул в угрюмой злобе
Из глумящегося рта, —

Так багряный месяц вылез,
Как язык, из черной тучи.
Водопад бессонный ропщет,
Злобным гулом будит ночь.

Атта Троль стоит над бездной
На своем родном утесе,
Одинокий и свирепый,
Воет в пропасть, в бурю, в ночь.

«Да, я тот медведь, тот самый
Косолап, Мохнач, Топтыгин,
Изегрим и бог вас знает,
Как вы там меня зовете.

Я — медведь, одетый в шкуру
Неубитого медведя,
Я — Михайло неуклюжий,
Над которым вы смеетесь.

Я — мишень острот, насмешек.
Я — чудовище, которым
Вы страшаете ночами
Невоспитанных детей.

Я — предмет издевки грубой
Ваших басен, ваших сказок,
Ныне вам кричу я громко
В ваш людской, проклятый мир:

Знайте, знайте, я — медведь!
Не стыжусь происхожденья,
Им я горд, как если б дедом
Был мне Мозес Мендельсон».

10

Две мохнатые фигуры
Вида страшного и злого
В тьме ночной на четвереньках
Ломятся сквозь дикий ельник.

То отец и сын любимый —
Атта Троль и Одноухий.
Там, где бор светлеет, стали,
Притаясь у Камня Крови.

«Этот камень, — молвит Атта, —
Алтарем был у друидов,
Здесь когда-то приносились
Человеческие жертвы.

О, жестокое злодейство:
Лили кровь во славу божью!
Только вспомню эту мерзость —
Дыбом шерсть на мне встает.

Ныне стали просвещенней
Эти твари. И к убийству
Побуждает их не ревность
К высшим интересам неба,

Нет, не бред благочестивый,
Не безумство фанатизма —
В наши дни корысть и алчность
Их толкают на убийство.

Все вперегонки стремятся
Захватить мирские блага,
И свирепо, в вечной драке
Каждый рвет себе кусок.

Да! Имущество народа
Похищает одиночка
И про собственность толкует,
Убежден в правах владенья.

Собственность! Права владенья!
О, лжецы! Злодеи! Воры!
Так нелепо и коварно
Может лгать лишь человек.

Посуди, ну кто же видел
Собственников от рожденья?
Ведь на свет мы все выходим
Даже без кармана в шкуре.

Разве на своей обертке
Кто-нибудь из нас имеет

Этакий мешок особый
Для украденных вещей!

Только людям, голым тварям,
Что в чужую шерсть рядятся,
Выдумать пришлось нарочно
Этот воровской карман.

Их карман — да он природе,
Так же как права владенья
И как собственность, противен!
Человек — карманный вор!

Сын! Тебе я завещаю
Ненависть мою святую.
Здесь на алтаре клянись мне
В вечной ненависти к людям!

Будь врагом непримиримым
Угнетателей проклятых,
Лютым их врагом до гроба!
Клятву, клятву дай, мой сын!»

И поклялся корноухий
Ганнибал. Луна струила
Желтый свет на Камень Крови,
На мохнатых мизантропов.

Как исполнил медвежонок
Клятву, позже сообщу я.
Будет он в другой поэме
Нашей лирою прославлен.

Ну, а что до Атта Тролля,
Мы пока его оставим,
Чтобы скоро тем надежней
Поразить медведя пулей.

Ты, крамольник, посягнувший
На величье человека!
Протокол мой я закончил,
Жди облавы завтра днем.

Как под утро баядерки,
Зябко ежась, дремлют горы.
Как рубашки, свежий ветер
Зыблет белые туманы.

Но, срывая сумрак чуждый,
Светлый бог красавиц будит,
Озаряет, изумленный,
Их нагую красоту.

До зари с Ласкаро встал я
На охоту за медведем.
Долго шли и ровно в полдень
Вышли мы на Pont d'Espagne.

Мост, из Франции ведущий
В землю варваров на запад,
В землю варваров-испанцев,
Лет на тысячу отставших.

Лет на тысячу отставших
От Европы современной.
Немцы, варвары востока,
Лишь на сотню лет отстали.

Робко медлил я покинуть
Землю Франции святую,
Эту родину свободы
И любимых мною женщин.

На мосту сидел испанец,
Музыкант в плаще дырявом;
Нищета гнездилась в дырах,
Нищета из глаз глядела.

Струны старой мандолины
Он терзал костлявым пальцем.
Эхо в пропасти, дурачась,
Передразнивало звуки.

Часто вниз он наклонялся,
И, смеясь, глядел он в пропасть,

И бренчал еще безумней,
И такую пел он песню:

«У меня ли в сердце — столик,
Золотой есть хитрый столик.
Чистым золотом сверкают
Золотых четыре стула.

И сидят четыре дамы,
Золотой убор на каждой.
И играют дамы в карты.
Всех обыгрывает Клара.

Обыграет — и смеется.
Ах, в моем ты сердце, Клара,
Вечно в выигрыше будешь:
Все ты козыри взяла».

Я прошел, подумав: «Странно!
Почему поет безумье
На мосту, соединившем
Мир испанский и французский?»

Иль оно для наций символ
Их идейного общенья,
Иль бессмысленный заглавный
Лист народа своего?»

Только к ночи добрались мы
До гостиницы убогой,
Где, дымясь в кастрюле грязной,
Грелась *ollea potrida*...

Там вкусил я и гарбанцос,
Тяжких, твердых, словно пули,
Несваримых и для немца,
Что на грузных клетках вскормлен.

Но кровать затмила кухню:
Вся наперчена клопами!
Меж врагами человека
Злейший враг — ничтожный клоп.

Лучше бешеная ярость
Тысячи слонов, чем злоба
Одного клопа дрянного,
Что в постели притаился.

Не ропща, ему отдаться
На съеденье — очень тяжко.
Раздавить его — от вони
Не уснешь потом всю ночь.

Да, страшней всего на свете
Битва с неприметным гадом,
Для которого оружием
Служит вонь, — дуэль с клопом!

12

Все поэты — фантазеры,
Даже те, что сердцем робки.
Восклицают: «О природа,
Ты — творца великий храм!

Храм, чья пышность и богатство —
Слабый отблеск божьей славы.
Солнце, и луна, и звезды —
Лампы тусклые под сводом».

Люди добрые, согласен!
Но признайтесь, в этом храме
Лестницы — весьма плохие;
Худших лестниц я не видел.

Вверх и вниз! Все время скачешь
То с горы, то в гору снова,
И моя душа и ноги,
Наконец, устали прыгать.

Рядом шел со мной Ласкаро,
Длинный, бледный, точно свечка,
Все молчит, не улыбнется
Этот мертвый отпрыск ведьмы.

Да, по слухам, он мертвец,
Умер он давно, но в тело
Мать Урака ворожбою
Жизни видимость вселила.

Ну и храм! Да будь он проклят
Вместе с лестницами! Право,
До сих пор не понимаю,
Как я в пропасть не свалился.

Водопады грохотали.
Сосны выли — так хлестал их
Ветер с ливнем попережку.
В общем, гнусная погода!

Лишь на озере де Гоб
В тесной хижине рыбацкой
Мы нашли приют желанный
И форелей превосходных.

У огня лежал там в кресле
Старый хворый перевозчик.
За больным ходили нежно
Две племянницы-красотки.

Обе ангелам подобны,
Толстым ангелам фламандским,
Будто Рубенс написал их,
Златокудых, синеглазых.

В ямочках на щечках алых
Смех лукавый притаился.
Роскошь сильных тел будила
Тайный страх и сладострастье.

Эти добрые создания
Восхитительно болтали,
Споря, как больному дяде
Угодить питьем лечебным.

Та совала пациенту
Чашку с липовым отваром,

Та с бузиною настойкой
Наступала на беднягу.

«Не хочу я ваших зелий! —
Вскрикнул он нетерпеливо, —
Дайте мне вина — с гостями
Разопьем по доброй чарке».

Может быть, и впрямь напиток,
Поднесенный мне радушно,
Был вином, но в Брауншвейге
Я б решил, что это — Мумме.

Был из лучшей козьей шкуры
Черный мех; смердел отменно.
Но старик развеселился,
Пил — и выздоровел сразу.

Говорил он о бандитах,
Промышляющих свободно
Грабежом и контрабандой
В чащах вольных Пиренесв.

Много знал он старых сказок,
Местных былей, между прочим
Рассказал о древних битвах
Исполинов и медведей.

Исполины и медведи
До прихода человека
Воевали за господство
Над землей, над краем здешним.

Но когда явились люди,
Исполины растерялись
И бежали: мало мозгу
В столь объемистой башке.

Говорят, что дуралеи,
Моря вольного достигнув
И увидев свод небесный,
Отраженный в синей глуби,

Море приняли за небо
И, доверив душу богу,
В воду прыгнули с разбега, —
Так гуртом и утонули.

Что касается медведей —
Человек их истребляет
Постепенно, и в предгорьях
С каждым годом их все меньше.

«Так на свете, — молвил старый, —
Свой черед всему приходит:
После царства человека
Царство карликов настанет,

Царство гномов, умных крошек,
Что гнездятся в недрах горных,
Вечно роясь и копаясь
В шахтах золотых богатства.

При луне я сам их видел:
Высунут из нор головки
И, принюхиваясь, смотрят.
Страшно будущее наше!

Да, богаты карапузы!
Внуки, внуки! Не пришлось бы
Вам, как глупым исполинам,
Прыгнуть в небо водяное!»

13

В темной горной котловине
Дремлет озеро недвижно.
С тихой грустью смотрят звезды
В черный омут. Сон и полночь...

Полночь. Сон. Удары весел.
Словно плещущая тайна,
Челн плывет. Легко и быстро
Вместо лодочника-дяди

Правят девушки. Во мраке
Синие глаза сияют,
Искрясь влажными звездами,
Голые белеют руки.

Как всегда безмолвный, бледный,
Близ меня сидит Ласкаро.
Дрожь берет меня при мысли,
Что и вправду он покойник.

Может быть, и сам я мертвый
И плыву по влаге темной
С бестелесными тенями
В царство призраков холодных.

Это озеро — не Стикс ли?
Не рабыни ль Прозерпины
За отсутствием Харона
К ней везут меня насильно?

Нет, покада я не умер,
Не погас, и в сердце блещет,
И ликует, и смеется
Лучезарный пламень жизни!

В этих девушках, чьи весла
Влагой весело играют,
Плещут на меня и брызжут,
В этих свежих крепких девках,

И смешливых и лукавых,
Ничего нет от коварных
Бестелесных камер-кошек,
От прислужниц Прозерпины.

Чтоб совсем не сомневаться
В плотской их, земной природе,
Чтоб на деле убедиться
В том, что сам я полон жизни, —

Я прижал проворно губы
К нежным ямочкам на щечках

И сейчас же сделал вывод:
Я целую — значит, жив.

К берегу пристав, еще раз
Я расцеловал резвухек, —
Никакой другой монеты
За провоз они не взяли.

14

В блеске солнца золотого
Горы синие смеются,
Дерзким гнездышком к обрыву
Прилепилась деревушка.

К ней вскарабкавшись, увидел
Я, что взрослые в отлете.
Лишь птенцы остались дома —
Смуглолицые мальчонки,

Черноглазые девчушки,
В белых шапочках и в красных,
Закрывавших лоб до глаз.
Я застал их всех на рынке.

Детвора играла в свадьбу:
Принц мышиный, млея страстью
На коленях, патетично
Речь держал к принцессе-кошке.

Бедный принц! Возьмет красотку,
А красotka злобно фыркнет,
Цап-царап — и съест беднягу!
Кошке смех, а мышке — грех.

Целый день с детьми провел я.
Мы доверчиво болтали.
Детвора узнать хотела,
Кто я, чем я занимаюсь.

«Детки милые, — сказал я, —
Я — охотник на медведей,

Ибо я германец родом,
Родился в медвежьем царство.

Уж со многих снял я шкуру
Через их медвежьи уши
И не раз медвежьей лапой
Был изрядно поцарапан.

Наконец осточертело
Мне в отечестве любезном
Каждый день сражаться насмерть
С неотесанным болваном.

И направился я в горы
Поискать получше дичи, —
Испытать хочу я силу
На великом Атта Тролле.

Вот герой, меня достойный!
Ах, в Германии случилось
Биться мне с такою дрянью,
Что стыдился я победы».

Наконец я стал прощаться.
Обступив меня, малютки
В пляс пустились и запели:
«Жирофлино, Жирофлетте!»

А потом из круга смело
Вышла самая меньшая,
Раз, и два, и три присела
И пропела мне одна:

«Если короля я встречу,
Перед ним я раз присяду,
Если встречу королеву,
То присяду раз и два.

А когда мне черт рогатый
На дороге попадетя,
Раз, и два, и три присяду,
Жирофлино, Жирофлетте!»

«Жирофлино, Жирофлетте!» —
Подхватил весь хор дразнилку,
И, как вихорь, завертелся
Хоровод у ног моих.

И пока я шел в долину,
Затихая, вслед звенело,
Как веселый щебет птичий:
«Жирофлино, Жирофлетте!»

15

Крючась, корчась безобразно,
Неприступных скал громады
Взглядом чудищ допотопных
На меня глядят свирепо.

В небесах седые тучи,
Двойники утесов мрачных,
Буйно мчатся, повторяя
Формы каменных чудовищ.

Водопад вдали бушует,
В темных елях воет ветер;
Этот гул — неумолимый,
Роковой, как безнадежность.

Страшно в дебрях запустелых!
Вкруг вершин угрюмых сосен
Кружат галки черной тучей,
То садятся, то взлетают.

Вслед за мной идет Ласкаро.
Бледен, хмур, и, верно, сам я
Схож с безумьем, за которым
Скорбный спутник, смерть, шагает.

Что за дикая пустыня!
Иль на ней лежит проклятье?
Кажется, я вижу кровь
На корнях той чахлой ели.

Всн стоит под ней лачуга,
От стыда зарылась в землю,
И соломенная крыша
Робко молит подаянья.

В хижине живут каготы,
Полувимершее племя,
Чья растоптанная жизнь
В непроглядной тьме влачится.

Баск таит в душе донине
Отвращение к каготу, —
Это мрачный пережиток
Черной эры фанатизма.

Видел я собор в Баньере.
Там решетчатая дверца,
Как сказал мне старый кистер, —
Вход отдельный для каготов.

Им законом запрещалось
Проходить в другие двери.
Сторонясь людей, украдкой
В божий дом входил кагот.

Там на низенькой скамейке
Мог он сесть и помолиться,
Одинок, как прокаженный,
Всею паствою отвержен.

Но святой веселый факел
Просвещенья светит ясно,
Разгоняет ярким блеском
Черный мрак средневековья.

Не хотел войти Ласкаро
Вслед за мною в дом кагота;
Я вошел один и брату
Подавал руку дружелюбно.

И поцеловал младенца,
Что сосал, вцепившись жадно,
Грудь каготки, — был похож он
На больного паучка.

Если ты глядишь на горы
Издали — они сияют,
Щедрым солнцем разодеты
В золото и в гордый пурпур.

Но вблизи наряд их меркнет, —
Так всегда бывает в мире:
Блеск величия земного
Только световой эффект.

Смотришь, золото и пурпур, —
Ах, ведь это снег тщеславный!
А тщеславный снег так жалко
В одиночестве томится.

Вдруг я слышу, надо мною
Скрипнул снег, и застонал он,
О своей о белой грусти
Плачась ветру ледяному.

«О, как медленно, — вздохнул он, —
Тянутся часы в пустыне!
Каждый час тут бесконечен,
Как замерзнувшая вечность.

О, я белый снег! О, если б
Не на мерзлой горной круче,
А в долине я лежал бы,
В расцветающей долине!

Я б ручьем тогда растаял,
И в моей волне прозрачной
Умывались бы, плескались
Деревенские красотки.

И, быть может, я б до моря
Докатился, стал бы перлом,
И, быть может, украшал бы
Королевскую корону».

Все прослушав, так сказал я:
«Милый снег, я сомневаюсь,
Чтоб такой блестящий жребий
Ожидал тебя в долине.

Но утешься: лишь немногим
Выйти в жемчуг удастся.
Ты бы мог попасть и в лужу,
Стать обычной вязкой грязью».

И пока я в этом стиле
Говорил с печальным снегом,
Грянул выстрел — и на землю
Камнем пал убитый коршун.

То охотничьей забавой
Позабавился Ласкаро,
Ствол его ружья дымился,
Но безжизненно глядел он.

Молча вырвал он перо
Из хвоста могучей птицы,
Насадил его на шляпу
И пошел угрюмо дальше.

Я смотрел в невольном страхе,
Как, черна и непомерна,
Тень его с пером огромным
Быстро двигалась по снегу!

17

Точно улица — долина,
Имя ей — Ущелье духов,
По бокам до неба встали
Стены сумрачных утесов.

Там, с невероятной кручи,
Словно страж, глядит в долину
Дом Ураки. К старой ведьме
Я пошел с Ласкаро вместе.

Языком волшебных знаков
Он держал совет с мамашей:
Как верней загнать в ловушку
И убить нам Атта Тролля.

Ибо след его нашли мы!
Атта Тролля, от нашей пули
Ты теперь не увернешься,
Сочтены твои часы!

Вправду ль старая Урака —
Выдающаяся ведьма,
Как с почтением и страхом
Молвят люди в Пиренеях, —

Я решать не собираюсь,
Лишь скажу, что вид у ведьмы
Подозрительный, что мерзко
Красные глаза слезятся,

Взгляд пронзительный и злой.
Говорят, от взгляда ведьмы
У коров в окрестных селах
Пропадало молоко.

Уверяют, свиньи дохли
И быки околевали,
Если ведьма прикасалась
К ним своей рукой костлявой.

За такие преступления
Уж не раз ее водили
К мировому. Но судья здесь
Закоснелый вольтерьянец,

Легкомысленный безбожник
И поборник новых взглядов.
Всех истцов гоня нещадно,
Этот скептик лишь глумился.

Для властей, официально
Занимается Урака

Честным ремеслом — продажей
Горных трав и чучел птичьих.

Сплошь полна была лачуга
Разных зелий. Душный запах
Шел от дольника, дурмана,
Белены и мандрагоры.

Был подбор великолепный
Разных коршунов на стенах:
Крылья хищно распростерты,
Клювы мощны и горбаты.

Видно, душный запах зелий
Так мне в голову ударил,
Что при виде этих чучел
Стало странно мне и страшно.

Может быть, в несчастных птицах,
Выпотрошенных колдуньей,
Силой магии томятся
Заколдованные люди?

Взгляд их, скорбный и недвижный,
Полон горьким нетерпеньем,
Иногда они на ведьму
В тихом ужасе косятся.

Та на корточках, пригнувшись,
У огня сидит с Ласкаро
И свинец бесовский плавит,
Заговаривает пули.

Отливает пулю смерти,
Пулю в сердце Атта Тролля.
На ее лице багровый
Отблеск пламени трепещет,

И беззвучно шевелятся
Бледные сухие губы.
Не заклятем ли волшебным
Освящает ведьма пули?

То мигнет, то подхихикнет
Сыну. Но еще недвижимей
И еще мрачней Ласкаро,
Молчаливый, точно смерть.

Одурманенный кошмаром,
Встал я и пошел к окошку,
Чтоб' вдохнуть прохладный воздух,
И взглянул я вниз, в ущелье.

И увиденное мною
Между полночью и часом
Я правдиво и красиво
Опишу в ближайших главах.

18

Это было в полнолуние
В ночь святого Иоанна,
В час, когда своим ущельем
Духи мчатся на охоту.

Из окна Ураки старой,
Из гнезда коварной ведьмы
Наблюдать я мог отлично
Скачку призраков полночных.

Как в театре, в лучших креслах,
Мог следить я за спектаклем,
Видел ясно, как ликует
Смерть, восставшая из гроба.

Свист бичей, и рев, и крики,
Лай собак, и ржанье коней,
Гул рогов, и звонкий хохот,
И веселый отклик эха.

Вслед за крупной красной дичью,
Убегавшей от погони,
Вслед за стадом серн и вепрей
Мчалась алчущая свора.

А за нею звероловы
Разных стран, эпох и наций:
Так, с Немвродом Ассирийским
Рядом неся Карл Десятый.

На конях они промчались,
А за ними пешим ходом
Поспевали копыеносцы,
Слуги с факелами, челядь.

Не один охотник дикий
Мне знакомым показался.
Рыцарь в золотых доспехах
Не был ли король Артур?

Или тот храбрец в зеленой
Переливчатой кольчуге,
Схож с огромною лягушкой, —
Не был ли Ожье Датчанин?

Были там герои мысли
И поэты, — был наш Вольфганг.
Я узнал его по блеску
Жизнерадостного взора.

Проклят темным Генгстенбергом,
Он в гробу лежать не может
И с язычниками снова
Правит буйный праздник жизни.

По приветливой улыбке
Мною узнан был и Вильям,
Тот, на ком лежит проклятье
Пуритан, — и этот грешник

Осужден с воздушным сонмом
На коне скакать ночами.
А вдогонку трясся кто-то
На осле — святое небо! —

В колпаке ночном, в халате,
С богомольно-постной миной,

Благочестие во взорах —
Это старый друг Франц Горн!

Лишь за то, что бедный малый
Комментировал Шекспира,
Должен он и мертвый мчаться
Вслед за ним в глухую полночь.

Тихий Франц! Он должен мчаться,
Тот, кто шаг ступить боялся,
Кто отважно подвизался
Только в сплетнях да в молитвах.

Старых дев, что услаждали
Мир его души смиренной,
Не повергнет ли в смятенье
Весть о том, что Франц — охотник!

Вот, пустив коня галопом,
Смотрит вниз великий Вильям
И смеется над испугом
Комментатора бедняги.

Бледный, к обмороку близкий,
За седло держась от страха,
Он и мертвый, как при жизни,
Верно следует поэту.

В небывалой кавалькаде
Я и дам немало видел,
Видел нимф, красавиц юных,
Буйно мчавшихся верхом.

Все мифологично голы, —
Только волосы густые,
Золотым плащом спадая,
Наготу их прикрывали.

Гордо выпрямившись в седлах,
Глядя смело и надменно,
Все в венках из винограда,
Девы тирсами махали.

Дальше, сидя в дамских седлах,
Мчались рыцарские дамы,
В платьях, наглухо закрытых,
С соколами на руках.

Вслед за ними пародийно,
На одрах, на тощих клячах
Ехал сброд из разных женщин,
Балаганно расфранченных.

Лица были очень милы,
Но, клянусь, довольно наглы —
Похотливо зазывали
Разрумяненные щеки.

О, как все здесь ликовало —
Вой рогов и звонкий хохот,
Свист бичей, и рев, и крики,
Лай собак, и ржанье коней!

19

Но в середине кавалькады
Три красавицы летели;
Я вовеки не забуду
Тот трилистник красоты.

И одну узнал я сразу:
Лунный серп венчал ей кудри,
Мчалась гордым изваяньем
Величавая богиня.

Чуть прикрытые, белели,
Точно мрамор, грудь и бедра.
Их лаская сладострастно,
Лунный свет играл на теле.

В блеске факелов как мрамор
Бледен был и лик богини.
Ужасала неподвижность
Благородно-строгих черт.

Лишь в глазах пылал, как в горнах,
Пламень сладостный и страшный,
Полыхал, сердца ввергая
В ослепление и в гибель.

Как Диана изменилась —
Та, кто псами затравила
Актеона в исступленья
Целомудренного гнева!

В этом обществе галантном,
Искупая грех старинный,
Ныне призраком полночным
Мчится дочь земной юдоли.

Поздно, но и тем страшнее
В ней проснулось сладострастье,
И в глазах ее пылает
Ненасытный адский пламень.

Жаль ей, что теряла время:
Пол мужской был встарь красивей;
И количеством богиня
Хочет качество восполнить.

Рядом с ней другая мчалась,
Но не строгостью античной —
Кельтской прелестью сияла
Красота ее лица.

То была — узнал я сразу —
Фея Севера, Абунда:
Та же нежная улыбка,
Тот же смех, веселый, звонкий.

Щеки розовы и свежи,
Будто мастер Грёз писал их,
Рот — сердечком, чуть открытый,
Ослепительные зубы.

Ветерок, ночной повеса,
Голубой играл сорочкой.

Плеч подобных не видал я
Даже в лучших сновиденьях.

Я в окно готов был прыгнуть,
Чтоб распеловать красотку, —
Правда, мне пришлось бы плохо,
Ибо я сломал бы шею.

Ах, она б лишь рассмеялась,
Если б в пропасть, обезумев,
Я у ног ее свалился.
Ах, я знаю этот смех!

Ну, а третья, пред которой
Трепет кровь твою наполнил, —
Как другие две, быть может,
И она была чертовка?

Ангел, черт ли — я не знаю,
Но ведь именно у женщин
Никогда не знаешь толком,
Где в них ангел, где в них черт.

Был в глазах безумных, знойных
Весь волшебный блеск Востока,
Был на ней убор бесценный,
Точно в сказках Шахразады.

Губы — нежные гранаты,
Нос лилейный, чуть с горбинкой.
Тело стройно и прохладно,
Точно пальма в жар полдневный.

Белый конь играл под нею.
Два высоких черных мавра
Шли с боков, держа царице
Золоченые поводья.

Да, она была царица,
Королева Иудеи,
Та, чью страсть насытил Ирод
Головою Иоанна.

И за это преступленье
Казнь она несет за гробом:
В сонме призраков ей мчатся
Вплоть до Страшного суда.

И в руках она доньше
Держит блюдо с головою
Иоанна и безумно
Эту голову целует.

Ведь она его любила.
Библия молчит об этом,
Но хранит народ преданье
О ее любви кровавой.

Да и как понять иначе
Злую прихоть этой дамы?
Женщина — лишь если любит,
Снимет голову с мужчины.

Рассердилась отчего-то,
Вот и голову срубила,
Но едва лишь увидала
Эту голову на блюде —

Помешалась и от горя
Умерла в безумье страсти.
(Плеоназм: безумье страсти!
Страсть сама уже — безумье.)

И она, держа, как прежде,
Блюдо с головой кровавой,
Ночью скачет на охоту,
Забавляясь тем, что в воздух

Эту голову бросает,
И, как мяч, проворно ловит,
И смеется детским смехом
Женски-дикому капризу.

Мимо мчась, она глядела
Мне в глаза и вдруг кивнула

Так кокетливо и томно,
Что пронзила боль мне сердце.

Трижды, как волна колеблясь,
Мчалась мимо кавалькада,
Трижды, мимо пролетая,
Мне кивал прекрасный призрак.

И хотя давно виденье
Отзвучало и поблекло,
Долго мне привет царицы
Жег взволнованное сердце.

И потом всю ночь до света
Я ворочался, усталый,
На соломе (в доме ведьмы
Не было перин пуховых).

Все я думал: почему ты
Так загадочно кивала?
Почему так странно нежен
Был твой взор, Иродиада?

20

Солнце в белый мрак тумана
Мечет стрелы золотые,
И туман багрится кровью,
Тая в блеске и сиянье.

Лучезарный триумфатор,
Яркий день восходит в небе,
Наступив пятой на темя
Побежденных светом гор.

Зазвенели, засвистели
Птицы в гнездах потаенных,
И концертом ароматов
Мир наполнили растенья.

Утром, с первыми лучами,
Мы сошли с горы в долину,

И пока Ласкаро молча
Изучал следы медведя,

Я убить старался время
Размышленьями, но скоро
Утомлен был вихрем мыслей,
И невольно мне взгрустнулось.

И под ясенем зеленым,
Где журчал ручей прозрачный,
Лег я, грустный и усталый,
На траву, лицом к лазури.

И ручья волшебным плеском
Зачарованный волшебю,
Перестал грустить и думать
В забвении бездумной лени.

Но в душе росло желанье —
Жажда сна, безумья, смерти,
Все мучительней сиял мне
Образ трех ночных красавиц.

О прекрасное виденье,
Сон, развеянный зарею,
О, скажи, куда ты скрылся,
Где ты светлым днем таишься?

Под развалинами храмов,
Уцелевшими в Романье,
Днем скрывается Диана
От дневной Христовой власти.

Лишь во тьме, в глухую полночь,
Выходить она дерзает,
Чтоб развлечься травлей зверя
В обществе подруг-язычниц.

А прелестная Абунда
Так боится назарейца,
Что дневной досуг проводит
В неприступном Авалуне.

Этот остров затерялся
В тихом море романтизма.
Только конь волшебной сказки
Долетит к нему на крыльях.

Там забота не причалит,
Пароход не бросит якорь,
Не появится филистер
С вечной трубкою в зубах.

Сонной одури и скуки
Не нагонит звон церковный,
Этот, феям ненавистный,
Мрачный гул колоколов.

Там и царствует в веселье,
Вечной юностью сияя,
Жизнерадостная фея,
Светлокудрая Абунда.

Там в прогулках и в беседах,
Средь подсолнечников ярких,
Дни проводит королева
Паладинов, мир забывших.

Да, но ты, Иродиада,
Где же ты, скажи? Я знаю,
Ты мертва, лежишь в могиле,
Там, где град Ерушолаим.

Днем — недвижный труп — лежишь ты
В величавом саркофаге.
В полночь ты встаешь, заслышав
Свист бичей и звонкий хохот.

И летишь за буйным сонмом,
За Дианой и Абундой,
Средь охотников веселых,
Невзлюбивших крест и муку.

Что за общество! О, если б
Сам я мог скакать ночами

По лесам! С тобою рядом
Я б летел, Иродиада!

Ибо ты мне всех милее.
Больше греческой богини,
Больше феи ты мила мне,
Ты, о мертвая еврейка!

Я люблю тебя. Ты видишь,
Как душа моя трепещет!
Будь моей! Отдай мне сердце,
Мой кумир Иродиада!

Будь моей, отдай мне сердце!
Выкинь в мусор это блюдо
С головой глупца кровавой,
Лучшим блюдом насладись.

Посмотри, я словно создан
Для тебя! Мне горя мало —
Проклял бог тебя, мертва ль ты, —
Это все ведь предрассудки.

И с моим блаженством вечным
Обстоит весьма неясно,
И живой я или мертвый,
Я и сам подчас не знаю.

Лишь позволь — и точно рыцарь,
Точно cavalier-servente,
Буду я носить твой плащ
И терпеть твои капризы.

По ночам с тобою рядом
Буду мчаться в диком сонме,
Говорить с тобой, смеяться
Над своей безумной речью.

Коротать с тобою буду
Ночи длинные, но днем
Буду, грустный, одинокий,
Плакать на твоей могиле;

День за днем сидеть и плакать
Там, где прах царей великих,
Там, где гроб моей любимой,
Там, где град Ерушолаим.

И старик, еврей бездомный,
Проходя, вздохнет и скажет:
«Плачет он, что храм разрушен,
Что погиб Ерушолаим».

21

Аргонавтами без Арго
Мы в горах пешком блуждали,
Не руно, не золотое —
Шкура снилась нам медвежья.

Ах мы, горе-аргонавты,
Следопыты новой кройки!
Никакой великий классик
Наших странствий не прославит.

А уж мы ль не настрадались!
И каким жестоким ливнем
Угостило нас на круче,
Где ни деревца, ни дрозжек.

Грыжа ль прорвалась у туч?
(Мог бандаж набрюшный лопнуть.)
Но такого ливня с градом
Не видал Ясон в Колхиде.

«Зонтик! Тридцать шесть монархов
За один единый зонтик
Отдаю гуртом!» — кричал я,
А с меня лилась вода.

Утомленные смертельно,
Раздраженные и злые,
С видом мокрых псов пришли мы
Поздно ночью в дом Ураки.

Ведьма, сидя у огня,
Мопса толстого чесала,
Но как только мы явились,
Псу дана была отставка.

Занялась Урака нами
Приготовила мне ложе,
Развязала эспадрильи —
Неудобнейшую обувь,

Помогла стянуть мне куртку
И прилипнувшие брюки.
Так болван иной прилипнет
Со своей дурацкой дружбой.

«Шлафрок! Тридцать шесть монархов.
За сухой и теплый шлафрок!» —
Закричал я. Пар валил
От моей рубашки мокрой.

Весь дрожа, стуча зубами,
Постоял я перед жаром
И, в тепле размякнув сразу,
Опустился на солому.

Сон не шел. Глядел я, жмурясь,
Как раздела ведьма сына,
Села с ним к огню и молча
Полуголого к себе

Положила на колени.
Мопс пред ней на задних лапах
Встал, — в передних очень ловко
Он держал горшочек с зельем.

Из горшка взяла Урака
Красный жир и стала жиром
Сыну мазать грудь и ребра,
Мазать быстро и поспешно.

Терла, мазала, жужжала,
Убаюкивала сына,

И, потрескивая странно,
В очаге гудело пламя.

Словно труп, костлявый, желтый,
К лону матери приникнув,
Сын лежал и скорбным взором
Пред собой глядел недвижно.

Неужель он вправду мертвый —
Материнскую любовью,
Силой зелья колдовского
Оживленный, бледный призрак?

Странный полусон горячки:
Тело — как свинцом налито,
Ты лежишь пластом, но чувства
Напряглись невыносимо.

Этот душный запах зелий!
Я мучительно старался
Вспомнить, где его я слышал,
Но припомнить был не в силах.

Этот вой и скрежет ветра
В очаге, как будто стоны
Душ измученных, — казалось,
Голоса их узнавал я.

А потом, какого страха
Натерпелся я от чучел,
В ряд расставленных на полке
Над мою головую!

Хищно, медленно и страшно
Птицы расправляли крылья,
Мне в лицо уставив клювы,
Точно длинные носы.

Где носы такие мог я
Видеть раньше?.. В Дюссельдорфе?
В Гамбурге? С каким мученьем
Я ловил воспоминанье!

Наконец, меня осилив,
Сон пришел на смену яви,
Вместо бреда наяву —
Крепкий и здоровый сон.

И приснилось мне: лачуга
Стала пышным бальным залом,
Залом с белой колоннадой,
С ярким светом жирандолей.

Исполнял оркестр незримый
Танцы из «Robert le Diable» —
Нечестивый пляс монахинь;
Но гулял я там один.

Наконец раскрылись двери,
И входить попарно стали
Медленным и важным строем
Удивительные гости:

Привиденья и медведи.
Каждый кавалер мохнатый
Вел, идя на задних лапах,
Призрак в саване могильном.

И по всем законам бала
Пары в вальсе закружились;
То-то был курьезный номер,
Страх и смех, представьте сами!

Косолапым кавалерам
Приходилось очень туго:
Да и как не сбиться с такта
В вальсе с призраком бесплотным!

Словно вихрь неумолимый,
Вальс кружил зверей несчастных,
Их сопенье заглушало
Даже мощный контрабас.

Часто пары спотыкались,
И медведь рычал на призрак

И его по заду шлепал,
Чтобы неуч не толкался.

А порою в вихре танца
С головы своей подруги
Саван стаскивал медведь, —
И на свет являлся череп.

Но внезапно загремели
Барабаны и литавры,
Подхватили звонко трубы,
И всю пошел галоп.

Эта часть мне не доснилась,
Ибо вдруг один Топтыгин
Наступил мне на мозоли:
Я завыл и пробудился.

22

Хлещет Феб коней ретивых,
Гонит весело квадригу,
Он уже почти полнеба
В дрожках солнечных объехал.

Только в полдень перестал я
Грезить о медвежьем вальсе,
Вырвался из плена странных,
Фантастичных сновидений.

Осмотревшись, я увидел,
Что в лачуге я один.
Мать Урака и Ласкаро
Рано вышли на охоту.

В хижине остался только
Толстый мопс; у очага
Он стоял на задних лапах,
В котелке мешая ложкой.

Повар был он, видно, знатный!
Увидав, что суп вскипает,

Стал он дуть, мешая чаще,
Чтобы снять густую накипь.

Сам я, что ли, околдован,
Или это лихорадка?
Я ушам своим не верю:
Толстый мопс заговорил!

Да, и очень задушевно
Речь повел на чисто швабском;
Говорил и словно грезил —
Как возвышенный мечтатель.

«О, поэт я бедный швабский!
На чужбине суждено мне,
Заколдованному мопсу,
Кипятить настои ведьме.

Как позорно и преступно
Ведьмовство! И как трагичен
Жребий мой: в собачьей шкуре
Чувствовать как человек!

Лучше б мне остаться дома
Средь моих друзей по школе.
Ах, они людей не могут
Зачаровывать, как ведьмы!

Лучше б мне остаться дома
С Карлом Майером сладчайшим,
С этим швабским желтоцветом,
При супах благочестивых!

Где ты, мой родимый Штуккерт?
Как твои увидеть трубы,
Сизый дым от них и печи,
Где хозяйки варят клецки?»

Я глубоко был растроган
Этой речью; спрыгнув с ложа,
Подбежал, и сел к камину,
И промолвил с состраданьем:

«О певец, о благородный,
Как попал ты в лапы ведьмы?
Ах, за что — какая гнусность! —
Превращен ты ведьмой в мопса?»

И в восторге тот воскликнул:
«Как, вы, значит, не француз!
Значит, немец вы и был вам
Весь мой монолог понятен!

Ах, земляк, какое горе,
Что всегда советник Кёлле —
Если мы с ним заходили
В погребок распить по кружке —

Уверял меня за трубкой:
Всем своим образованием
Он обязан лишь поездкам,
Пребыванью за границей.

Чтобы с ног своих коросту
Ободрать пробежкой легкой,
Чтобы светскую шлифовку
Получить, как этот Кёлле,

Я с отчизной распростился,
Стал бродить по всей Европе
И, попав на Пиренеи,
Прибыл в хижину Ураки.

К ней мне дал Юстинус Кернер
Личное письмо; к несчастью,
Я не знал тогда, что друг мой
Водит с ведьмами знакомство.

И Уракой был я принят
Дружелюбно, но, к несчастью,
Дружба ведьмы все росла,
Превращаясь в пламя страсти.

Да, в груди увядшей вспыхнул
Нечестивый гнусный пламень,

И порочная блудница
Соблазнить меня решила.

Я взмолился: «Ах, простите!
Ах, мадам, я не фривольный
Гетеанец, я невинный
Представитель швабской школы.

Нравственность — вот наша муза!
Спит в кальсонах из крепчайшей
Толстой кожи, — ах, не троньте
Добродетели моей!

Есть поэты чувства, мысли,
Есть мечтатели, фантасты,
Но лишь мы, поэты-швабы,
Добродетель воспеваем.

В ней одной богатство наше!
Ох, оставьте мне, прошу вас,
Нравственно-религиозный
Плащ убогой нищеты».

Так молил я, но с улыбкой,
С иронической улыбкой,
Ведьма веткою омелы
Головы моей коснулась.

И на теле ощутил я
Странный и противный холод,
Будто весь гусиной кожей
Начал быстро покрываться.

На поверку оказалось —
То была собачья шкура.
С той минуты злополучной
Я, как видите, стал мопсом».

Бедный парень! От рыданий
У него пресекся голос.
Он рыдал неудержимо,
Чуть не изошел слезами.

«Слушайте, — сказал я грустно, —
Может, я могу помочь вам
Шкуру сбросить и вернуть вас
Человечеству и музам?»

Но с отчаяньем во взоре
Безутешно поднял лапы
Бедный мопс и с горьким вздохом,
С горьким стоном мне ответил:

«Вплоть до Страшного суда мне
Пребывать в собачьей шкуре,
Если я спасен не буду
Некой девственницей чистой.

Лишь не зная мужчины
Целомудренная дева
Может снять с меня заклятье,
Правда, при одном условии:

В ночь под Новый год должна
Эта дева в одиночку
Прочитать стихи Густава
Пфцицера и не заснуть.

Не заснет она над чтеньем,
Не сомкнет очей невинных —
Вмиг я в люди расколдуюсь
И размопситься смогу».

«Ах, тогда, мой друг, — сказал я, —
Вам помочь я неспособен.
Я, во-первых, не могу быть
К лику девственниц причислен.

Но еще трудней второе:
Мне совсем уж невозможно
Прочитать стихи Густава
Пфцицера — и не заснуть».

Мир фантастики покинув,
Мы спускаемся в долину;

Снова почву под ногами
Обретаем в позитивном.

Прочь, безумье, бред горячки,
Грезы, призраки, виденья!
Мы серьезно и разумно
Вновь займемся Атта Троллем.

Меж детей в своей берлоге
Наш старик лежит и спит,
И, как праведник, храпит он;
Вот проснулся — и зевает.

Рядом с Троллем — Одноухий.
Как поэт, что ищет рифму,
Лапой голову скребет он,
И скандирует он лапой.

Тут же, рядом с папой, дочки
На спине лежат, мечтая;
Непорочны и невинны
Сны четвероногих лилий.

Что за томные виденья,
Как цветы, трепещут нежно
В душах девственниц медвежьих?
Их глаза блестят слезами.

И особенно меньшая
Вся полна волненьем тайным,
Ибо тайно чует в сердце
Зуд блаженный Купидона.

Ах, стрела малютки бога
Сразу шкуру ей пронзила,
С первой встречи. Но — всевышний! —
Тот, кто мил ей, — человек!

Да, его зовут Шнапганский,
Он в великом отступленьи,
По горам спасаясь бегством,
На рассвете ей явился.

Девам люб герой в несчастье,
А в глазах сего героя
Тихой грустью, мрачной скорбью
Клокотал карманный кризис.

Всей казной его походной —
Двадцатью двумя грошами,
Что в Испанию привез он, —
Завладел дон Эспартеро.

Даже и часы погибли:
Он оставил их в ломбарде
В Пампелуне — распрощался
С драгоценностью фамильной.

И бежал он что есть мочи, —
Но, и сам того не зная,
В бегстве выиграл он нечто
Лучше всякой битвы — сердце!

Да, смертельный враг, он мил ей,
Мил медведице несчастной.
Знай отец про тайну дочки —
Как ревел бы он свирепо!

Словно старый Одоардо,
Что Эмилию Галотти
В мрачной гордости мещанской
Заколел, и Атта Тролль бы

Растерзал скорее дочку,
Лапой собственной убил бы,
Чем позволить недостойно:
Кинуться в объятия принца.

Да, но в данную минуту
Он лирически настроен,
Он срывать не станет розу,
Не потрепанную бурей.

В тихой грусти возлежит он
Меж детьми в своей берлоге,

Как предчувствием томимый
Думой о загробном мире.

«Дети! — так вздыхает Атта,
И в глазах медведя слезы. —
Дети! Кончен путь мой дальний,
Близок час разлуки нашей.

Нынче в полдень задремал я,
И во сне, как бы предвестьем,
Дух мой был охвачен сладким
Предвкушеньем скорой смерти.

Право, я не суеверен,
Но меж небом и землею
Вещи есть, в каких не может
Разобраться и мыслитель.

В размышлениях о мире
Раззевался и заснул я,
И приснилось мне: лежу я
Под высоким странным деревом.

С веток древа капал белый
Чистый мед и попадал мне
Прямо в рот, и, насыщаясь,
Плавал я в блаженстве сладком.

Я глядел, блаженно жмурясь,
Вверх и вдруг узрел на древе
Семь малюток-медвежаток,
Быстро ползавших по веткам.

Семь пленительных созданий
С розовато-рыжим мехом, —
За плечами он вился,
Точно крылышки из шелка.

Да, у розовых малюток
Были шелковые крылья,
И малютки нежно пели
Неземными голосками.

Эта песня леденила
Кожу мне, но вдруг сквозь кожу
Вырвалась душа, как пламень, —
Вознеслась, сияя, в небо».

Так промолвил умиленно
Атта Тролля, потом минуту
Помолчал он, пригорюнясь.
Но внезапно оба уха,

Странно дрогнув, наострились...
И вскочил он бурно с ложа
И, ликуя, громко рявкнул:
«Дети, чей я слышу голос?

То не голос ли прелестный
Вашей мамы? О, я знаю
Нежное ворчанье Муммы.
Мумма! Сладостная Мумма!»

И помчался из берлоги
Атта Тролля, как полоумный,
Полетел судьбе навстречу,
Устремился прямо в смерть.

24

Там, в ущелье Ронсевальском,
И на том же самом месте,
Где племянник славный Карла
В битве отдал душу богу, —

Пал и Тролля, сражен коварством,
Как Роланд, кого преступно
Предал рыцарский Иуда,
Подлый Ганелон из Майнца.

Ах! Супружеское чувство,
Лучшее, что есть в медведе,
По совету хитрой ведьмы,
Послужило здесь приманкой.

И ворчанью черной Муммы
Бесподобно подражая,
Ведьма выманила Тролля
Из берлоги безопасной.

На крылах любви летел он
По скалам, порой, замедлясь,
Вожделемню нюхал воздух —
Думал, где-то близко Мумма.

Ах! Там спрятался Ласкаро,
Он стоял с ружьем — и пулей
Грянул в радостное сердце, —
Хлынул ток багряной крови,

Помотал медведь сраженный
Головой и сразу рухнул
С тяжким судорожным стоном.
«Мумма!» — был последний вздох.

Так скончался наш герой,
Так погиб. Но для бессмертья
Он воскреснет ныне в песне
Восхищенного поэта.

Он воскреснет, величавый,
В нимбе славы непомерной
И пойдет шагать хореем
На стихах четырехстопных.

И потом ему поставят
Гордый памятник в Валгалле,
И на памятнике будет
Надпись в лапидарном стиле:

«Тролля. Медведь тенденциозный,
Пылок, нравственен и смирен, —
Развращенный духом века,
Был пещерным санкюлотом.

Плохо танцевал, но доблесть
Гордо нес в груди косматой.

Иногда зело вонял он, —
Не талант, зато характер».

25

Тридцать три седых старухи
В яркочерных капюшонах.
В праздничном уборе басков
У околицы стояли.

И одна, как встарь Дебора,
Била в бубен и плясала,
Славя песнею и пляской
Победителя Ласкаро.

Четверо мужчин с триумфом
Мертвого несли медведя;
Он сидел в широком кресле,
Как ревматик на курорте.

За покойным, как родные,
Шли Урака и Ласкаро.
Ведьма, явно чуть конфузясь,
Отвечала на поклоны.

А когда кортеж достигнул
Ратуши, с надгробной речью
Выступил помощник мэра
И сказал об очень многом.

Например, о росте флота,
О проблеме свекловицы,
О печати и о гидре
Нетерпимости партийной.

Описав весьма подробно
Ряд заслуг Луи-Филиппа,
Обратился он к медведю
И к бесстрашному Ласкаро.

«Ты, Ласкаро, — так воскликнул
Наш оратор, отирая

Пот со лба трехцветным шарфом, —
Ты, Ласкаро, ты, Ласкаро,

Ты, сразивший Атта Тролля,
Бич испанцев и французов,
Ты — герой обеих наций,
Пиренейский Лафайет!»

Получив официально
Аттестацию героя,
В тихой радости Ласкаро
Покраснел и улыбнулся.

И потом весьма бессвязно,
Как-то странно заикаясь,
Пробурчал он благодарность
За оказанную честь.

С тайным страхом все глядели
На неслыханное диво,
И в смятенье бормотали
Изумленные старухи:

«Как, Ласкаро улыбнулся!
Как, Ласкаро покраснел!
Как, заговорил Ласкаро,
Этот мертвый сын колдуньи!»

А медведя ободрали,
С молотка пустили шкуру;
За нее скорняк какой-то
Отсчитал пять сотен франков,

Превосходно обработал,
Красным бархатом подбил
И немедленно кому-то
Продал за двойную цену.

И затем Джульеттой куплен
Из четвертых рук в Париже,
Пред ее постелью в спальне
Лег медвежий мех ковром.

Часто голыми ногами
Я в ночи стоял на брэнной
Оболочке Атта Тролля,
На его земной одежде.

И, глубокой грусти полный,
Строки Шиллера читал я:
«Чтобы стать бессмертным в песно,
Надо в жизни умереть».

26

Ну, а Мумма? Ах, ведь Мумма —
Женщина. И вероломство
Имя ей. Ах, женский пол,
Как фарфор китайский, ломок!

Разлученная судьбою
С благородным, славным мужем,
Не погибла от печали,
Не сошла с ума от горя, —

Нет, напротив, продолжала
Жить в веселье, в вечных танцах
И в погоне за успехом
Перед публикой ломаться.

Наконец в Париже Мумма
Обрела в Jardin des plantes
Положение, и место,
И пожизненную ренту.

И когда в воскресный полдень
Я пошел туда с Джульеттой
Показать ей все причуды
Чуждой фауны и флоры:

Дромадера и жирафа,
Баобаб и кедр ливанский,
Золотых фазанов, зебру;
И когда, болтая нежно,

Мы остановились с нею
Пред обширным рвом — сезонной
Резиденцией медведей, —
Боже, что мы увидали!

Исполин медведь, отшельник
Из Сибири, белоснежный,
Там с медведицею черной
Предавался пылким играм.

То была — о небо! — Мумма,
Да, супруга Атта Тролля.
Я узнал ее по блеску
Влажных и влюбленных глаз.

Ах, она, красotka Мумма,
Юга черное создáнье,
Вдруг сошлась с каким-то скифом,
С варваром пустынь полярных.

Близ меня стоявший негр
Мне сказал, сверкнув зубами:
«Есть ли зрелище прекрасней,
Чем утехи двух влюбленных?»

Я ответил: «С кем, простите,
Честь имею говорить?»
Он воскликнул удивленно:
«Как? Меня вы не узнали?»

Я ведь мавр, у Фрейлиграта
В барабанщики попавший.
В те года жилось мне плохо,
Был я одинок среди немцев.

Но теперь я сторож в парке,
Предо мною все растенья
Тропиков моих любезных,
Предо мною львы и тигры.

И гораздо здесь приятней,
Чем на ярмарках немецких,

Где за скверный харч гоняют
Ежедневно барабанить.

Я женился на блондинке,
Поварихе из Эльзаса,
Мне тепло в ее объятьях,
Как в отечестве любезном.

Ножки дорогой супруги
Мне слонов напоминают,
А ее французский щебет —
Черный мой родной язык.

Брань ее напоминает,
Как трещал мой барабан,
Обрамленный черепами
И пугавший льва и кобру.

При луне плутовка плачет
Наподобье крокодила,
Что прохладой ночи дышит,
Глядя ввысь из волн прогретых.

И она отлично кормит.
Что ни даст, я пожираю,
Как на Нигере, с могучим
Африканским аппетитом.

Вот я и животик круглый
Нагулял. Из-под рубашки
Он глядит, как черный месяц
Из-за легкой белой тучки».

27

Августу Фарнгагену фон Энзе

«Где, маэстро Лодовико,
Вы набрали эти сказки?» —
Так с улыбкою воскликнул
Старый кардинал фон Эсте,

О неистовствах Роланда
Прочитав у Ариосто,

Преподнесшего поэму
В дар его преосвященству.

Да, Фарнгаген, старый друг,
На твоих устах играет
Та же тонкая улыбка,
И слова почти что те же.

То смеешься ты, читая,
То, с улыбкой тихой грусти,
Весь овеян смутно прошлым,
Морщишь свой высокий лоб.

Не звенят ли в этой песне
Грезы майских полнолуний,
Что с Brentano и Шамиссо
Да с Фуке сдружили нас?

Или звон Лесной Капеллы,
Тихий звон, давно забытый?
Иль бубенчики дурацких
Колпаков отчизны милой?

В соловьиный хор угрозой
Бас врывается медвежий,
И его сменяет странный
Шепот призраков загробных.

То — безумье с умной миной,
Мудрость — в облике безумства,
Стон предсмертный — и внезапно
Все покрывший громкий хохот.

Да, мой друг, ты слышал эхо
Отзвеневших грез былого;
В них врываются, кривляясь,
Современные мотивы.

И сквозь дерзость чуть заметно
Вдруг проскальзывает робость.
Я на суд твой благосклонный
Отдаю свою поэму.

Ах, она — последний отзвук
Вольных песен романтизма;
В шуме битвы современной
Отзвенит она печально.

Век другой, другие птицы,
А у птиц другие песни.
Вот гогочут — точно гуси,
Что спасали Капитолий!

Веробей с грошовой свечкой
В коготках пищит, дерется —
Гордо мнит, что у Зевеса
Он орел-молниедержец.

Горлицы, любовью сыты,
Жаждают крови и воркуют,
Чтоб впрягли их в колесницу
Не Венеры, а Беллоны.

Вестники весны народов,
Майские жуки-гиганты,
Так жужжат, что мир трясется, —
Вот берсеркерская ярость!

Век другой, другие птицы,
А у птиц другие песни!
Я б их, может быть, любил,
Если б мне другие уши!

АТТА ТРОЛЛЬ

Варианты и дополнения

ГЛАВА 2

Вместо строф 12-й, 13-й, 14-й:

Здесь, читатель, мы покинем
Медвежатника-злодея
И наказанную Мумму
И пойдем за Атта Троллем.
Проследим, как благородный
Refugié домой спасался,
И медвежьему хозяйству
Посвятим подробный очерк.
После выйдем на охоту,
Будем лазать, прыгать, ползать,
Грезить в обществе Ласкаро,
Что прикончил Атта Тролля.
Летней ночи сон! Бесцельна
Эта песнь и фантастична, —
Как любовь, как жизнь, бесцельна!
Не ищите в ней тенденций...
Атта Тролля не представитель
Толстошкурой, всегерманской
Почвенной, народной силы.
Соткан не из аллегорий —
Не немецкий он медведь,
Мой герой. Медведь немецкий,

Говорят, не хочет больше
Ни плясать, ни скинуть цепь.

Имеется еще следующий вариант:

Летней ночи сон! Бесцельна
Эта песнь и фантастична,—
Как любовь, как жизнь, беспельна,
Нуждам нынешним не служит.
В ней высоких интересов
Родины я не касался.
И за них мы будем драться,
Но не здесь, а в доброй прозе.
Да, мы в доброй прозе будем
Разбивать оковы рабства;
А в стихах, а в песне вольной
Уж цветет у нас свобода.
Тут поэзии владенья,
Тут не место ярим битвам, —
Так поднимем тирс волшебный,
Розами увьем чело!

Глава 4

Вместо строфы 13-й:

Презирает также мыло —
Гвоздь новейших омовений —
И в любой вонючей луже
Моеет голову свою.

Глава 5

Вместо строф 10-й и 11-й:

Право! Кто вручил им это
Право? Естество? Но разве
Неестественно оно?
Разум? Что ж он, неразумен?

ГЛАВА 6

Вероятно, сюда относится строфа, которую Штроттманн опубликовал как вариант «Атта Тролля»:

Ведь в большом хлеву господнем,
Называемом землею,
Всякой твари есть кормушка,
А в кормушке — добрый корм!

ГЛАВА 7

Вместо строфы 3-й:

Но иронией зовется.
Ах, клянусь, улыбка эта,
Кисло-сладкая гримаса
На лице невыносима!

ГЛАВА 10

Вместо второй половины 17-й строфы и строфы 18-й:

И, в Германию уйдя,
Стал — медведь тенденциозный.

Там он, к ужасу людей,
А в особенности муз,
Воет и ревет, беснуясь,
И грозит нас всех сожрать.

ГЛАВА 13

Сюда, вероятно, относятся следующие стихи, опубликованные Штроттманном как варианты к «Атта Тролля»:

Ночь, горящая звездами,
На горах лежит как плащ:
Черный горностаи, распитый
Хвостиками золотыми.

Ясно: был скорняк безумен,
Сделав черным горностаю

И украсив золотыми,
А не черными хвостами!

Вешайся, мой Фрейлиграт!
Ведь не ты придумал образ:
Черный горноста́й, расшитый
Хвостиками золотыми.

ГЛАВА 15

Вместо строфы 9-й:

Ах, доныне баск питает
Отвращение к каготу.
Ключ подобного несчастья —
Неразгаданная тайна.

ГЛАВА 17

Вместо второй половины 16-й строфы:

Я уж думал, что внезапно
Все они раскроют клювы
И людскими голосами
Станут, душу изливая,

У меня молить спасенья
Из когтей проклятой ведьмы.

ГЛАВА 21

Вместо строфы 5-й:

«Тридцать шесть корон я дал бы
За один единый зонтик!» —
Скорбно крикнул я. Как слезы,
С тела капала вода.

Вместо второй половины 24-й строфы и первой половины 25-й строфы:

Средь бессвязной мешанины
(Явь под соусом из бреда)

Крепкий сон ко мне явился,
С твердой почвой, основаньем;

Контур — точен, тверд, пластичен;
Так всегда стараюсь грезить.
Из лачуги старой ведьмы
В бальный зал я перенесся,

Последние три строфы, заключенные в скобки, в рукописи перечеркнуты.

ГЛАВА 22

Так у очага мечтая,
Я сидел в лачуге ведьмы.
Рядом с котелком возился
Добродетельнейший мопс.

Движим голодом, а может,
Любопытством, взял я ложку
У него из лап и в жиже
Выловил кусочек мяса.

То большое сердце было —
Вкусно, сварено на славу;
Но его лишь надкусил я,
Как раздался некий голос:

«Ах, обжора ты немецкий!
Пожираешь сердце вора,
Что повешен был в Толозе, —
Вот прожорливая дрянь!»

Так одно из птичьих чучел
Мне сказало, — то был коршун, —
И другие повторили:
«Ах, обжора ты немецкий!»

Видно, съевший сердце вора
Начинает понимать
Птичий свист и щебетанье;
Оказалась правдой сказка.

С той поры я в совершенство
Понимаю речь пернатых,
Понимаю даже мертвых —
Старых чувел диалекты.

Вдруг в окошко постучали,
Я открыл его поспешно;
В хижину влетели с шумом
Девять воронов огромных.

Подскочив к огню, согрели
Когти и, встопорщив перья,
Стали каркать, изрыгая
Всевозможные проклятья.

Тут особенно досталось
Мендицабелю, еврею,
Что прикрыл монастыри —
Их насиженные гнезда.

Спрашивали: «Где дорога
В град Монашо Монашогум?»
«Влево за угол, — сказал я. —
Патер Иозефу привет мой».

Стая черных эмигрантов
У огня недолго грелась
И, покаркав, улетела
Сквозь открытое окошко.

Птичий сброд любого сорта
Стал влетать и уноситься.
Дом похож был на харчевню
Для пернатых проходимцев.

Журавли, порою лебедь,
Даже совы — эти ныли,
Злясь на скверную погоду,
Яркий день и атеизм.

В обществе дородных нянек —
Двух гусынь, ему усердно

Помогавших при полете, —
Прибыл хворый пеликан.

Раненую грудь погрел он,
С негодующим презреньем
Поглядел на клан совиный
И опять в окно умчался.

А потом к огню, воркуя,
Пара голубков подсела,
Посмеялись, освежились
И умчались в путь-дорогу.

Наконец удад явился,
Длинноног, короткокрыл;
Глянув, крикнул мне со смехом:
«Друг! Не узнаешь Хут-Хута?»

Я невольно засмеялся:
Это впрямь мой друг Хут-Хут.
Тридцать пять веков назад он
Числился курьером царским

И с депешей неотложной
Срочно Соломоном Мудрым
Послан был к царице Савской,
К знаменитой Балкайзе.

Царь в красавицу влюбился,
По хвалебным описаньям;
Ей же грезился лишь Мудрый,
Чью весь мир прославил мудрость.

И загадки предлагали
Царь с царицею друг другу,
И бежал, нося записки,
Мой Хут-Хут песком-пустыней.

И, устав от всех загадок,
Прибыла в Ерушолаим
И в объятия Соломона
Кинулась она, краснея.

Царь сказал, обняв царицу:
«Величайшая загадка,
Милое дитя, — любовь,
Но над ней не стоит думать».

Да, Хут-Хут, удод мой старый,
Прежним другом мне явился
В колдовском воздушном царстве,
В дымной хижине Ураки.

Стар удод! Но он такой же,
Как когда-то. Очень важен:
Как тупей, он на макушке
Носит гребешок из перьев.

Он скрестил свои ходули,
По привычке разболтался
И дворцовых происшествий
Выложил мне целый короб.

Рассказал на новый лад
То, что мне поэт арабский
Рассказал: как ангел смерти
Побежден был Соломоном.

Царь остался жить, — бессмертный,
Обитает в Джиннистане;
Там он демонами правит,
Как монарх самодержавный.

«И царица Балкаиза, —
Говорил Хут-Хут, — жива,
Дар возлюбленного, дивный
Талисман, ей дал бессмертье.

Проживая в лунных землях,
В горном царстве эфиопов,
С Соломоном и доньше
Сохранила связь царица.

Оба, правда, постарели
И остыли, но друг другу,

Как и прежде, часто пишут
И, как прежде, шлют загадки.

И по-детски Балкаиза
Радуется, если Мудрый,
Понапрасну потрудившись,
Не решит ее загадку.

И лукаво утверждает,
Что с годами поглупел он,
И, дразня, зовет его
То Ночной Колпак, то Шеллинг.

Царь ей год назад в отместку
Твердый преподнес орешек;
Он своей подруге верной
Переслал со мной загадку:

«Кто подлец наипервейший
Средь германских подлецов,
Среди всех, кто населяет
Тридцать шесть держав германских?»

Сто имен ему с тех пор
Уж царица отослала;
Царь в ответ упорно пишет:
«Нет, голубка, он не первый».

И царица чуть не плачет:
Хоть ее посланцы рыщут
Вдоль по всей земле германской,
Все ж ответ еще за нею.

Но едва она кого-то
Первым подлецом объявит,
Соломон ей пишет снова:
«Нет, голубка, он не первый».

«Милый друг, — ему я молвил, —
Долго будет Балкаиза
Биться тщетно, присуждая
Немцу лавры подлеца.

Ведь в моей отчизне подлость
Прогрессирует гигантски;
На венец из грязных лавров
Слишком много претендентов.

Там вчера еще ***
Первым подлецом казался,
Нынче, по сравненью с ***,
Стал он унтер-подлецом.

Завтра ж назовут газеты
Архиподлеца, который
Даже нашего ***
Переподличать сумеет».

Глава 23

Вместо строфы 4-й:

Только младший, Корноухий,
Бодрствует, отцу внимая.
Тот опять мизантропично
Философствует о людях:

«Да, мой сын, всего противней
Эта кастовая спесь,
Это чванство подлых тварей,
Пишущих анналы мира.

Мы для них пустое место,
Разве мельком упомянут
Имя лошади, носившей
На спине их короля.

Если ж человек снисходит
Родственных воспеть животных,
Он и в этом начинанье
Проявляет эгоизм.

В песнях он, как в жизни, наши
Узурпирует права.

Из любой ничтожной строчки
Прет тупая субъективность.

И, героем взяв медведя,
Он на деле воспевает
Лишь себя — свои безумства
И болезненные бредни».

ГЛАВА 24

Вместо строф 10-й, 11-й и 12-й:

И прославят имя Тролля
Правнуки. Когда же время
Уничтожит предрассудки,
Будет принят он в Валгаллу.

В первоначальном варианте рукописи после этого следуют еще три строфы:

Будет бюст его меж Листом
И великой Фанни Эльслер;
Воспоет его, как друга,
Надпись в неуклюжем стиле:

«Атта Тролля, медведь великий,
Родился на Пиренеях,
Взяв одновременно как
Жар испанцев, так французов —

Трезвость мысли; скрежетавший,
Перед чернию плясавший,
Иногда и вонь пускавший, —
Не талант — зато характер».

Имеется и следующий вариант:

Когда-нибудь король баварский поставит ему в Пантеоне Валгаллы статую в неуклюжем виттельсбаховском стиле: «Атта Тролля, медведь-санкюлот, дикарь-управитель. Уважаемый супруг, глубокий ум, религиозная душа, ненавистник фривольности».

Вместо строфы 9-й:

Да, мой друг, то эхо старых,
Отзвучавших дней мечтанья,
Но теперь в былую тему
Вариации вплелись.

Вместо трех последних строк:

Скачут по стенам германским,
Хлопая кульями крыльев;
Ножки плоски, глотки сиплы,
Много крику, мало пуха!

Тут же белые вороны
Каркают с утра до ночи:
«Галлы, галлы показались!
Сообща спасают Рим».

Да, у птиц иные песни!
Я вчера прочел в газетах,
Что у Тика был удар
И что Тик — советник тайный.

ГЕРМАНИЯ

(Зимняя сказка)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написал эту поэму в январе месяце нынешнего года, и вольный воздух Парижа, пронизавший мои стихи, чрезмерно заострил многие строфы. Я не преминул немедленно смягчить и вырезать все несовместимое с немецким климатом. Тем не менее, когда в марте месяце рукопись была отослана в Гамбург моему издателю, последний поставил мне на вид некоторые сомнительные места. Я должен был еще раз предаться роковому занятию — переделке рукописи, и тогда-то серьезные тона померкли или были заглушены веселыми бубенцами юмора. В злобном нетерпении я снова сорвал с некоторых голых мыслей фиговые листочки и, может быть, ранил иные чопорно-неприступные уши. Я очень сожалею об этом, но меня утешает сознание, что и более великие писатели повинны в подобных преступлениях. Я не имею в виду Аристофана, так как последний был слепым язычником, и его афинская публика, хотя и получила классическое образование, мало считалась с моралью. Уж скорее я мог бы сослаться на Сервантеса и Мольера: первый писал для высокой знати обеих Кастилий, а второй — для великого короля и великого версальского двора! Ах, я забываю, что мы живем в крайне буржуазное время, и с сожалением предвижу, что многие дочери образованных сословий, населяющих берега Шпрее, а то и Альстера, сморщат по адресу моих бедных стихов свои более или менее горбатые носики.

Но с еще большим прискорбием я предвижу галдеж фари-сеев национализма, которые разделяют антипатии правительства, пользуются любовью и уважением цензуры и задают тон в газетах, когда дело идет о нападении на иных врагов, являющихся одновременно врагами их высочайших повелителей. Наше сердце достаточно вооружено против негодования этих лакеев в черно-красно-золотых ливреях. Я уже слышу их пропитые голоса: «Ты оскорбляешь даже наши цвета, предатель отечества, французofil, ты хочешь отдать французам свободный Рейн!»

Успокойтесь! Я буду уважать и чтить ваши цвета, если они этого заслужат, если перестанут быть забавой холопов и бездельников. Водрузите черно-красно-золотое знамя на вершине немецкой мысли, сделайте его стягом свободного человечества, и я отдам за него кровь моего сердца.

Успокойтесь! Я люблю отечество не меньше, чем вы. Из-за этой любви я провел тринадцать лет в изгнании, но именно из-за этой любви возвращаюсь в изгнание, может быть навсегда, без хныканья и кривых страдальческих гримас. Я французofil, я друг французов, как и всех людей, если они разумны и добры; я сам не настолько глуп или зол, чтобы желать моим немцам или французам, двум избранным великим народам, свернуть себе шею на благо Англии и России, к злорадному удовольствию всех юнкеров и попов земного шара. Успокойтесь! Я никогда не уступлю французам Рейна, уже по той простой причине, что Рейн принадлежит мне. Да, мне принадлежит он по неотъемлемому праву рождения, — я вольный сын свободного Рейна, но я еще свободнее, чем он; на его берегу стояла моя колыбель, и я отнюдь не считаю, что Рейн должен принадлежать кому-то другому, а не детям его берегов.

Эльзас и Лотарингию я не могу, конечно, присвоить Германии с такой же легкостью, как вы, ибо люди этих стран крепко держатся за Францию, благодаря законам равенства и тем свободам, которые так приятны буржуазной душе, но для желудка масс оставляют желать многого. А между тем Эльзас и Лотарингия снова примкнут к Германии, когда мы закончим то, что начали французы, когда мы опередим их в действии, как опередили уже в области мысли, если мы взлетим до крайних выводов и разрушим

рабство в его последнем убежище — на небе, когда бога, живущего на земле в человеке, мы спасем от его унижения, когда мы станем освободителями бога, когда бедному, обездоленному народу, осмеянному гению и опозоренной красоте мы вернем их прежнее величие, как говорили и пели наши великие мастера и как хотим этого мы — мы, молодые. Да, не только Эльзас и Лотарингия, но вся Франция станет нашей, вся Европа, весь мир — весь мир будет немецким! О таком назначении и всемирном господстве Германии я часто мечтаю, бродя под дубами. Таков мой патриотизм.

В ближайшей книге я вернусь к этой теме с крайней решимостью, с полной беспощадностью, но, конечно, и с полной лояльностью. Я с уважением встречу самые резкие нападки, если они будут продиктованы искренним убеждением. Я терпеливо прошу и злейшую враждебность. Я отвечу даже глупости, если она будет честной. Но все мое молчаливое презрение я брошу беспринципному ничтожеству, которое из жалкой зависти или нечистоплотных личных интересов захочет опорочить в общественном мнении мое доброе имя, прикрывшись маской патриотизма, а то, чего доброго, — и религии или морали. Иные ловкачи так умело пользовались для этого анархическим состоянием нашей литературно-политической прессы, что я только диву давался. Поистине, Шуфтерле не умер, он еще жив и много лет уже стоит во главе прекрасно организованной банды литературных разбойников, которые обделывают свои делишки в богемских лесах нашей периодической прессы, сидят, притаившись, за каждым кустом, за каждым листком, и повинуются малейшему свисту своего достойного атамана.

Еще одно слово. «Зимняя сказка» замыкает собою «Новые стихотворения», которые в данный момент выходят в издательстве Гофмана и Кампе. Чтобы добиться выхода поэмы отдельной книгой, мой издатель должен был представить ее на особое рассмотрение властей предержащих, и новые варианты и пропуски являются плодом этой высочайшей критики.

Генрих Гейне

Гамбург, 17 сентября 1844 года

1

То было мрачной порой ноября.
Хмурилось небо сурово.
Дул ветер. Холодным, дождливым днем
Вступал я в Германию снова.

И лишь границу я увидал,
Так сладостно и больно
Забилось сердце. И, что таить, —
Я прослезился невольно.

Но вот зазвучала немецкая речь.
Я слушал в странном волненье;
Казалось, кровью сердце мое
Исходит в блаженном томленьи.

То девочка с арфой пела песнь,
И в голосе фальшивом
Звучало теплое чувство. Я был
Растроган грустным мотивом.

И пела она о муках любви,
О жертвах, о свиданье
В том лучшем мире, где душе
Неведомо страданье.

И пела она о скорби земной,
О счастье быстротечном,
О светлом рае, где душа
Сияет в блаженстве вечном.

То старая песнь отречения была,
Легенда о радостях неба,
Которой баюкают глупый народ,
Чтоб не просил он хлеба.

Я знаю мелодию, знаю слова,
Я авторов знаю отлично;
Они тайком тянули вино,
Проповедуя воду публично.

Мы новую песнь, мы лучшую песнь
Теперь, друзья, начинаем;
Мы в небо землю превратим,
Земля нам будет раем.

При жизни счастье нам подавай!
Довольно слез и муки!
И пусть ленивое брюхо кормить
Не будут прилежные руки.

А хлеба хватит нам для всех—
Устроим пир на славу!
Есть розы и мирты, любовь, красота
И сладкий горошек в приправу.

Да, сладкий горошек найдется для всех,
А неба нам не нужно, —
Пусть ангелы да воробьи
Владеют небом дружно!

Скончавшись, крылья мы обретем,
Тогда и взлетим в их селенья,
Чтоб самых блаженных пирожных вкусить
И пресвятого печенья.

Вот новая песнь, лучшая песнь!
Ликуя, поют миллионы!

Умолкнул погребальный звон,
Забыты надгробные стоны!

С прекрасной Европой помолвлен теперь
Свободы юный гений, —
Любовь призывает счастливых на пир,
На радостный пир наслаждений.

И пусть у них обошлось без попа —
Их брак мы считаем законным!
Хвала невесте и жениху
И детям, еще не рожденным!

Венчальный гимн эта новая песнь,
Лучшая песнь поэта!
В моей душе восходит звезда
Высокого обета.

И сонмы созвездий пылают кругом,
Текут огневыми ручьями.
В волшебном приливе сил я могу
Дубы вырывать с корнями.

Живительный сок немецкой земли
Огнем напоил мои жилы.
Гигант, материнской коснувшись груди,
Исполнился новой силы.

2

Малютка все распевала песнь
О светлых горних странах.
Чиновники прусской таможни меж тем
Копались в моих чемоданах.

Обнюхали всё, раскидали кругом
Белье, платки, манишки,
Ища драгоценности, кружева
И нелегальные книжки.

Глупцы, вам ничего не найти,
И труд ваш безнадежен!

Я контрабанду везу в голове,
Не опасаясь таможен.

Я там ношу кружева острот
Потоньше брюссельских кружев, —
Они исколют, изранят вас,
Свой острый блеск обнаружив.

В моей голове сокровища все,
Венцы грядущим победам,
Алмазы нового божества,
Чей образ высокий неведом.

И много книг в моей голове,
Поверьте слову поэта!
Как птицы в гнезде, там щебечут стихи,
Достойные запрета.

И в библиотеке сатаны
Нет более колких басен,
Сам Гофман фон Фаллерслебен для вас
Едва ли столь опасен.

Стоявший рядом пассажир
Заметил мне в поясненье:
«Пред вами таможенный прусский союз,
Великое объединенье.

Таможенный союз — залог
Национальной жизни.
Он цельность и единство даст
Разрозненной отчизне.

Нас внешним единством свяжет он,
Как говорят, матерьяльным.
Цензура единством наш дух облечет
Поистине идеальным.

Мы станем отныне едины душой,
Едины мыслью и телом,
Германии нужно единство теперь
И в частностях и в целом».

В Ахене, в древнем соборе, лежит
Император Карл Великий!
Не следует думать, что это Карл
Майер из швабской клики.

Я не хотел бы, как мертвый монарх,
Лежать в гробу холодном;
Уж лучше на Неккаре в Штуккерте жить
Поэтом, пускай негодным.

В Ахене даже у псов хандра —
Лежат, скуля беззвучно:
«Дай, чужеземец, нам пинка,
А то нам очень скучно!»

Я в этом убогом сонливом гнезде
Часок пошатался уныло
И, встретив прусских военных, нашел,
Что все осталось, как было.

Высокий красный воротник,
Плащ серый, все той же моды.
«Мы в красном видим французскую кровь», —
Пел Кернер в прежние годы.

Смертельно тупой, педантичный народ!
Прямой, как прежде, угол
Во всех движениях. И подлая спесь
В недвижимом лице этих пугал.

Шагают — ни дать ни взять манекен,
Муштра у них на славу!
Иль проглотили палку они,
Что их обучала уставу?

Да, фухтель не вывелся, он лишь стал
Их внутренним достояньем.
Сердечное «ты» старинного «он»
Осталось напоминаям.

И в сущности ус, как потомок прямой,
Достойно наследовал косам!
Коса болталась на спине,
Теперь — висит под носом.

Зато кавалерии новый костюм
И впрямь придуман не худо:
Особенно шлем достоин похвал,
А шпиц на шлеме — чудо!

Здесь ясно виден рыцарский дух,
Романтика — в каждой детали.
Как будто Иоганна де Монфокон,
Фуке или Тик вам предстали.

Как будто средневековый строй
Оруженосцев пред вами:
Сердца украшали честью они,
А задницы — гербами.

Как будто турниры припомнились вам,
Служенье даме, обеты.
Печати не знал этот набожный век,
Не выходили газеты.

Да, да, сей шлем понравился мне.
Он — плод высочайшей заботы.
Его изюминка — острый шпиц!
Король — мастак на остроу!

Боюсь только, с этой романтикой — грех,
Ведь если появится тучка,
Новейшие молнии неба на вас
Притянет столь острая штучка.

Советую выбрать полегче убор
И на случай военной тревоги:
При бегстве средневековый шлем
Стеснителен в дороге!

На почте я знакомый герб
Увидел над фасадом

И в нем ненавистную птицу, чей глаз
Как будто брызжет ядом.

О гадкая тварь, попадешься ты мне, —
Я рук не пожалею!
Выдеру когти и перья твои,
Сверну проклятой шею!

На шест высокий вздерну тебя
И праздник я дам на прощанье!
Устрою для рейнских вольных стрелков
Веселое состязанье.

Венец и держава тому молодцу,
Что птицу сшибет стрелою.
Мы крикнем: «Да здравствует король!»
И туш сыграем герою.

4

Мы поздно вечером прибыли в Кельн.
Я Рейна услышал дыханье.
Немецкий воздух пахнул мне в лицо
И вмиг оказал влиянье

На мой аппетит. Я омлет с ветчиной
Вкусил благоговейно,
Но был он, к несчастью, пересолен, —
Пришлось заказать рейнвейна.

И ныне, как встарь, золотится рейнвейн
В зеленоватом стакане.
Но лишнегохватишь — ударит в нос,
И голова в тумане.

Так сладко щекочет в носу! А душа
Растаять от счастья готова.
Меня потянуло в пустынную ночь —
Бродить по городу снова.

Мне чудились в каменном взгляде домов
Невысказанные желанья:

Казалось, мне стены поведать хотят
Священного Кельна преданья.

Сетями гнусными святош
Когда-то был Кельн опутан.
Здесь было царство темных людей,
Которых высмеял Гуттен.

Здесь церковь отплясывала канкан,
Свирепствуя беспредельно,
Доносы подлые строчил
Гохстраатен — Менцель Кельна.

Здесь книги сжигали, сжигали людей,
Губили их творенья
Под дикий звон колоколов,
Псалмы и песнопенья.

Злоба и глупость блудили тут,
Грызясь, как псы над костью.
От их приплода и теперь
Разит фанатической злостью.

Но вот он! В ярком сиянье луны
Неимоверной машиной,
Так дьявольски черен, — торчит в небеса
Собор над водной равниной.

Бастилией духа он должен был стать;
Святейшим римским пролазам
Мечталось: «Мы в этой гигантской тюрьме
Сгноим немецкий разум».

Но громовое «Стой!» сказал
Им Лютер непреклонный,
И вот собор до наших дней
Стоит незавершенный.

Он не был достроен — и благо нам!
Ведь в этом себя проявила
Протестантизма великая мощь,
Германии новая сила.

Вы, жалкие плуты, Соборный союз,
Не вам — какая нелепость! —
Не вам воскресить безжизненный труп,
Достроить старую крепость.

О, глупый бред! Бесполезно теперь,
Торгуя словесным елеем,
Выклянчивать грош у еретиков,
Ходить за подачкой к евреям.

Напрасно будет великий Франц Лист
Вам жертвовать сбор с выступлений!
Напрасно будет речами блистать
Король — доморощенный гений!

Не будет закончен Кельнский собор,
Хоть глупая швабская свора
Прислала корабль наилучших камней
На построенье собора.

Не будет закончен — на зло воронью
И совам той гнусной породы,
Которой мил церковный мрак
И башенные своды.

И даже такое время придет,
Когда без особого спора,
Не кончив зданье, соорудят
Конюшню из собора.

«Но если собор под конюшню отдать,
С мощами будет горе.
Куда мы денем святых волхвов,
Лежащих в алтарном притворе?»

Пустое! Ну, время ль возиться теперь
С делами церковного клира!
Святим царям из восточной земли
Найдется другая квартира.

А впрочем, я дам превосходный совет:
Им лучшее место, поверьте, —

Те клетки железные, что висят
На башне Sankt Lamberti.

Велели в них сесть королю портных
И первым его вельможам,
А мы эти клетки, конечно, другим
Монаршим особам предложим.

Герр Бальтазар будет справа парить,
Герр Гаспар — посредине,
Герр Мельхиор — слева. Бог ведает, как
Земля их носила доньше!

Священный сей Восточный Союз
Канонизирован срочно,
Хоть жили они далеко не всегда
Достойно и беспорочно.

Ведь Бальтазар и Мельхиор —
Сиятельные плуты —
Народам клялись конституцию дать
В тяжелые минуты, —

И лгали оба. А герр Гаспар,
Царь мавров, владыка вздорный,
Глушцу-народу и вовсе воздал
Неблагодарностью черной.

5

И к Рейнскому мосту придя, наконец,
В своем бесцельном блужданье,
Я увидал, как старый Рейн
Струится в лунном сиянье.

«Привет тебе, мой старый Рейн!
Ну как твое здоровье?
Я часто вспоминал тебя
С надеждой и любовью».

И странно: кто-то в темной воде
Зафыркал, закашлялся глухо,

И хриплый старческий голос вдруг
Мое расслышало ухо.

«Здорово, мой мальчик, я очень рад,
Что вспомнил ты старого друга.
Тринадцать лет я тебя не видал,
Подчас приходилось мне туго.

Я в Бибрихе наглotalся камней,
А это, знаешь, не шутка;
Но те стихи, что Беккер творит,
Еще тяжелей для желудка.

Он девственницей сделал меня,
Какой-то недотрогой,
Которая свой девичий венок
Хранит в непорочности строгой.

Когда я слышу глупую песнь,
Мне хочется вцепиться
В свою же бороду. Я готов
В себе самом утопиться.

Французам известно, что девственность я
Утратил волею рока,
Ведь им уж случалось меня орошать
Струями победного сока.

Глупейшая песня! Глупейший поэт!
Он клеветал без стеснения,
Скомпрометировал просто меня
С политической точки зренья.

Ведь если французы вернутся сюда,
Ну что я теперь им отвечу?
А кто, как не я, молил небеса
Послать нам скорую встречу?

Я так привязан к французикам был,
Любил их милые штучки.
Они и теперь еще скажут, поют
И носят белые брючки?

Их видеть рад я всей душой,
Но я боюсь их насмешек:
Иной раз таким подденут стихом,
Что не раскусишь орешек.

Тотчас прибежит Альфред де Мюссе,
Задира желторотый,
И первый пробарабанит мне
Свои дрянные остроты».

И долго бедный старый Рейн
Мне жаловался глухо.
Как мог, я утешил его и сказал
Для ободренья духа:

«Не бойся, мой старый, добрый Рейн,
Не будут глумиться французы:
Они уж не те французы теперь —
У них другие рейтузы.

Рейтузы их не белы, а красны,
У них другие пряжки,
Они не скачут, не поют,
Задумчивы стали, бедняжки.

У них не сходят с языка
И Кант, и Фихте, и Гегель.
Пьют черное пиво, курят табак,
Нашлись и любители кегель.

Они филистеры, так же, как мы,
И даже худшей породы.
Они Генгстенбергом клянутся теперь,
Вольтер там вышел из моды.

Альфред де Мюссе, в этом ты прав,
И нынче мальчишка вздорный,
Но ты не робей: мы запрем на замок
Его язычок задорный.

Пускай протрещит он плохой каламбур, —
Мы штучку похуже устроим:

Просвищем, что у прелестных дам
Бывало с нашим героем.

А Беккер — да ну его, добрый мой Рейц,
Не думай о всяком вздоре!
Ты песню получше услышишь теперь.
Прощай, мы свидимся вскоре».

6

Вслед Паганини бродил, как тень,
Свой *Spiritus familiaris*
То в образе пса, то в виде людском:
Покойника Джорджа Гаррис.

Бонапарту являлся огненный муж
Предвестником важных сражений.
Сократа демон посещал:
То не был плод измышлений.

Я сам, засидевшись в ночи у стола
В погоне за рифмой крылатой,
Не раз замечал, что за мною стоит
Неведомый соглядатай.

Он что-то держал под черным плащом,
Но вдруг — на одно мгновенье —
Сверкало, будто блеснул топор,
И вновь скрывалось виденье,

Он был приземист, широкоплеч,
Глаза — как звезды блестящи.
Писать он мне никогда не мешал,
Стоял в отдаленье чаще.

Я много лет не встречался с ним,
Приходил он, казалось, беспельно,
Но вдруг я снова увидел его
В полночь на улицах Кельна.

Мечтая, блуждал я в ночной тишине
И вдруг увидал за собою

Безмолвную тень. Я замедлил шаги
И стал. Он стоял за мною.

Стоял, как будто ждал меня,
И вновь зашагал упорно,
Лишь только я двинулся. Так пришли
Мы к площади соборной.

Мне страшен был этот призрак немой!
Я молвил: «Открой хоть ныне,
Зачем преследуешь ты меня
В полуночной пустыне?»

Зачем я всегда встречаю тебя
В часы вдохновенных видений,
Когда мне, как молнии, сердце и мозг
Пронзают лучи откровений?

О, кто ты, откуда? Зачем судьба
Нас так непонятно связала?
Что значит блеск под плащом твоим,
Подобный блеску кинжала?»

Ответ незнакомца был крайне сух
И даже флегматичен:
«Пожалуйста, не заклинай меня,
Твой тон чересчур патетичен.

Знай, я не призрак былого, не тень,
Покинувшая могилу.
Мне метафизика ваша чужда,
Риторика не под силу.

У меня практически-трезвый уклад,
Я не болтаю без цели,
Но все, что ты замыслил в душе,
Я выполняю на деле.

И если мне даже годы нужны,
Я цель преследую смело, —
Твой замысел будет осуществлен!
Ты мыслишь, за мною — дело.

Да, ты судья, а я палач,
И я, как раб молчаливый,
Исполню каждый твой приговор,
Пускай несправедливый.

Пред консулом ликтор носил топор —
Таков обычай Рима;
Я ликтор твой, но я за тобой
Ношу топор незримо.

Я ликтор твой; за тобою, как тень,
Я следую в скитанье,
Неся тяжелый судейский топор:
Я — мысли твоей деянье».

7

Вернувшись домой, я разделся и вмиг
Уснул, как дитя в колыбели.
В немецкой постели так сладко спать —
Конечно, в пуховой постели.

Как часто мечтал я с глубокой тоской
О мягкой немецкой перине,
Вертясь на жестком тюфяке
В бессонную ночь на чужбине.

И спать хорошо и мечтать хорошо
В немецкой пуховой постели,
Как будто сразу с немецкой души
Земные пути слетели.

И, все презирая, летит она ввысь,
В просторы блаженных селений.
Как горды полеты немецкой души
В часы ночных сновидений!

Бледнеют боги, завидев ее.
В пути без малейших усилий
Она срывает сотни звезд
Ударом мощных крылий.

Французам и русским досталась земля,
Британец владеет морем,
А мы — воздушным царством мечты,
Там наш престиж бесспорен.

Там гегемония нашей страны,
Единство немецкой стихии.
Как жалко ползают по земле
Все нации другие!

Я крепко заснул, и снилось мне,
Что снова блуждал я бесцельно
В холодном сиянье полной луны
По гулким улицам Кельна.

И всюду за мной скользил по пятам
Тот черный, непостижимый.
Я так устал, я был разбит!
Так бесконечно шли мы!

Мы шли без конца, и сердце мое
Раскрылось зияющей раной,
И капля за каплей алая кровь
Стекала на грудь непрерывно.

Я часто обмакивал пальцы в кровь
И часто, в смертельной истоме,
Своею кровью загадочный знак
Чертил на чем-нибудь доме.

И всякий раз, отмечая дом
Рукою окровавленной,
Я слышал, как, жалобно плача, вдали
Колокольчик звенит похоронный.

Меж тем побледнела, нахмурясь, луна
На пасмурном небосклоне.
Неслись громады клубящихся туч,
Как дикие черные кони.

И всюду за мною скользил по пятам,
Скрывая сиянье стали,

Мой черный спутник. И долго мы с ним
Вдоль темных улиц блуждали.

Мы шли и шли; наконец глазам
Открылись гигантские формы.
Зияла раскрытая настежь дверь,
И так проникли в собор мы.

В чудовищной бездне царила лишь смерть,
Лишь холод, и мгла, и молчанье, —
Непобедимый сгущало мрак
Светильников тусклых мерцанье.

Я долго под сводами храма бродил,
В притворах, окутанных тьмою,
И только слышал, как мерный шаг
Звучит неотступно за мною.

Но вот открылась в блеске свечей,
В убранстве благоговейном,
Вся в золоте и в драгоценных камнях
Капелла трех королей нам.

О чудо! Три святых короля,
Чей смертный сон так долог,
Теперь на саркофагах верхом
Сидели, откинув полог.

Роскошный и фантастичный наряд
Одел гнилые суставы.
Прикрыты коронами черепа,
В иссохших руках — державы.

Как остовы кукол, тряслись костяки,
Покрытые древней пылью.
Сквозь благовонный фимиам
Разило смрадной гнилью.

Один из них тотчас задвигал ртом
И начал без промедленья
Выкладывать, почему от меня
Он требует уваженья.

Во-первых, потому, что он мертв,
Во-вторых, он монарх державный
И, в-третьих, он ведь святой. Но меня
Не тронул сей перечень славный.

И я ответил ему, смеясь:
«Напрасны твои старанья.
Я вижу только, что ты отошел
Всецело в область преданья.

Прочь! Прочь отсюда! Глубоко в земле
Твои родовые наделы.
А жизнь возьмет для насущных нужд
Сокровища этой капеллы.

Веселая конница будущих лет
Займет помещенья собора.
Убирайтесь! Не то вас погонят дубьем,
А зданье очистят от сора!»

Я кончил и отвернулся от них.
И страшно блеснул из мрака
Немого спутника страшный топор,—
Он понял все без знака,

Приблизился, и взмахнул топором,
И, словно обрушив громы,
Поверг во прах и раздробил
Былых суеверий фантомы.

И отгремел под сводом удар
Непередаваемым гулом,
Кровь хлынула из груди моей...
И утро дверь распахнуло.

8

От Кельна до Гагена стóбит проезд
Пять талеров прусской монетой.
Я не попал в дилижанс, и пришлось
Тащиться почтовой каретой.

Сырое осеннее утро. Туман.
В грязи увязала карета.
Но жаром сладостным была
Вся кровь моя согрета.

О воздух отчизны! Он нужен душе,
Как солнце весеннее розам.
А грязь на дорогах! Она ведь была
Отечественным навозом!

Дружелюбно махали лошадки хвостом,
Как будто им с детства знаком я.
И были мне райских яблок милей
Помета их круглые комья.

Вот Мюльгейм, чистенький городок,
Чудесный нрав у народа!
Я проезжал здесь последний раз
Весной тридцать первого года.

Тогда природа была в цвету,
И весело солнце смеялось,
И птицы пели любовную песнь,
И людям сладко мечталось.

Все думали: «Тощее рыцарство нам
Покажет скоро затылок.
Мы им вослед презентуем вина
Из длинных железных бутылок.

И с пеньем и пляской свобода придет,
Неся трехцветное знамя,
И, может быть, генерал Бонапарт
Восстанет из мертвых пред нами».

О господи! Рыцари все еще здесь!
Иные из этих каналов
Пришли к нам сухими как жердь, а у нас
Толщенное брюхо нажрали.

Поджарая сволочь, сулившая нам
Любовь, Надежду, Веру,

Успела багровый нос нагулять,
Рейнвейном упившись не в меру.

Свобода, в Париже ногу сломав,
О песнях и плясках забыла.
Не плещет на башнях трехцветный стяг,
Поникнув, тоскует уныло.

Император однажды встал из земли,
Но уже без огня былого.
Британские черви смирили его,
И лег он безропотно снова.

Я сам провожал катафалк золотой,
Я видел гроб золоченый,
Богини победы его несли
Под золотою короной.

Далёко вдоль Елисейских полей,
Под аркой Триумфальной,
В холодном тумане, по снежной грязи
Тянулся кортеж погребальный.

Фальшивая музыка резала слух.
Все музыканты дрожали
От стужи. Глядели орлы со знамен
В такой глубокой печали.

И взоры людей загорались огнем
Оживших воспоминаний.
Волшебный сон империи вновь
Сиял в холодном тумане.

Я плакал сам в тот скорбный день
Слезами горя немого,
Когда звучало: «Vive l'empereur!»,
Как страстный призыв былого.

9

Из Кельна в семь сорок пять утра
Я снова пустился в дорогу.
Мы в Гаген прибыли около трех.
Теперь — закусим немного!

За Гагсном скоро настала ночь,
И вдруг холодком зловещим
В кишках потянуло. Увы, трактир
Лишь в Унне нам обещан.

Тут шустрая девочка поднесла
Мне пунша в дымящейся чашке.
Глаза были нежны, как лунный свет,
Как шелк — золотые кудряшки.

Лепечущий вестфальский акцент
Я впитывал с наслажденьем.
Забутые образы вызвал пунш,
И я вспоминал с умиленьем

Вас, братья-вестфальцы! Как часто пивал
Я в Геттингене с вами!
Как часто кончали мы ночь под столом,
Прижавшись друг к другу сердцами!

Я так сердечно любил всегда
Чудесных, добрых вестфальцев!
Надежный, крепкий и верный народ,
Не врут, не скользят между пальцев.

А как на дуэли держались они,
С какою львиной отвагой!
Каким молодцом был каждый из них
С рапирой в руке иль со шпагой!

И выпить и драться они мастера,
А если протянут губы
Иль руку в знак дружбы, заплачут вдруг —
Сентиментальные дубы!

Награди тебя небо, добрый народ,
Твои урожаи утроив!
Спаси от войны и от славы тебя,
От подвигов и героев.

Помогай господь твоим сыновьям
Сдавать успешно экзамен.
Пошли твоим дочкам добрых мужей
И деток хороших. Amen!

11

Вот он, наш Тевтобургский лес!
Как Тацит в годы оны,
Классическую вспомним топь,
Где Вар сгубил легионы.

Здесь Герман, славный херусский князь,
Насолил латинской собаке.
Немецкая нация в этом дерьме
Героем вышла из драки.

Когда бы Герман не вырвал в бою
Победу своим блондинам,
Немецкой свободе был бы капут,
И стал бы Рим господином.

Отечеству нашему были б тогда
Латинские нравы привиты.
Имел бы и Мюнхен весталок своих,
И швабы звались бы квириты.

Гаруспекс новый, наш Генгстенберг,
Копался б в кишечнике бычьем.
Неандер стал бы, как истый авгур,
Следить за полетом птичьим.

Бпрх-Пфейфер тянула бы скипидар,
Подобно римлянкам знатным,—
Говорят, что от этого запах мочи
У них был очень приятным.

Наш Раумер был бы уже не босяк,
Но подлинный римский босякус.
Без рифмы писал бы Фрейлиграт,
Как сам Horatius Flaccus.

Грубьян-попрошайка папаша Ян —
Он звался б теперь грубиянус.
Me Hercule! Массман знал бы латынь,
Наш Marcus Tullius Masmanus!

Друзья прогресса мощь свою
Пытали б на львах и шакалах
В песке арен, а не так, как теперь, —
На шавках в мелких журналах.

Не тридцать шесть владык, а один
Нерон давил бы нас игом,
И мы вскрывали бы вены себе,
Противясь рабским веригам.

А Шеллинг бы, Сенекой став, погиб,
Сраженный таким конфликтом.
Корнелиус наш услышал бы тогда:
«*Sacatum non est pictum!*»

Слава господу! Герман выиграл бой,
И прогнаны чужеземцы,
Вар с легионами отбыл в рай,
А мы попрежнему немцы.

Немецкие нравы, немецкая речь, —
Другая у нас не пошла бы, —
Осел — осел, а не *asinus*,
А швабы — те же швабы.

Наш Раумер — тот же немецкий босяк,
Хоть дан ему орден, я слышал,
И пишет рифмами Фрейлиграт:
Из него Гораций не вышел.

В латыни Массман — ни в зуб толкнуть,
Бирх-Пфейфер склонна к драмам,
И ей не надобен скипидар,
Как римским галантным дамам.

О Герман! Благодарим тебя!
Прими поклон наш низкий!

Мы в Детмольде памятник ставим тебе,
Я участвую сам в подписке.

12

Трясется ночью в лесу по корням
Карета. Вдруг затрещало.
Сломалась ось, и мы стоим.
Удовольствия очень мало.

Почтарь слезает, спешит в село,
А я остаюсь в ожиданье
В глухую полночь один в лесу.
Мне слышится завыванье.

То волки подняли дикий вой
Голодными голосами.
Их огненные глаза горят,
Как факелы, за кустами.

Узнали, видно, про мой приезд,
И в честь мою всем собором
Иллюминировали лес
И распевают хором.

Приятная серенада! Я
Сегодня гвоздь представленья!
Я принял позу, отвесил поклон
И стал подбирать выраженья.

«Сограждане волки! Я счастлив, что мог
Такой удостоиться чести:
Найти столь избранный круг и любовь
В столь неожиданном месте.

Мои ощущенья в этот миг
Нельзя передать словами.
Клянусь, я вовеки забыть не смогу
Часы, проведенные с вами.

Я вашим доверием тронут до слез,
Благодарю за вниманье.

Живое свидетельство дружбы своей
Вы дали мне в час испытанья.

Сограждане волки! Вы никогда
Не верили лживым писакам,
Которые нагло трезвонят, что я
Перебежал к собакам,

Что я отступник и принял пост
Советника в стаде бараньем.
Конечно, разбор такой клеветы
Мы заниматься не станем.

Овечья шкура, что я иногда
Надевал, чтоб согреться, на плечи,
Поверьте, не соблазнила меня
Сражаться за счастье овечье.

Я не советник, не овца,
Не пес, боящийся палки,
Я ваш! И волчий зуб у меня,
И сердце волчьей закалки!

Я тоже волк и буду всегда
По-волчьи выть с волками!
Доверьтесь мне и держитесь, друзья!
Тогда и господь будет с вами».

Без всякой подготовки я
Держал им речи эти.
Кольб, обкорнав слегка, пустил
Их во «Всеобщей газете».

13

Над Падерборном солнце в тот день
Взошло, сощурясь кисло.
И впрямь, освещенье глупой земли —
Занятье, лишённое смысла.

Едва осветило с одной стороны,—
К другой несется поспешно,

Тем временем та успела опять
Покрыться тьмой кромешной.

Сизифу камня не удержать,
А Данаиды напрасно
Льют воду в бочку. И мрак на земле
Рассеять солнце не властно.

Предутренный туман исчез,
И в дымке розоватой
У самой дороги возник предо мной
Христос, на кресте распятый.

Мой скорбный родич, мне грустно до слез
Глядеть на тебя, бедняга!
Грехи людей ты хотел искупить —
Глупец ! — для людского блага.

Плохую шутку сыграли с тобой
Влиятельные персоны.
Кой дьявол тянул тебя рассуждать
Про церковь и законы?

На горе твое, печатный станок
Еще известен не был.
Ты мог бы толстую книгу издать
О том, что относится к небу.

Там все, касающееся земли,
Подвергнул бы цензор изъятию, —
Цензура бы тебя спасла,
Не дав свершиться распятию.

Хоть бы нагорную проповедь ты
Сказал с соблюдением меры.
Умом обладал и талантом, и мог
Не трогать приверженцев веры.

Ростовщиков и торгашей
Из храма прогнал ты с позором,
И вот, мечтатель, висишь на кресте,
В острастку фантазерам!

Холодный ветер, голая степь,
 Карета ползет толчками.
 Но в сердце моем поет и звенит:
 «О, солнце, гневное пламя!»

Я слышал от няни этот припев,
 Звучащий так скорбно и строго.
 «О, солнце, гневное пламя!» — он был
 Как зов лесного рога.

То песнь про убийцу, что в старину
 В довольстве жил и в веселье, —
 Его повешенным нашли
 В лесу на старой ели.

Был смертный приговор ему
 Прибит гвоздем под ветвями.
 То мстители Фемы свершили суд.
 «О, солнце, гневное пламя!»

Да, гневное солнце следило за ним
 И злыми его делами.
 Предсмертный вопль Оттилии был:
 «О, солнце, гневное пламя!»

И образ покойной старушки встает
 Предо мною при звуках старинных.
 Я вижу бледное лицо,
 Все в тонких лучистых морщинах.

Из Мюнстера родом она была
 И много задушевных,
 Чудесных песен певала мне,
 Историй о феях, царевнах.

Я помню, как принцессу жалел,
 Что в голой степи блуждала
 И волосы золотые свои
 Тугим узлом заплетала.

Ее заставляли гусей пасти,
И часто вечерами,
Пригнав свое стадо, она у ворот
Тайком заливалась слезами.

Ах, над воротами прибит
Был череп лошадиный.
Здесь верный конь ее погиб,
Связав бедняжку с чужбиной.

Принцесса вздыхала в горькой тоске:
«О Фаллада, зачем умерла ты?»
И череп ей кричал в ответ:
«О, горе! Зачем ушла ты?»

Принцесса вздыхала в горькой тоске:
«О, если б мать моя знала!»
И череп ей кричал в ответ:
«Она бы от горя увяла!»

Я слушал старушку, не смеядохнуть.
И тихо и серьезно
Она начинала старинную быль
О Ротбарте, кайзере грозном.

Она уверяла, что он не мертв,
Что это вздор ученый,
Что в недрах одной горы он живет
Со свитой вооруженной.

Гора — Кифгайзер, а в ней дворец.
Роскошны его порталы,
Торжественным светом озарены
Тяжелосводные залы.

Конюшня — первый зал дворца,
Закованы в белые брони,
Несметной силой там стоят
Над яслями гордые кони.

Оседлан и взнуздан каждый конь,
Но медленно их дыханье,

Не ржет ни один и не роет земли,
Недвижны, как изваянье.

Вторая зала — на сене там
Лежат солдат легионы,
Суровый, бородатый народ,
Их лица непреклонны.

И каждый воин вооружен,
Но зал — немая могила.
Недвижны все. Застыли все,
Как будто их смерть усыпила.

И третий зал — серебро и булат,
Мечи и секиры. Из меди
Кольчуги и шлемы. И камнемет...
Сокровища франкских наследий.

А пушек хоть мало, достаточно все ж,
Чтоб быть трофеем прекрасным.
Огромное знамя расписано все
По золоту черным и красным.

В четвертом зале кайзер живет.
Проходят века за веками,
А он на каменном троне сидит,
О стол опираясь руками.

И огненно-рыжая борода
Спадает наземь каскадом,
Порою, тяжелые веки подняв,
Он глянет разгневанным взглядом.

И спит он иль в думу ушел глубоко, —
Ответ затруднителен, право.
Но бодро встанет он в нужный час,
Когда потребует слава.

Взнесет рукой трехцветный стяг
И крикнет уснувшим героям:
«По коням, по коням!» — и встанут бойцы
Гремящим, сверкающим строем.

И каждый, как буря, взлетит на коня,
Конь прынет с веселым ржаньем, —
И всадники мчатся на пир боевой,
И трубы звучат ликованием.

И поскок их добр, и добр их удар,
Им битва не в труд, а в забаву.
А кайзер держит строгий суд,
Зовет убийц на расправу.

Убийц, погубивших прекрасный цветок,
Дитя с голубыми глазами —
Германию, деву в кудрях золотых.
«О, солнце, гневное пламя!»

Кто в замке, спасая шкуру, сидел
И не высывал носа,
Того на праведный суд извлечет
Карающий Барбаросса!

Как сладостна песня, как нежен напев,
В душе сохранный годами!
Мое суеверное сердце поет:
«О, солнце, гневное пламя!»

15

Тончайшей пылью сеется дождь,
Острей ледяных иголок.
Лошадки печально машут хвостом —
В поту и в грязи до челок.

Рожок почтальона протяжно трубит.
В мозгу звучит поминутно:
«Три всадника рысью летят из ворот».
На сердце стало так смутно.

Меня клонило ко сну. Я заснул.
И мне привиделось ясно,
Что я нахожусь в чудесной горе,
Где Ротбарт царит полновластно.

Но он уж теперь не сидел за столом,
Как статуя, в позе привычной,
И вовсе не так величаво смотрел,
Как мы представляем обычно.

Он долго слонялся по залам со мной,
Откинув спесь государей,
И демонстрировал вещи свои,
Как истинный антикварий.

Он в зале оружия мне объяснил
Употребленье палиц.
Отер мечи, их остроту
Попробовал на палец.

Потом, отыскав павлиний хвост,
Смахнул им пыль, что лежала
На панцире, на шишаке,
На уголке забрала.

И, знамя почистив, отметил вслух,
С сознаньем важности дела,
Что в древке не завелся червь
И шелка моль не проела.

Когда ж мы забрели в тот зал,
Где грозным легионом
Лежали воины, старик
Сказал заботливым тоном:

«Здесь надо шепотом говорить,
А то проснутся ребята.
Как раз прошло столетье опять,
И нынче им следует плата».

И кайзер тихо прошел по рядам,
И каждому солдату
Он осторожно, боясь разбудить,
Засунул в карман по дукату.

Потом тихонько шепнул, смеясь
Моему удивленному взгляду:

«По дукату за каждую сотню лет
Я положил им награду».

В том зале, где кони стоят вдоль степ
Недвижным, мощным рядом,
Старик взволнованно руки потер
С особенно радостным взглядом.

Он их немедля стал считать,
Похлопывая по ребрам.
Считал, считал и губами вдруг
Задвигал с видом недобрым:

«Опять не хватает,— промолвил он,
С досады чуть не плача.—
Людей и оружия довольно у нас,
А вот в конях — недостача.

Барышников я уже разослал
По свету, чтоб везде нам
Они покупали лучших коней,
По самым высоким ценам.

Составим полный комплект и — в бой!
Ударим так, чтоб с налета
Освободить мой немецкий народ,
Спасти отчизну от гнета».

Так молвил кайзер. И я закричал:
«За дело, старый рубака!
Не хватит коней — найдутся ослы,
Когда заварится драка».

Но Ротбарт, смеясь, ответил: «Спешить
Не вижу нужды совсем я,
Не за день выстроили Рим, —
Для дела надобно время.

Кто нынче не явится, завтра придет.
А в бой пока еще рано,
Ведь в Римской империи говорят:
«Chi va piano, va sano».

Внезапный толчок пробудил меня,
 Но вновь, охвачен дремой,
 Я к кайзеру Ротбарту был унесен
 В Кифгайзер давно знакомый.

Опять, беседуя, мы шли
 Сквозь гулкие анфилады.
 Старик расспрашивал меня,
 Разузнавал мои взгляды.

Уж много лет он не имел
 Вестей из мира людского,
 Почти со времен Семилетней войны
 Не слышал живого слова.

Он спрашивал, как Моисей Мендельсон
 И Каршин? Не без интереса
 Спросил, как живет госпожа Дюбарри,
 Блистательная метресса.

«О кайзер! — вскричал я. — Как ты отстал!
 Моисея давно схоронили.
 И его Ревекка и сын Авраам
 Уже скончались и сгнили.

Вот Феликс, Авраама и Лии сынок,
 Тот жив, — это парень проворный!
 Крестился и, знаешь, пошел далеко:
 Он — капельмейстер придворный!

И старая Каршин давно умерла,
 И дочь ее Кленке в могиле,
 Гельмина Чези, внучка ее,
 Жива, как мне говорили.

Дюбарри — та каталась как в масле сыр,
 Пока обожатель был в чине —
 Людовик Пятнадцатый, а умерла
 Старухой на гильотине.

Людовик Пятнадцатый с миром почнал,
Как следует властелину.
Шестнадцатый с Антуанеттой своей
Был послан на гильотину.

Королева хранила тон до конца,
Держалась как на картине.
А Дюбарри начала рыдать,
Едва подошла к гильотине».

Внезапно кайзер как вкопанный стал
И спросил с перепуганной миной:
«Мой друг, объясни ради всех святых,
Что делают гильотиной?»

«А это, — ответил я, — способ нашли
Возможно проще и чище
Различного званья ненужных людей
Переселять на кладбище.

Работа простая, но надо владеть
Одной интересной машиной.
Ее изобрел господин Гильотен, —
Зовут ее гильотиной.

Ты будешь пристегнут к большой доске,
Задвинут между брусками,
Вверху треугольный топорик висит,
Подвязанный шнурками.

Потянут шнур — и топорик вниз
Летит стрелой без заминки.
Через секунду твоя голова
Лежит отдельно в корзинке».

И кайзер вдруг закричал: «Не смей
Расписывать тут гильотину!
Нашел забаву! Не дай мне господь
И видеть такую машину!

Какой позор! Привязать к доске
Короля с королевой! Да это

Прямая пощечина королю.
Где правила этикета?

И ты-то откуда взялся, нахал?
Придется одернуть невсжу!
Со мной, голубчик, поберегись,
Не то я крылья обрежу!

От злости желчь у меня разлилась,
Принес же черт пустозвона!
И самый смех твой—измена венцу
И оскорбленье трона!»

Старик мой о всяком приличье забыл,
Как видно, дойдя до предела.
Я тоже вспылил и выложил все,
Что в сердце накопело.

«Герр Ротбарт!—крикнул я.—Жалкий миф!
Сиди в своей старой яме!
А мы без тебя уж, своим умом
Сумеет управиться сами!

Республиканцы высмеют нас,
Отбреют почище бритвы!
И верно: дурацкая небыль в венце —
Хорош полководец для битвы!

А к черному с красным и золотым,
К твоему трехцветному стягу
Старогерманский сброд у меня
Отшиб еще в буршестве тягу.

Сиди же лучше в своей дыре.
Твоя забота — Киффгайзер.
А мы... если трезво на вещи смотреть:
На кой нам дьявол кайзер?»

Да, крепко поспорил с кайзером я, —
Во сне лишь, во сне, конечно!
С царями рискованно наяву
Беседовать чистосердечно.

Лишь в мире своих идеальных грез,
В несбыточном сновиденье
Им немец может сердце открыть,
Немецкое высказать мнение.

Я пробудился и сел. Кругом
Бежали деревья бора,
Его сырая голая явь
Меня протрезвила скоро.

Сердито качались вершины дубов.
Глядели еще суровой
Березы в лицо мне. И я вскричал:
«Прости меня, кайзер, на слове!

Прости мне, о Ротбарт, горячность мою,
Я знаю: ты умный, ты мудрый,
А я необузданный, глупый драчун.
Приди, король рыжекудрый!

Не нравится гильотина тебе, —
Дай волю прежним законам:
Веревку — мужичью и купцам,
А меч — князьям да баронам.

Лишь ипогда меняй прием
И вешай знать без зазренья,
А прочим отрубай башку—
Ведь все мы божьи творенья.

Восстанови уголовный суд,
Введенный Карлом с успехом,
Распредели опять народ
По сословиям, гильдиям, цехам.

Священной империи римской верни
Былую жизнь, если надо,
Верни нам самую смрадную гниль,
Всю рухлядь маскарада.

Верни все прелести средних веков,
Которые миром забыты,

Я все стерплю, пускай лишь уйдут
Проклятые гермафродиты,—

Это штиблетное рыцарство,
Мешанина с нелепой прикрасой,—
Готический бред и новейшая ложь,
А вместе — ни рыба ни мясо.

Ударь по театральным шутам!
Прихлопни балаганы,
Где пародируют старину!
Приди, король долгожданный!»

18

Минден — грозная крепость. Он
Вооружен до предела.
Но с прусскими крепостями я
Неохотно имею дело.

Мы прибыли в сумерки. По мосту
Карета, гремя, прокатила.
Зловеще стонали бревна под ней.
Зияли рвы, как могила.

Огромные башни с вышины
Грозили мне сурово.
Ворота с визгом разошлись
И с визгом захлопнулись снова.

Ах, сердце дрогнуло мое!
Так сердце Одиссея,
Когда завалил пещеру циклоп,
Дрожало, холодея.

Капрал, подойдя, учинил нам опрос:
Как звать и кто мы чином?
«Я — врач глазной, зовусь Никто,
Снимаю бельмо исполинам».

В гостинице стало мне дурно совсем,
Еда комком застревала.

Я лег в постель, но сон бежал,
Давили грудь одеяла.

Над широкой пуховой постелью с боков —
По красной камчатной гардине,
Поблекший золотой балдахин
И грязная кисть посредине.

Проклятая кисть! Она мне всю ночь,
Всю ночь не давала покою.
Она дамокловым мечом
Висела надо мною.

И вдруг, змеей оборотясь,
Шипела, сползая со свода:
«Ты в крепость заточен навек,
Отсюда нет исхода!»

«О, только бы возвратиться домой! —
Шептал я в смертельном испуге, —
В Париж, в Faubourg Poissonnière,
К моей любимой супруге».

Порою кто-то по лбу моему
Рукой проводил железной,
Как будто цензор вычеркивал мысль,
И мысль обрывалась в бездну.

Жандармы в саванах гробовых,
Как призраки у постели,
Теснились белой, страшной толпой,
И где-то цепи гремели.

И призраки повлекли меня
В провал глухими тропами,
И вдруг я к черной отвесной скале
Прикован был цепями.

«Ты здесь, проклятая грязная кисть!»
Я чувствовал, гаснет мой разум,
Когтистый коршун кружил надо мной,
Грозя мне скошенным глазом.

Он дьявольски схож был с прусским орлом,
Он в грудь мне когтями впивался,
Он хищным клювом печень рвал,—
Я плакал, стонал, я метался.

Я мучился долго, но крикнул петух,
И кончился бред неотвязный.
Я в Миндене, в потной постели, без сил,
Лежал под кистью грязной.

Я с экстренной почтой выехал прочь
И с легким чувством свободы
Вдохнул на Бюкебургской земле,
На вольном лоне природы.

19

Тебя погубила ошибка, Дантон,
И это для всех наука:
Отчизну с собой на подошвах унести —
Совсем не хитрая штука!

Клянусь, полкняжества Бюкебург
Мне облепило ноги.
Во весь мой век я не видал
Такой проклятой дороги.

Я в Бюкебурге на улице слез,
Чтоб осмотреть мимоходом
Гнездо, где свет узрел мой дед;
Моя бабка — из Гамбурга родом.

В Ганновер я прибыл в обед и, велев
Штиблеты начистить до блеска,
Пошел осматривать город. Люблю,
Чтоб пользу давала поездка.

О господи, как прилизано все!
Ни мусора, ни пыли!
И богатейшие зданья везде
В весьма импозантном стиле.

Особенно площадь понравилась мне —
Ну, что ни дом, то диво!
Живет здесь король, стоит здесь дворец,
Он выглядит очень красиво

(Дворец, конечно!). У входа в портал
Стоит караул парадный:
Мундиры — красные, ружья — к ноге,
Вид грозный и кровожадный.

Мой чичероне сказал: «Здесь живет
Эрнст-Август анахоретом.
Знатнейший тори, британский лорд.
Он стар, но бодр не по летам.

Он идилически здесь живет,
Ибо лучше драбантов железных
Его охраняет трусливый нрав
Сограждан его любезных.

Я с ним встречаюсь. На скучный сап
Изливает он сотни жалоб.
Говорит, что ему на посту короля
Не в Ганновере быть надлежало б.

Привыкнув к английским масштабам, он
У нас изнывает от скуки.
Ему досаждают сплин. Боюсь,
На себя наложит он руки.

Я как-то его у камина застал,—
Печальный, в полумраке,
Августейшей рукой он готовил клистир
Своей занемогшей собаке».

Из Гарбурга меньше чем через час
Я выехал в Гамбург. Смеркалось.
В мерцанье звезд был тихий привет,
А в воздухе — томная вялость.

Мне дома открыла двери мать,
Испуганно взглянула,
И вдруг, от счастья просияв,
Руками громко всплеснула.

«Сыночек мой! Тринадцать лет
Я без тебя скучала.
Ты, верно, страшно хочешь есть,
Что тебе дать сначала?»

Быть может, рыбу и гуся,
А после апельсины?» —
«Давай и рыбу и гуся,
А после апельсины!»

Я стал уплетать с аппетитом, а мать
Суетилась с улыбкой счастливой,
Задавала один вопрос за другим,
Иной — весьма щекотливый.

«Сыночек, кто же за тобой
Ходил все эти годы?
Твоя жена умеет шить,
Варить, вести расходы?»

«Прекрасная рыба, матушка, но
Вопросы — после обеда.
Я костью того и гляди подавлюсь,
Какая ж тут, право, беседа!»

Едва прикончил я рыбу мою,
И гусь подоспел с подливой,
Мать снова расспрашивать стала, и вновь
Вопрос был весьма щекотливый.

«Сынок, в какой стране житье
Всех лучше? При сравненье
Какому народу — французам иль нам —
Отдашь ты предпочтенье?»

«Вот видишь ли, мама, немецкий гусь
Хорош; рассуждая строго,

Французы нас только в начинке побьют,
И соус их лучше намного».

Откланялся вскоре и гусь, и тогда,
Свои предлагая услуги,
Явились ко мне апельсины. Я съел
Десяток без всякой натуги.

Тут снова с большим благодушьем меня
Расспрашивать стала старушка,
Иной вопрос был так хитер —
Ни дать ни взять ловушка.

«Ну, а политикой, сынок,
Ты занят с прежним рвением?
В какой ты партии теперь?
Ты тот же по убеждениям?»

«Ах, матушка, апельсины все
Прекрасны без оговороки.
Я с наслаждением пью их сок
И оставляю корки».

21

Полусгоревший город наш
Отстраивают ныне.
Как недостриженный пудель, стоит
Мой Гамбург в тяжком сплине.

Не стало многих улиц в нем.
Напрасно их ищу я.
Где дом, в котором я познал
Запретный плод поцелуя?

Где та печатня, куда я сдавал
«Картины путевые»?
А тот приветливый погребок,
Где устриц вкусил я впервые?

А где же Дрекваль, мой Дрекваль где?
Исчез, и следы его стерты.

Где павильон, в котором я
Едал несравненные торты?

И где же ратуша, сенат —
Тупого мещанства твердыня?
Погибли! Напрасно надеялись все,
Что пламя не тронет святыни.

С тех пор продолжают люди стонать,
И с горечью во взоре
Передают про грозный пожар
Десятки страшных историй.

«Горело сразу со всех сторон,
Все скрылось в черном дыме.
Колокольни с грохотом рушились в прах,
И пламя вставало над ними.

И старая биржа сгорела дотла,
А там, как всем известно,
Веками работали наши отцы
Насколько можно честно.

Душа золотая города — банк,
И книги, куда внесли мы
Стоимость каждого из горожан,
Хвала творцу, невредимы.

Для нас собирали деньги везде,
И в отдаленнейших зонах.
Хорошее дело! Чистый барыш
Исчислен в восьми миллионах.

Все набожные христпане взялись
За дело помощи правой.
Неведомо было левой руке,
Сколь много берется правой.

К нам отовсюду деньги шли —
По землям и по водам;
Мы принимали всякий дар, —
Нельзя же швыряться доходом.

Постели, одежды сыпались нам,
И мясо, и хлеб, и бульоны,
А прусский король уже хотел
Прислать свои батальоны.

Ущерб материальный покрыть удалось,
Мы раны вскоре залечим.
Но наш испуг, наш смертельный испуг!
Увы, оплатить его нечем!»

«Друзья, — сказал ободрительно я, —
Стонать и хныкать не дело.
Ведь Троя была городок поважней,
Однако тоже сгорела.

Отстройте снова свои дома,
Утрите нос и губы.
Заведите получше законы себе,
Покрепче пожарные трубы.

Не сыпьте в ваш черепаховый суп
Так много кайенского перца,
Не ешьте ваших карпов, их жир
Весьма нездоров для сердца.

Индеек вам не повредят,
Но вас околпачит быстро
Та птица, что снесла яйцо
В парик самого бургомистра.

Сия фатальная птица, друзья,
Знакома вам, вероятно.
При мысли о ней вся пища идет
У меня из желудка обратно».

22

Заметней, чем город, тряхнуло людей.
Нет более грустной картины!
Все одряхлели и подались,—
Ходячие руины!

Кто тощим был — отощал совсем,
А жирный — заплыл, как боров.
Состарились дети, а к старикам
Вернулся детский норов.

Кто был теленком, тот теперь
Гуляет быком здоровенным.
Гусенок гордые перья надел
И сделался гусем отменным.

Старуха Гудель сошла с ума:
Накрашена пуще сирены,
Теперь у ней кудри чернее смолы,
А зубы белее пены.

Лишь продавец бумаги, мой друг,
Не пал под гнетом событий.
Его волоса — золотое руно:
Живой Иоанн Креститель.

Н. Н. промчался мимо меня.
Казалось, он сильно взволнован.
Его погоревший ум, говорят,
У Бибера был застрахован.

И старый цензор встретился мне,
Я был удивлен немало:
Он сильно сгорбился, одряхлел, —
Судьба и его потрепала.

Мы долго друг другу руки трясли,
Старик прослезился мгновенно:
Ах, как он счастлив видеть меня!
Была превосходная сцена.

Не всех застал я. Кое-кто
Простился с юдолью земною.
Ах, даже Гумпелино мой
Не встретился больше со мною.

С души великой, наконец,
Земные ниспали оковы,

И светлым ангелом он воспарил
К престолу Иеговы.

Кривого Адониса я не нашел,
Хотя искал повсюду, —
На гамбургских улицах он продавал
Ночные горшки и посуду.

Саррас, несравненный пудель, издох.
А я охотно верю,
Что Кампе отдал бы целый мешок
Поэтов за эту потерю.

Население Гамбурга с давних времен —
Евреи и христиане.
У них имеется общая страсть —
Придерживать грош в кармане.

Христиане весьма достойный народ —
Обедают жирно и с проком,
И быстро платят по векселям
Перед самым последним сроком.

Евреи бывают двух родов
И чтут по-разному бога.
Для новых имеется новый храм,
Для старых, как встарь, — синагога.

Новые даже свинину едят
И все оппозиционеры.
Они демократы, а старики —
Аристократисты сверх меры.

Я старых люблю, я новых люблю,
Но, милосердный боже,
Популярная рыбка — копченый шпрот —
Мне несравненно дороже.

Как республика, Гамбург спорить не мог
С Венецией в прежние годы,
Но в Гамбурге погреб Лоренца есть,
Где устрицы — высшей породы.

Мы с Кампе отправились в сей погребок,
Желая в уюте семейном
Часок-другой почесать языки
За устрицами и рейнвейном.

Нас ждало приятное общество там.
Меня заключили в объятия
Мой старый товарищ, добрый Шофшье,
И многие новые братья.

Там был и Вилле. Его лицо —
Альбом: на щеках бедняги
Академические враги
Расписались ударами шпаги.

Там был и Фукс, язычник слепой
И личный враг Иеговы,
Он верит лишь в Гегеля и заодно
Еще в Венеру Кановы.

Мой Кампе в полном блаженстве был,
Попав в амфитрионы.
Душевым миром сиял его взор,
Как лик просветленной мадонны.

С большим аппетитом я устриц глотал,
Рейнвейном пользуясь часто,
И думал: «Кампе большой человек,
Он — светоч издательской касты!

С другим издателем я бы ходил
Оборванный и голодный,
А этот мне даже подносит вино, —
Поступок весьма благородный!

Хвала творцу! Он бренную жизнь
Виноградной украсил лозою,
И Юлиус Кампе в издатели мне
Дарован его рукою.

Хвала творцу и силе его
Вовеки, присно и ныне.

Он создал для нас рейнвейн на земле
И устриц в морской пучине!

Он создал лимоны, чтоб устриц мы
Кропили лимонным соком.
Блюди мой желудок, отец, в эту ночь
Чтоб он не выиграл пенароком!»

Рейнвейн размягчает душу мою,
Сердечный разлад умиряя,
И будит потребность в братской любви,
В утехах любовного рая.

И гонит меня из комнат блуждать
По улицам опустелым.
И душу тянет к иной душе
И к платьям таинственно белым.

И таешь от неги и страстной тоски
В предчувствии сладкого плена.
Все кошки серы в темноте,
И каждая баба — Елена.

Едва на Дрейбан я свернул,
Взошла луна горделиво,
И я величавую деву узрел,
Высокогрудое диво.

Лицом кругла, и кровь с молоком,
Глаза — сапфиры из басен!
Как розы щеки, как вишня рот,
А нос подозрительно красен.

На голове полотняный колпак,
Узорчатой вязью украшен.
Он возвышался подобно стене,
Увенчанной тысячью башен.

Льняная туника вплоть до икр,
А икры — горные склоны;
Ноги, несущие мощный круц, —
Дорийские колонны.

В манерах крайняя простота,
Изящество светской свободы.
Сверхчеловеческий зад обличал
Созданье высшей породы.

Она подошла и сказала мне:
«Привет на Эльбе поэту!
Ты все такой же, хоть много лет
Блуждал по белому свету.

Кого ты здесь ищешь? Веселых гуляк,
Встречавшихся в этом квартале?
Друзей, что бродили с тобой по ночам
И о прекрасном мечтали?

Их гидра стоголовая, жизнь, унесла,
Рассеяла шумное племя.
Тебе не найти ни старых подруг,
Ни доброе старое время.

Тебе не найти ароматных цветов,
Пленявших сердце когда-то.
Их было здесь много, но вихрь налетел,
Умчал их — и нет им возврата.

Увяли, осыпались, отцвели,
Ты молодость ищешь напрасно!
Мой друг, таков удел на земле
Всего, что светло и прекрасно».

«Да кто ты? — вскричал я. —
Не прошлого ль тень?
Но плотью живой ты одета!
Могучая женщина, где же твой дом?
Доступен ли он для поэта?»

И женщина молвила, тихо смеясь:
«Поверь, ты сгущаешь краски.
Я девушка с нравственной, тонкой душой,
Совсем иной закваски.

Я не лоретка парижская, нет!
К тебе лишь сошла я открыто.
Богиня Гаммония пред тобой —
Гамбурга меч и защита!

Но ты испуган, ты поражен,
Воитель в лице поэта.
Идем же, иль ты боишься меня?
Уж близок час рассвета.

И я воскликнул, развеселясь:
«Ты шутишь, моя красотка!
Ступай вперед! А я за тобой —
Хотя бы черту в глотку!»

24

Не знаю, как я по лестнице шел
В таком состоянье духа.
Как видно, дело не обошлось
Без помощи доброго духа.

В мансарде Гаммонии время неслоь,
Бежали часы чередою.
Богиня была бесконечно мила
И крайне любезна со мною.

«Когда-то, — сказала она, — для меня
Был самым любимым в мире
Певец, который Мессию воспел
На непорочной лире.

Но Клопштока бюст на комоду теперь,
Он получил отставку.
Давно уж сделала я из него
Для чепчиков подставку.

Теперь уголок над кроватью моей
Украшен твоим портретом,
И видишь, свежий лавровый венок
Висит над любимым поэтом.

Ты только должен ради меня
Исправить свои манеры.
В былые дни моих сынов
Ты оскорблял без меры.

Надеюсь, ты бросил свое озорство,
Стал вежливей немного,
Быть может, даже к дуракам
Относишься менее строго.

Но как дошел ты до мысли такой —
По этой ненастной погоде
Тащиться в северные края?
Зимой запахло в природе!»

«Моя богиня, — ответил я, —
В глубинах сердца людского
Спят разные мысли; и часто они
Встают из тьмы без зова.

Казалось, все шло у меня хорошо,
Но сердце не знало жизни,
В нем глухо день ото дня росла
Тоска по далекой отчизне.

Отрадный воздух французской земли
Мне стал тяжел и душен.
Хоть на мгновенье стесненной груди
Был ветер Германии нужен.

Мне трубок немецких грезился дым
И запах торфа и пива,
В предчувствии почвы немецкой нога
Дрожала нетерпеливо.

И ночью вздыхал я в глубокой тоске,
И снова желанье томило
Попасть на Даммтор к старушке моей,
Увидеться с Лотхен милой.

Мне грезился старый седой господин;
Всегда, отчитав сурово,

Он сам же потом защищал меня,
И слезы глотал я снова.

Услышать его добродушную брань
Мечтал я в глубокой печали.
«Дурной мальчишка!» — эти слова
Как музыка в сердце звучали.

Мне грезился голубой дымок
Над трубами домиков чинных,
И нижнесаксонские соловьи,
И тихие липы в долинах,

И памятные для сердца места —
Свидетели прошлых страданий,
Где я влачил непосильный крест, —
И тернии юности ранней.

Хотелось поплакать мне там, где я
Горчайшими плакал слезами.
Не эта ль смешная тоска названа
Любовью к родине нами?

Ведь это только болезнь. И о ней
Я людям болтать не стану.
С невольным стыдом я скрываю всегда
От публики эту рану.

Одни негодяи, чтоб вызывать
В сердцах умиленья порывы,
Стараются выставить напоказ
Патриотизма нарывы.

Бесстыдно канючат и кланчат у всех:
Мол, кинь им подачку хотя бы!
На грош популярности — вот их мечта!
Вот Менцель и все его швабы!

Богиня, сегодня я нездоров,
Настроен сентиментально,
Но я слегка послежу за собой —
И это пройдет моментально.

Да, я нездоров, но ты бы могла
Настроить меня по-иному.
Согрей мне хорошего чаю стакан
И влей для крепости рому».

25

Богиня мне приготовила чай
И рому подмешала.
Сама она лишь ром пила,
А чай не признавала.

Она оперлась о мое плечо
Своим головным убором
(Последний при этом помялся слегка)
И молвила с нежным укором:

«Как часто с ужасом думала я,
Что ты один, без надзора,
Среди фривольных французов живешь —
Любителей всякого вздора.

Ты видишься с кем попало, идешь,
Куда б ни позвал приятель.
Хоть бы при этом следил за тобой
Хороший немецкий издатель!

Там столько соблазна от разных сильфид.
Они прелестны и прятки, —
Но гибнут здоровье и внутренний мир
В объятых такой сильфидки.

Не уезжай, останься у нас,
Здесь чистые, строгие нравы,
И в нашей среде, как прежде, цветут
Цветы невинной забавы.

Тебе понравится нынче у нас,
Хоть ты известный повеса,

Мы развиваемся, — ты сам
Найдешь следы прогресса.

Цензура смягчилась. Гофман стар,
В предчувствии близкой кончины
Не станет он так беспощадно кромсать
Твои «Путевые картины».

Ты сам и старше и мягче стал,
Ты многое понял на свете.
Быть может, и прошлое наше теперь
Увидишь в лучшем свете.

Ведь слухи об ужасах прошлых дней
В Германии — ложь и витийство.
От рабства, тому свидетель Рим,
Спасает самоубийство.

Свобода мысли была для всех,
Не только для высшей знати,
Ведь ограничен был лишь тот,
Кто выступал в печати.

У нас никогда не царил произвол, —
Опасного демагога
Лишить кокарды мог только суд,
Судивший честно и строго.

И, право, немцам неплохо жилось,
Хоть времена были круты.
Поверь, в немецкой тюрьме человек
Не голодал ни минуты.

Как часто в прошлом видели мы
Прекрасные проявления
Высокой веры, покорности душ.
А ныне — неверье, сомненье.

Практической трезвостью внешних
свобод
Мы идеал погубили,

Всегда согрешавший наши сердца,
Невинный, как грезы лилий.

И наша поэзия гаснет; она
Вступила в пору заката.
С другими царями скоро умрет
И черный царь Фрейлиграта.

Наследник будет есть и пить,
Но коротки милые сказки,
Уже готовится новый спектакль,
Идиллия у развязки!

О, если б умел ты молчать, я бы здесь
Раскрыла пред тобою
Все тайны мира — путь времен,
Начертанный судьбою.

Ты жребии смертных мог бы узреть,
Узнать, что всесильною властью
Назначил Германии в будущем рок, —
Но, ах, ты болтлив, к несчастью!»

«Ты сулишь величайшую радость мне,
Богиня! — вскричал я, ликуя. —
Покажи мне Германию будущих дней,
Я мужчина, и тайны храню я!

Я клятвой любою поклясться готов,
Известной земле или небу,
Хранить, как святыню, тайну твою,
Диктуй же клятву, требуй!»

И строго богиня ответила мне:
«Ты должен поклясться тем самым,
Чем встарь клялся Элеазар,
Прощаясь с Авраамом.

Подними мне подол и руку свою
Положи мне на чресла, под платье,
И дай мне клятву скромным быть
И в слове и в печати».

Торжественный миг! Я овеян был
Минувших столетий дыханьем,
Клянясь ей клятвою отцов,
Завещанной древним преданьем.

Я чресла богини обнял рукой
Подняв над ними платье,
И дал ей клятву скромным быть
И в слове и в печати.

26

Богиня раскраснелась так,
Как будто ей в корону
Ударил ром. Я с улыбкой внимал
Ее печальному тону.

«Я старюсь. Тот день, когда Гамбург
возник,
Был днем моего рожденья.
В ту пору царица трески, моя мать,
До Эльбы простерла владенья.

Carolus Magnus — мой славный отец —
Давно похищен могилой.
Он даже Фридриха прусского мог
Затмить умом и силой.

В Ахене — стул, на котором он был
Торжественно коронован,
А стул, служивший ему по ночам,
Был матери, к счастью, дарован.

От матери стал он моим. Хоть на вид
Он привлекателен мало,
На все богатства Ротильда я
Мой стул бы не променяла.

Вот там он, видишь, стоит в углу,—
Он очень стар и беден,

Но этот грядущий немецкий смрад —
Я утверждаю смело —
Превысил всю мне привычную вонь;
В глазах у меня потемнело.

Я рухнул без чувств и потом, пробудясь
И с трудом разобравшись в картине,
Увидел себя на широкой груди,
В объятиях богини.

Блистал ее взор, пылал ее рот,
Дрожало могучее тело.
Вакханка, ликуя, меня обняла
И в диком экстазе запела:

«Останься в Гамбурге! Пей да ешь,
Душе и телу отрада!
Вот вина, вот устрицы нынешних
дней, —
Что нам до грядущего смрада!

Накрой же сосуд, чтоб смрад
не мешал
Блаженству любовных обетов!
Так страстно женщиной не был
любим
Никто из немецких поэтов!

Тебя люблю я, целую тебя,
Меня вдохновляет твой гений,
Ты вызвал предо мной игру
Чарующих видений.

Я слышу рожки ночных сторожей,
И пенье, и бубна удары.
Целуй же меня! То свадебный хор:
Любовников славят фанфары.

Въезжают вассалы на гордых конях,
Перед каждым пылает светильник.
И радостно факельный танец гремит, —
Целуй меня, собутыльник!

Идет милосердный и мудрый сенат,—
Торжественней не было встречи!
Бургомистр откашливается в платок,
Готовясь к приветственной речи.

Дипломатический корпус идет,
Блистают послы орденами.
От имени соседних держав
Они выступают пред нами.

Идут раввины и пасторы вслед —
Духовных властей депутаты.
Но — ах! — и Гофман, твой цензор,
идет,
Он с ножницами, проклятый!

И ножницы уже звенят,
Он ринулся озверело
И вырезал лучшее место твое —
Кусок живого тела».

27

О дальнейших событиях той ночи,
друзья,
Мы побеседуем с вами
Когда-нибудь в нежный лирический
час,
Погожими летними днями.

Блудливая свора старых ханжей
Редееет, милостью бога.
Они гниют от болячек лжи
Идохнут — туда им дорога.

Растет поколение новых людей
Со свободным умом и душою,
Без наглого грима и подлых
грешков,—
Я все до конца им открою.

Растет молодежь — она поймет
И гордость и щедрость поэта.
Она расцветет в жизнетворных лучах
Его сердечного света.

Безмерно в любви мое сердце, как свет,
И непорочно, как пламя;
Настроена светлая лира моя
Чистейших граций перстами.

На этой лире бряцал мой отец,
Творя для эллинской сцены, —
Великий мастер Аристофан,
Возлюбленный Камены.

На этой лире он некогда пел
Прекрасную Базилею —
Ее Пайстетерос в жены избрал,
И ввысь вознесся с нею.

В последней главе поэмы моей
Я подражаю местами
Финалу «Птиц». Это лучшая часть
В лучшей отцовской драме.

«Лягушки» тоже прекрасная вещь.
Теперь без цензурной помехи
Их по-немецки в Берлине дают
Для королевской потехи.

Бесспорно, пьесу любит король!
Он поклонник античного строя.
Отец короля предпочитал
Квакушек нового края.

Бесспорно, пьесу любит король!
Но живи еще автор, — признаться,
Я не советовал бы ему
В Пруссию лично являться.

На Аристофана живого у нас
Нашли бы мигом управу.

Жандармский хор проводил бы его
За городскую заставу.

Позволили б черни хвостом не вилять,
А лаять и кусаться.
Полиции отдан был бы приказ
В тюрьме сгноить святотатца.

О король, я желаю тебе добра,
Послушай благого совета!
Как хочешь, мертвым поэтам кади,
Но бойся живого поэта!

Берегись, не тронь живого певца!
Слова его меч и пламя.
Страшней, чем им же созданный Зевс,
Разит он своими громами.

И старых и новых богов оскорбляй,
Всех жителей горнего света
С великим Иеговой во главе,—
Не оскорбляй лишь поэта.

Конечно, боги карают того,
Кто был в этой жизни греховен,
Огонь в аду весьма горяч,
И серой смердит от жаровен.

Но надо усердно молиться святым:
Раскрой карманы пошире,
И жертвы на церковь доставят тебе
Прощенье в загробном мире.

Когда ж на суд низойдет Христос
И рухнут врата преисподней,—
Иной пройдоха сумеет удрать,
Спасаясь от кары господней.

Но есть и другая геенна. Никто
Огня не смирит рокового.
Тем бесполезны молитвы и ложь,
Бессильно прощенье Христово.

Ты знаешь грозный Дантов ад,
Звонящие гневом терцины?
Того, кто поэтом на казнь обречен,
И бог не спасет из пучины.

Над буйно поющим пламенем строф
Не властен никто во вселенной.
Так берегись! Иль в огонь мы тебя
Низвергнем рукой дерзновенной.

ГЕРМАНИЯ

Варианты и дополнения

ПРЕДИСЛОВИЕ

В рукописи после слов: «А не детям его берегов» имеется следующий абзац:

Прежде всего нужно вырвать когти у Пруссии. Выполнив эту задачу, мы при всеобщей подаче голосов изберем какого-нибудь честного человека, обладающего необходимыми качествами для управления честным трудовым народом.

После слов: «То, что начали французы»:

Великое дело революции — всемирную демократию, когда мы осуществим идею революции до конца, во всех ее последствиях.

В рукописи ранее стояло:

ПРОЩАНИЕ С ПАРИЖЕМ

Прощай, Париж, прощай, Париж,
Прекрасная столица,
Где все ликует и цветет,
Поет и веселится!

В моем немецком сердце боль,
Мне эта боль знакома.
Единственный врач исцелил бы меня —
И он на севере, дома.

Он знаменит уменьем своим,
Он лечит быстро и верно,
Но, признаюсь, от его микстур
Мне уж заранее скверно.

Прощай, чудесный французский народ,
Мои веселые братья!
От глупой тоски я бегу, чтоб скорей
Вернуться в ваши объятия.

Я даже о запахе торфа теперь
Вздыхаю не без грусти,
Об овцах в Люнебургской степи,
О репе, о капусте,

О грубости нашей, о табаке,
О пиве, пузатых бочках,
О толстых гофратах, ночных сторожах,
О розовых пасторских дочках.

И мысль увидеть старушку мать,
Признаться, давно я лелею.
Ведь скоро уже тринадцать лет,
Как мы расстались с нею.

Прощай, моя радость, моя жена,
Тебе не понять эту муку.
Я так горячо обнимаю тебя —
И сам тороплю разлуку.

Жестоко терзаясь, — от счастья с тобой,
От высшего счастья бегу я.
Мне воздух Германии нужно вдохнуть,
Иль я погибну, тоскуя.

До боли доходит моя тоска,
Мой страх, мое волнение.
Предчувствуя близость немецкой земли,
Нога дрожит в нетерпенье.

Но скоро, надеюсь, я стану здоров, —
Опять в Париж прибуду.

И к Новому году тебе привезу
Подарков целую грудю.

ГЛАВА 3

В рукописи вместо строф 16-й и 17-й стояло:

С Ахенской почты опять на меня
Проклятая глянула птица —
Сам королевский прусский орел, —
С какой он злобой косится!

Крылатая черная жаба, — нигде
Не сыщешь мерзостней гада!
Меня воротит всякий раз
От одного ее взгляда.

В рукописи после строф 18-й и 19-й стояло:

И голое чучело твое
Я вздерну на кол дубовый, —
Сходитесь тогда для потешной стрельбы,
Вы, рейнские птицеловы!

Любой, кто птицу сшибет для меня,
Получит венец и державу,
А смрадную пададь швырнет живодед
Под виселицу, в канаву.

ГЛАВА 4

В рукописи первоначально стояло:

А если один из троих пропал, —
Невелика утрата;
Повесьте подле восточных царей
Их западного собрата.

ГЛАВА 14

В рукописи вместо 28-й строфы зачеркнуто:

Убийц, которые из-за угла
Немецкую вольность убили,

Нам воздух родины отравив
И все, что мы любили.

ГЛАВА 22

В издании 1857 г. после строфы 11-й следовало:

В рассказы о Мейере надо внести
Вероятно, большую поправку:
Взаправду ль умер он? Я забыл
Навести у Кёрнета справку.

ГЛАВА 23

В рукописи зачеркнуты следующие 8 строф после 21-й строфы:

«Ты ищешь напрасно! Тебе не найти
Твою Фредерику-мартышку,
Амалию, длинноногую жердь,
Иль Анхен-коротышку.

Ты ищешь напрасно! Тебе не найти
Ни томную дылду Мальвину,
Ни тараторку-вертушку Мари,
Ни гренадера Катрину.

Их гидра стоголовая, жизнь, унесла,
Пожрав веселое племя.
Тебе не найти ни старых подруг,
Ни доброе старое время!

За эти годы во многом у нас
Произошли измененья.
Уже подросла молодежь; у нее
Другие дела и стремленья.

Уходят, исчезают, как дым,
Германии прежней остатки.
Ты и на Швигерштрассе найдешь
Совсем другие порядки».

«Но кто ты, — вскричал я, — назвавшая мне
Всех дам — цветник полусвета, —
Сумевших столько труда и забот
Вложить в воспитанье поэта?»

Да, к старой Германии я и теперь
Привязан, как к старой подруге.
О милых образах прошлых дней
Люблю помечтать на досуге.

Но ты, кто же ты? Ты, как старый сон,
Меня возвратила к былому!
Где дом твой? Позволь мне пойти с тобой!
Мы тратим ночь по-пустому».

ГЛАВА 26

После строфы 13-й в рукописи зачеркнуты 4 строфы:

Мерзавцы, сгнившие давно,
Смердя историческим смрадом,
Полунегодяи, полумертвецы,
Сочились последним ядом.

И даже святого пугала труп,
Как призрак, встал из гроба.
Налитая кровью народов и стран,
Раздулась гнилая утроба.

Чумным дыханьем весь мир отравить
Еще раз оно захотело,
И черви густою жижей ползли
Из почерневшего тела.

И каждый червь был новый вампир
И гнусно смердел, издыхая,
Когда в него целительный жол
Вонзала рука роковая.

*После строфы 15-й в рукописи зачеркнуты
3 строфы:*

Зловонье крови, вина, табака,
Веревкой кончивших гадин,—

Такой аромат испускает труп
Того, кто при жизни был смраден.

Зловонье пуделей, мопсов, хорьков,
Лизавших плевки господина,
Околевавших за трон и алтарь
Благочестиво и чинно.

То был живодерни убийственный смрад,
Удушье гнили и мора;
Средь падали издыхала там
Светил исторических свора.

После строфы 17-й в рукописи зачеркнуты 3 строфы:

Есть в Фуле король, — свой бокал золотой,
Как лучшего друга он любит,
Тотчас пускает он слезу,
Чуть свой бокал пригубит.

И просто диво, что за блажь
Измыслить он может мгновенно, —
Издаст, например, неотложный декрет:
Тебя под замок да на сено.

Не ездите на север, берегитесь короля,
Что в Фуле сидит на престоле,
Не суйся в пасть ни жандармам его,
Ни исторической школе.

ГЛАВА 27

В рукописи перед 1-й строфой зачеркнуто:

Германия вязнет днем в пустыках
Филистерского уклада,
Но ночью ее дела велики,
Она — вторая Эллада.

КОММЕНТАРИИ

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Поэзия Гейне группируется вокруг трех больших лирических сборников — «Книга песен» (1827), «Новые стихотворения» (1844) и «Романсеро» (1854). Соответственно этому в настоящем издании, где стихотворения Гейне занимают первые три тома, центральное положение в каждом томе принадлежит в хронологической последовательности тому или другому из этих сборников. Во второй том входят «Новые стихотворения», а также поэмы «Атта Тролль» и «Германия». Стихотворения, не вошедшие во второй сборник Гейне, но относящиеся к периоду между «Книгой песен» и «Романсеро» (1828—1850), тоже входят в этот том.

Сборник «Новые стихотворения» был задуман Гейне еще в 1837 году. В него должны были войти циклы, уже опубликованные в различных изданиях. Гамбургский издатель Гейне, Юлиус Кампе, уже в июне 1836 года располагал рукописью сборника. Однако сборник не вышел в свет. Прямым виновником этого оказался весьма известный писатель, причисляемый к вождям литературной группировки «Молодая Германия», Карл Гуцков. Он издавал у Кампе газету «Телеграф» и имел влияние на Кампе. От публикации «Новых стихотворений» Гуцков отговорил гамбургского издателя — ему не нравились стихотворения цикла «Разные». К самому Гейне Гуцков обратился с письмом (подробнее см. стр. 345).

Мало убежденный доводами Гуцкова, Гейне все же на время отложил печатание своего сборника. И момент представлялся ему неблагоприятным, и отношения его с Кампе были в то время натянутыми. К мысли о сборнике Гейне вернулся только через восемь лет. В 1844 году у Кампе появились «Новые стихотворения» с измененным составом. В сборник были включены политические стихотворения, написанные Гейне в начале 40-х годов; вместо

трагедии «Вильям Ратклиф», которая по первоначальному замыслу должна была дополнять его, Гейне поместил только что написанную в Париже поэму «Германия». Сборник имел необычайный успех у читателей, и почти тотчас понадобилось второе издание. Третье издание появилось только в 1851 году, с некоторыми новшествами и дополнениями, — наиболее крупным из них оказался цикл «Олеа».

Мы следуем третьему изданию «Новых стихотворений», где отсутствовала поэма «Германия», — поэтому мы отделяем ее от «Новых стихотворений». К тому же, еще в 1844 году Гейне издал свою поэму отдельно — наряду с ее изданием совместно с «Новыми стихотворениями».

Для второго издания «Новых стихотворений» Гейне написал предисловие, которое, однако, попало только в немногие экземпляры, — новый тираж печатался с большой поспешностью. Экземпляры с этим предисловием составляют библиографическую редкость.

Предисловие ко второму изданию

(Писано в Париже в октябре 1844 года)

Недели четыре тому назад «Новые стихотворения» вышли из печати, и почти одновременно появилась в отдельном издании входившая в их состав зимняя сказка «Германия». Мой издатель, который обычно выпускает мои сочинения большими тиражами и тем свидетельствует о самом глубоком доверии к гению автора, на этот раз усугубил свою почтительность ко мне и напечатал «Новые стихотворения» в еще более энтузиастическом количестве экземпляров. Напрасно я указывал, какое горькое разочарование может постигнуть его, и признавался, как сам я собственными глазами читал в авторитетных повременных изданиях, что популярность моя очень упала, что младшие поэты сегодняшнего дня меня давно обогнали и что весь я вообще принадлежу только прошлому. Но мой издатель странно посмеивался и ссылался на свои торговые книги, где изо дня в день с сухой добросовестностью отмечался сбыт моих сочинений; и эти отрадные и все возрастающие цифры представляли собой аргументацию, которую трудно было опровергнуть. В настоящее время этот человек полностью торжествует над моей опасливой скромностью и подготавливает в удвоенном количестве экземпляров второе издание вышеозначенных «Новых стихотворений». Я тогда не позволил себе каких-либо дополнительных изменений текста, что я всячески подчеркиваю. Но я не могу обой-

тись без того, чтобы не воспроизвести здесь мое предисловие к «Зимней сказке», выпущенной отдельным изданием, — оно датировано «Гамбург, 17 сентября 1844» и гласит, как ниже следует.¹

Генрих Гейне

В состав «Новых стихотворений» третьего издания вошли циклы: «Новая весна», «Разные» («Серафина», «Анжелика», «Диана», «Гортензия», «Кларисса», «Иоланта и Мария», «Эмма», «Тангейзер», «Песни творения», «Фридрика», «Катарина», «На чужбине», «Трагедии», «Романсы», «Олеа», «Современные стихотворения» — двадцать четыре стихотворения этого цикла). Политическая поэзия, не вошедшая в «Новые стихотворения», в настоящем издании выделена, ибо двадцать четыре «Современных стихотворения» в этом сборнике Гейне объединены общим замыслом, и его не следует разрушать. Общий замысел лежит в основании всего этого сборника. Мы даем отдельно также стихотворения, дополняющие цикл «Разные».

НОВАЯ ВЕСНА

Этим циклом открывались «Новые стихотворения». До того «Новая весна» впервые была опубликована во втором издании второго тома «Путевых картин» (1831), затем стихотворения 1—27 печатались во втором томе «Салонов» (1835). Отдельные стихотворения, позднее вошедшие в этот цикл, появлялись в периодической печати в 1829 и 1831 годах.

В новых изданиях «Путевых картин» Гейне продолжал печатать этот лирический цикл и после того, как появились в свет «Новые стихотворения». Циклу предшествовал эпиграф с прокусками:

На севере кедр
..... растет
.....
Он видит сон о пальме,
Что в дальней восточной земле
.....

Затем следовало посвящение: «Сестре своей Шарлотте Эмбден, урожденной Гейне, любовно и учтиво посвящает автор».

Большинство стихотворений этого цикла было написано в 1828, 1829 и 1830 годах. У них есть биографическая основа, они навеяны

¹ См. предисловие к поэме «Германия», стр. 267.

были влюбленностью Гейне в молодую графиню Клотильду Ботмер, свояченицу Ф. И. Тютчева. В мюнхенские годы Гейне поддерживал дружбу с Ф. И. Тютчевым, который тогда служил в русском посольстве. Гейне охотно посещал дом Тютчевых, где бывали лучшие люди Мюнхена; там Гейне и познакомился с Клотильдой Ботмер, поклонницей его поэзии, особенно ценившей восьмистишие о кедре и пальме, на память о чем Гейне, очевидно, и поставил эпиграфом к циклу строки, намечавшие схему этого стихотворения.

Клотильда Ботмер впоследствии стала женой барона Аполлония фон Мальтица, состоявшего на русской дипломатической службе при различных немецких дворах и пользовавшегося некоторой известностью в качестве немецкого поэта.

«Новая весна» — новое явление в поэзии Гейне. Неправильно видеть в ней прямое продолжение «Книги песен», как этого желали некоторые исследователи Гейне. «Новая весна» довольно богата отзвуками «Книги песен» и переключками с нею, но обычно мотивы «Книги песен» развиты в «Новой весне» по-иному. В «Книге песен» Гейне придавал любви и лирике любви необычайное значение, любовь являлась ключом к переустройству современного человека и современного мира. Однако в «Книге песен» Гейне также и отказывается от этой романтической концепции, а в «Новой весне» мы вовсе ее не находим. Гейне 30-х годов — прежде всего политический писатель, публицист большого стиля, с большими темами и задачами. Великие вопросы времени он решает в той области, в которой они действительно лежат, — в области политических и социальных отношений. «Новая весна» показывает, что любовь, предоставленная самой себе, существующая в условиях современного быта, тема не очень внутренне богатая. Если принять, что в поэзии существуют три стиля — высокий, средний и низкий, то лирика «Новой весны» тяготеет к стилю среднему: как правило, она не притязает на возвышенное значение, и, с другой стороны, она зачастую находится на границе бытового прозаизма. В прологе к «Новой весне» говорится, как понимает автор собственную любовную лирику. Она — отступление от главного, она подобна «амореттам», маленьким амурам, божкам любви, опутавшим гирляндой роз и лилий хмурого воина, которому надо бы спешить в бой. Последняя строка пролога подразумевает европейские и немецкие события, последовавшие за польской революцией, — это и есть «битвы нынешнего дня».

Природе и пейзажу в «Книге песен» придавалось огромное значение. Любовь была соучастницей мировой жизни, и поэтому

любовная тема в «Книге песен» постоянно перекликалась с темой природы, сопутствовала ей, была от нее неотделима. В «Новой весне» пейзаж сводится к художественной условности. Нет и речи о большой и серьезной красоте человеческих личных отношений, как они складываются ныне, поэтому и пейзаж сводится к красивости, к орнаменту из фиалок, роз и лилий, которые должны расцветивать любовную лирику. Хорошо видна прозаическая бытовая среда, в которой возникает эта любовь. Только один шаг отделяет здесь поэзию от прозы светского салона или буржуазной повседневности. Гейне на время лишь затушевывает эту прозу, он пишет ради временного отвлечения и рассеяния.

Лирика современной любви, осложненной бытом, радостной ненадолго, поверхностно красивой, в конце концов печальной и даже трагической, — это еще не вся «Новая весна». Время от времени в стихотворения Гейне врывается глубокая серьезность. Гейне в личной лирике отрешился от пафоса и тем не менее иногда вновь выступает как патетический поэт. В личной лирике конца 20-х годов Гейне скуп на глубокую душевную энергию, обнаруживая ее только ненароком. Не случайно впоследствии Гейне сделал центром своего второго сборника политические стихотворения, в которых эмоциональная сила поэта сказалась в полной мере.

Русские поэты были внимательны к стихотворениям «Новой весны». Среди переводчиков ее мы находим Ап. Григорьева, М. Л. Михайлова, А. К. Толстого, А. Н. Майкова, А. А. Блока. Известные авторские права А. А. Блок имеет и на переводы В. П. Коломийцева, основательно им редактированные. В некоторых из этих переводов А. А. Блоку принадлежит больше половины текста (см. переводы В. П. Коломийцева из «Новой весны»: 3, 4, 8, 9, 10, 12, 13, 16, 17, 21, 28, 33, 40, 41, 42, 44 и примечания Вл. Орлова в книге *А л е к с а н д р Б л о к*, Полное собр. стихотворений, Библиотека поэта, т. II, стр. 361—362).

9. В сказке бр. Grimm «Йоринда и Йорингель» рассказывается: Йоринда превратилась в соловья, и он пел «цикют, цикют».

15. Помимо помещенного в тексте перевода А. К. Толстого, даем перевод В. П. Коломийцева, редактированный А. А. Блоком:

Мечтательно лилея
Взирает на небо из вод;
Привет тоски любовной
Ей с неба месяц шлет.

Она свою головку
Стыдливо клонит к волнам, —

А бедный бледный мечтатель
У ног ее уже там.

18. *Синие мысли* — этот образ восходит к поэтике романтиков, любивших сливать в единый образ зрительные и слуховые ощущения, отвлеченные понятия и чувственные свойства вещей. В комедии Людвиг Тика «Принц Цербино» флейты поют: «Наш дух небесно-голубой уведет тебя далеко...»

24. *Альянс священный* — так называемый Священный союз монархов, господствовавший тогда над Европой. Главными лицами в этом союзе являлись русский император и прусский король. Так как Клотильда Ботмер, к которой адресованы эти стихи, была связана с Россией и с русскими, то Гейне и прибегает к этому шуточному сравнению: она представляет Россию, он — немцев в заключенном ими обоими «священном альянсе».

29. Помимо помещенного в тексте перевода Ап. Григорьева даем перевод В. П. Коломийцева, отредактированный А. А. Блоком:

Жил-был король суровый,
Старик седой, угрюм душой;
И жил король суровый
С женою молодой.

И жил-был паж веселый,
Кудряв, и юн, и смел душой;
Носил он шлейф тяжелый
За юной госпожой.

Ты помнишь эту песню?
Она грустна, она светла!
Они погибли вместе, —
Любовь обоих сожгла.

На меня свой взор с улыбкой... — ср. также у Гейне в «Духах стихий»: «Кто не знает Титании? Кто так туп, чтобы хоть изредка не слышать, как весело позванивает она, пролетая в воздухе со своей свитой. Но верно ли, что увидеть своими глазами эту царицу эльфов, а то и получить от нее привет — предвестие смерти?» Вслед за тем Гейне помещает это стихотворение.

39. Повод к этому стихотворению — отъезд Гейне в Мюнхен в 1828 г. и прощание с Клотильдой Ботмер.

44. В этом стихотворении переданы гамбургские впечатления Гейне. В Гамбурге Гейне снова побывал в конце 1828 г., вернувшись из путешествия в Италию.

Циклы стихотворений, названные женскими именами — «Серафина», «Анжелика», «Диана», «Гортензия», «Кларисса», «Катарина», — без цикла «Эмма» и с некоторыми дополнениями были обнародованы Гейне в первом томе «Салонов» в 1834 году. Карл Гудков, воспротивившийся новой публикации этих стихотворений в сборнике, который Гейне предполагал выпустить в 1838 году, обратился к Гейне с характерным увещательным письмом. «Поэт «Путевых картин», тебе простили множество грехов, ибо где были шипы, там были также и розы; но этих новых грехов, где я вижу одни лишь шипы, вам, Гейне, никогда не простят. Ведь вам известно, что думают в Германии о ваших стихотворениях из «Салонов»; посвященных красоткам парижских бульваров, носящим пышные имена Анжелики и прочих. Зачем же тогда, следуя той же манере, выпускать в свет новое потомство? Назовите мне нацию, которая допустила бы что-либо подобное в своей литературе». Далее Гудков зывал к Гейне от имени немецкого идеализма, воплощенного, по его словам, в немецких стцах семейства, в немецкой семейной морали. Эти стихотворения, уверял Гудков, навсегда погубят репутацию Гейне у немцев, и Гудков грозил, что и он сам и другие немецкие писатели, считавшиеся единомышленниками Гейне, более не решатся выступать в его защиту. «Ваше *настоящее* будет уничтожено, — будущего, разумеется, у вас отнимать нельзя ради вашего *прошлого*». Письмо Гудкова было датировано 6 августа 1838 года. Гейне особого доверия к добрым чувствам Гудкова не проявил, и поступил правильно, так как Гудков опубликовал свое письмо в газете «Телеграф» (1839, №№ 75, 76). Таким образом, дружеское послание, имевшее смысл разговора с глазу на глаз, вскоре превратилось в обличительную статью, написанную для всех. Любопытно, что Гудков, возмущенный эротической откровенностью стихотворений Гейне, сам незадолго до того выступил с романом «Валли» (1835), стяжавшим ему славу вольнодумца и эротического писателя.

Разумеется, о стихотворениях Гейне следует судить не с точки зрения филистерской морали. Гейне в ответном письме Гудкову, от 23 августа 1838 года, отвел его филистерские аргументы. Нужно решить, выдерживают ли они критерий, который к ним может предъявить более высокая нравственность, — гуманизма и одухотворенных отношений между людьми. По отношению к этому критерию стихотворения Гейне иногда не безгрешны. Виною тут некоторые уклоны, в 30-х годах свойственные миропониманию Гейне.

Он проповедовал учение об «эмансипации плоти», заимствованное им у сен-симонистов. Учение это предполагало полную и глубокую реформу всех материальных отношений современного общества: уничтожение эксплуатации человека человеком, материального и духовного рабства, порожденного частной собственностью, реформу буржуазной семьи и буржуазного брака, основанных на деньгах, на владычестве тех же интересов буржуазной собственности. Сен-симонисты мечтали о социалистическом перевороте, и именно с этой стороны Гейне воспринял их учение. Иногда же Гейне понимал «эмансипацию плоти» как приятие современных буржуазных нравов. Обнаженность материальных мотивов поведения, плотских интересов и целей — все это будто бы и есть «эмансипация плоти». Для Гейне даже такое толкование «эмансипации материи» имело полемическую ценность. Он изображал парижские нравы, буржуазную жизнь в ее современнойшем развитии и дразнил тем самым немецкое мещанство, которое отнюдь не отличалось возвышенной нравственностью, зато полно было ханжества и сентиментальности. Реалистический рассказ о парижских нравах разоблачал немецкого филлистера, охотника до фраз о «немецкой любви», о немецкой душевности и т. д. Париж в изображении Гейне — это удар по немецкому Кривинкелю или по какой-либо другой немецкой провинции, все тайны которой разглашены, все нечистые помыслы которой возросли и достигли пышного расцвета. Парижский буржуа — тот же немецкий мещанин, бесстыдный там, где тот стыдлив, откровенный там, где тот играет в прятки. Бальзак также рисовал, и к тому же гораздо резче и подробнее, картину парижских нравов. Гейне писал не социальные романы, но лирику, и пытался порою бальзаковские темы трактовать лирически, что, однако, противоречит их природе. Гейне стремился возвысить до лирики грубо-прозаический роман, где обе стороны сознательно обманывают друг друга, где в женщине порой угадывается продажность, а в ее любовнике — пресыщение и скука, от которых он надеется спастись в цинизме. Мало убеждают в «парижских» стихотворениях Гейне ссылки на сен-симонизм, на его учение о «третьем завете», который придет на смену Ветхому и Новому и оправдает и дух и плоть человеческую (см. «Ссрафина», 7). В парижской лирике Гейне очень далек от гармонии плоти и духа, — в ней зачастую дух унижен за счет вульгарного торжества плоти.

Карл Гуцков и другие писатели из группы «Молодая Германия» — Генрих Лаубе, Теодор Мундт — тоже были увлечены учением о «реабилитации плоти». Дальше реабилитации ее в буржуазном смысле они не шли и о более глубоком смысле этого учения

едва подозревали. Они считали себя великими реформаторами этики, на деле допуская всего лишь известную вольность нравов, хотя и крайне осторожно, с оговорками. Что у Гейне являлось не более как временным колебанием, рискованным уклоном, то у «младогерманцев» разрослось в целое направление.

Стихи о женщинах у Гейне — новая стадия в истории его лирики «среднего стиля», колеблющегося на этот раз в сторону стиля «низкого». В ответном письме к Гуцкову от 23 августа 1838 года Гейне приводит в свою защиту соображения формально-эстетического порядка: художественная обработка предмета, сомнительного и грубого по своей природе, должна доставить особую радость людям высокого ума, истинным ценителям искусства. Гейне рассчитывает на контраст формы и материала, на «остроумие» формы. Гейне и на самом деле в этих стихотворениях высокий мастер. Они отличаются полным отсутствием условной поэтической фразеологии, непринужденностью и меткостью речи, умением пользоваться современным разговорным языком для передачи любых оттенков мысли и настроения. Язык прозы стал языком стихов, и все же это ничего не решало. Стихи без поэзии не могли быть для Гейне настоящими стихами. Безразличие к жизненному материалу искусства, даже если он был мастерски обработан, мало соответствовало коренным убеждениям Гейне-художника. Обычно для Гейне главное заключалось в человеческом содержании искусства, в красоте и благородстве человеческих страстей, отношений и помыслов. При всех обмолвках своих Гейне и в стихотворениях, объединенных названием «Разные», возвращается к своей обычной поэтической порме. Слепая чувственность мстит за себя, от бездумных стихотворений Гейне переходит к стихотворениям, звучащим почти трагически: конец «Серафимы» (13, 14, 15), конец «Анжелики» (9), конец «Гортензии» (5, 6), конец «Клариссы» (5), конец «Эммы» (6). У Гейне в этих развязках — горечь, ощущение душевных потерь, нравственной смерти. Низменные отношения, если они и были, в конце концов оцениваются как низменные. Почти всюду появляются мотивы измены, предательства, и они у Гейне очень мрачны. Не может быть речи ни о прочности, ни о дружбе, ибо любовная связь, основанная на голый чувственности, делает любовников врагами. Это было взаимное падругательство, и, наконец, они изменяют друг другу. Это был вид корыстного интереса друг к другу, а корыстный интерес полон яду, и его природа — тленная. Ощущение духовного распада у Гейне является как бы изнанкой «парижской любви». Такова развязка «парижских» стихотворений, подсказанная их эмоциональным содержанием.

В этом сборнике, как и в других, существенный смысл поэзии лежит не столько в отдельных стихотворениях, сколько в поэтических циклах. По поводу цикла «Разные» высказывались соображения, что входящие в него пьесы чужды друг другу. Эрнст Эльстер, известный знаток Гейне, ставил даже вопрос, где, собственно, проходят границы этого цикла. Он сомневался, следует ли относить к нему все стихотворения, начиная с «Тангейзера» и с «Песен творения», — за вычетом цикла «Катарина». Однако же если здесь нет связей по сюжету, то присутствует ясная связь по теме и мысли. «Песни творения» — эстетическое самооправдание Гейне в духе того, что он писал в письме к Гудкову: как господь бог творил из дурного материала, из ила и грязи, так и поэт, подобно господу, шутит собственным творчеством, забавы ради, сочиняет пародии на собственные создания. В балладе о Тангейзере излагается общая тема женских циклов, предшествующих ей: невозможно жить одними чувственными радостями, жажда страданий становится неизбежным дополнением к ним. Человек «христианской цивилизации» расколот: наслаждения, если они ему даны, притупляют его чувства, а духовно он пробуждается только терпя и страдая. Тангейзер возвращается к своей «Frau Venus», к госпоже Венере; Венерин грот — это веселый языческий ад, который лучше мрачного ада христиан, именуемого ими праведной жизнью. Сонеты Фридрике Роберт — обращение к чистой женщине, по контрасту с героинями других циклов. Цикл «Катарина», помещенный после них, напоминает, что тема «Серафины» и «Анжелики» отнюдь не прервана. Последние циклы — «На чужбине» и «Трагедия» — противопоставляют «парижской любви» любовь немецкую и немецкий лиризм. Это возвращение подготовлено («Анжелика», 5). Там немецкие воспоминания сопровождаются оговорками, чувством досады и боли. К идеалам немецких филистеров поэт «Разных» не намерен был присоединяться.

В заключительных маленьких циклах есть и народная песня, записанная Гейне. Фольклорный мир с его идеалами Гейне строго отличал от националистических идеалов филистеров, но считал этот мир достоянием прошлого, той красотой, которая исчезает. После парижских мадригалов, гротесков, вызывающих поэтических опытов Гейне возвращается к простой народной песенности, вернее — вздыхает о ней, так как не видит для нее возможности жить в условиях современного дня.

Замечание к переводам «Разных»: переводы В. П. Коломийцева, отредактированные Александром Блоком, — «Серафина» (4, 7, 8), «Анжелика», «Гортензия» (1, 2).

Серафина

Этот цикл, по-видимому, связан с пребыванием Гейне на морских купаньях в Дьепше летом 1832 года.

7. Основой этого стихотворения является поэтическое изложение «катехизиса» учеников Сен-Симона, проповедовавших «третий завет» и «третье царство», в котором дух и плоть прекратят свои вековые распри и сольются друг с другом в мирной гармонии.

Диапа

3. *Мастер Жан* — Джованни да Болонья, скульптор и архитектор из Фландрии, в 1563—1567 гг. по папскому заказу соорудивший в Болонье колодец со статуей Нептуна.

Эмма

1. *Багирата* — герой древнеиндийского мифа. Предки его совершили проступок и были обращены в прах. Подвижнической жизнью он выслуживает для них прощение у бога Шивы. Тот велит своей супруге, богине Ганга, окропить водой прах этих некогда покаранных людей, и они воскресают.

Тангейзер

Баллада о Тангейзере впервые была напечатана в произведении Гейне «Духи стихий» (1837), причем Гейне, шутя, уверял читателя, что он преподносит ему более новую версию старинной песни, случайно попавшую в его руки.

Рыцарь Тангейзер — поэт, миннезингер тринадцатого столетия, одно время живший при венском дворе, но расхоронившийся в своих любовных песнях с традиционным стилем придворных лириков. По произведениям Тангейзера восстанавливается многое из его биографии: он странствовал, отправился паломником в Палестину и по пути едва не погиб при кораблекрушении. Под конец жизни он потерял свои земли и состояние. По собственным его словам, причиной тому была приверженность к женщинам, к вину и пирам. Необычайный характер поэзии Тангейзера и его авантюрная биография, очевидно, и сделали его героем легенды. Известна народная песня 1515 года, в которой повествуется о фантастических его похождениях. Тангейзер, герой этой песни, поселился в Венериной горе и стал любовником «Frau Venus», госпожи

Венеры. Потом он одумался и поспешил в Рим просить у папы прощения своему греху. Но папа Урбан проклял его. «Как этот посох в моей руке не зацветет, так и тебе нет на земле прощения», — сказал папа. Тангейзер вернулся к «госпоже Венере», но папский посох зацвел; так в песне обличается жестокость церкви, чуждой духу христианского милосердия.

Гейне был издавна знаком с песней о Тангейзере по сборнику Арнима и Клеменса Брентано «Волшебный рог мальчика». В «Духах стихий» он предваряет собственную свою балладу цитированием этой песни. Известен был Гейне, надо полагать, и прозаический пересказ легенды о Тангейзере в «Немецких сказаниях» бр. Гримм (1816), — полностью он приводится в комментариях ко второму тому Полного собрания сочинений Гейне (1948, стр. 383). Известна была Гейне и находка фольклориста Бехштейна, опубликовавшего старейшую версию песни о Тангейзере.

В письме Бехштейна к Гейне от 29 февраля, 1836 года содержится любопытное упоминание о разговоре, который был между ним и его корреспондентом: Гейне однажды себя самого сравнил с Тангейзером. Это указывает на личную основу баллады Гейне.

Во французском тексте («Салоны», изд. 2-е) Гейне сопроводил своего «Тангейзера» такими авторскими замечаниями:

«Я не намерен ничего навязывать читателям ни в стихах, ни в прозе, и я откровенно признаюсь, что стихотворение, только что прочитанное ими, сочинено мною самим и не принадлежит кому-либо из миннезингеров средних веков. Тем не менее мне хочется привести здесь первоначальную песню, в которой старинный поэт обработал тот же сюжет. Это сопоставление окажется очень интересным и очень поучительным для критика, который хотел бы посмотреть, сколь различным способом два поэта двух совершенно противоположных эпох обработали одну и ту же легенду, сохраняя ту же фактуру, тот же ритм и почти тот же план. Дух обеих эпох отчетливо выявляется при таком сопоставлении, и это будет как бы уроком сравнительной анатомии применительно к литературе. В самом деле, читая одновременно обе эти версии, можно видеть, как у старого поэта преобладает древняя вера, тогда как у современного поэта, родившегося в начале девятнадцатого столетия, сказывается скептицизм его эпохи; здесь видишь, как последний, не подвластный какому-либо авторитету, дает волю своему воображению и, когда поет, не имеет никакой другой цели, как только возможно лучше выразить в своих стихах чисто человеческие чувства...»

Далее во французском тексте очень любопытны слова Гейне о том, что «госпожа Венера» старинной песни напоминает ему своим поведением и обликом современных куртизанок: это богиня с каменьями и, так сказать, богиня-содержанка.

Гейне говорит, что она ему привиделась однажды в Париже, на площади Бреда, и что «г-н де Бальзак» случился тут же; в этом сневидении наяву Гейне обменялся с Бальзаком репликами по поводу этой женщины. Так, сам Гейне дает нам дополнительные нити, которые ведут от «Тангейзера» к его лирике парижской жизни и соединяют с миром Бальзака средневековую балладу.

Сюжет Тангейзера еще до Гейне обрабатывался романтиками, в назидательном христианско-аскетическом духе: у Людвиг Тика в повести «Верный Эккарт и Тангейзер» (1799), у Клеменса Брентано в его набросках для «Романсов о розах».

Рихард Вагнер свою музыкальную драму «Тангейзер» (1843) создавал под впечатлением баллады Гейне. Сюжет Тангейзера Вагнер объединил с другим средневековым сюжетом — с историей состязания миннезингеров в Вартбурге («война певцов»).

Часть 3

Стр. 57. *Швабская школа* — группа поэтов-романтиков — Густав Пфифер, Карл Майер, Густав Шваб, Юстин Кернер, — считавших своим главой Людвиг Уланда. К Уланду Гейне относился с уважением, остальных же «швабских поэтов» непрерывно осмеивал за их нарочитую наивность, за их желание вернуться к младенчеству души и превратить поэзию в детский лепет.

А в Дрездене видел я старого пса. — Гейне метит в Людвиг Тика, одного из романтиков старшего поколения. В период 1825—1841 гг. Тик жил в Дрездене, где он был связан с придворным театром. Гейне ценит ранние произведения Тика, но не прощал ему поздних его новелл, в которых делались выпады против новейшей немецкой литературы радикального направления и против Гейне, как главного ее деятеля.

Эккерман — Иоганн-Петер Эккерман (1792—1854), литератор, литературный секретарь Гете с 1823 г. до смерти Гете в 1832 г., автор вышедших в 1836 г. «Разговоров с Гете» — книги, получившей широкую известность.

Ганс — Эдуард Ганс (1798—1839), берлинский профессор, правовед, гегельянец. Читал в Берлине публичные лекции о новейшей истории в либерально-оппозиционном духе. Они были запрещены полицией. В печати лекции Ганса «по истории последних пятидесяти лет» появились в 1833—1834 гг.

Фридриха

Сонеты, как это значится в рукописи Гейне, обращены к Фридрике Роберт, известной берлинской красавице, жене писателя Людвиг Роберта.

1. *Индра* — бог неба в индийской мифологии.

2. *Кокила* — птица из семейства кукушек; в индийской поэзии кокила соответствует по своей лирической роли соловью в поэзии европейских народов.

Кама — бог любви в индийской мифологии.

Вассант — бог весны, друг Камы.

3. *Коня* — за образ! — ср. у Шекспира в «Ричарде III»: «Коня! Коня! Царство за коня!»

Гандарги — низшие божества в индийской мифологии, музыканты в небесном царстве Индры.

Катарина

3. *Мерлин* — волшебник, герой древних кельтских легенд. Мерлин превращен своей возлюбленной Вивианой в куст боярышника. Из очарованного куста слышен только голос Мерлина.

РОМАНСЫ

1. *Женщина*. — Впервые опубликовано в 1836 г. Помимо помещенного в тексте перевода М. Л. Михайлова, даем широко известный (особенно с концертной эстрады, через музыку Лишина) перевод А. Н. Майкова, 1857 г.:

Ее в грязи он подобрал;
Чтоб все достать ей — красть он стал;
Она в довольстве утопала
И над безумцем хохотала.

И шли пиры... По дни текли.
Вот утром раз за ним пришли:
Ведут в тюрьму... Она стояла
Перед окном и — хохотала.

Он из тюрьмы ее молил:
«Я без тебя душой изныл,
Приди ко мне!» Она качала
Лишь головой и хохотала.

Он в шесть поутру был казнен
И в семь во рву похоронен. —
А уж к восьми она плясала,
Цела вино и хохотала.

Нетрудно заметить, что А. Н. Майков изменил сюжет Гейне: «Ее в грязи он подобрал...», — этого нет в подлиннике. По переводу А. Н. Майкова, героиня — содержанка героя, в подлиннике герой и героиня — два человека из отверженного мира, между ними своеобразное товарищество. У Гейне герой и раньше был вором, а вовсе не ради «довольства» своей подруги начал красть. М. Л. Михайлов переводит точнее: «Был вором он, потаскушкой — она». В переводе А. Н. Майкова «романс» Гейне приобретает несвойственную ему мелодраматическую окраску, — у А. Н. Майкова это история беззаветной любви героя и черной неблагодарности героини. У Гейне герой и героиня равны, ни один из них не обязан чем-либо другому; одного судьба казнила раньше, другого, вероятно, она казнит позже, — в этом вся разница положений, и поэтому женщина малочувствительна к несчастью, постигшему ее любовника. Это не исключает взаимной любви, бывшей между ними, о которой у Гейне говорится вполне утвердительно.

Любопытно сообщение Франциски Кугельман: «По мнению Маркса, чудесные песни Гейне о любви были лишь плодом его творческого воображения. Он никогда не испытал счастливой любви и меньше всего нашел счастья в своем браке. Его стихи:

Чем свет его вешать на площадь вели.
А в семь его сняли — в могилу снесли...
А в восемь она как ни в чем не бывало,
Вино попивая с другим, хохотала, —

как нельзя больше подходят к его собственной кончине».¹

Сходные замечания с цитированьем той же последней строфы из «Женщины» мы находим в письме Энгельса к Марксу от 22 сентября 1856 г., в котором говорится о смерти Гейне и о поведении жены его, Матильды (см. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Сочинения, т. XXII, стр. 154).

С Матильдой Мира, ставшей впоследствии его женой, Гейне познакомился в 1834 г.

2. В е с е н н е е л и к о в а н и е. *Адонис* — прекрасный юноша, о котором рассказывает греческий миф. Адонис — возлюбленный богини Афродиты; по смерти своей воскресал каждую весну. Комментарием к стихотворению может служить отрывок из Лукиана, известного греческого сатирика II в. н. э.: «Видел я в Библосе великое святилище Афродиты, в котором справляются

¹ Франциска Кугельман, Несколько штрихов и характеристик на великого Маркса. — «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», сборник, М., 1956, стр. 289.

оргии в честь Адониса. Я познакомился с ними. Говорят, что оргии эти установлены в честь Адониса, раненного в этой стране ведем: в память об его страданиях местные жители ежегодно подвергают себя истязаниям, оплакивают Адониса и справляют оргии, а во всей стране распространяется великая печаль. Затем, когда прекращаются удары и затихает плач, приносят жертву Адонису, как умершему, и на следующий день рассказывают, что он жив и удалился на небо; в то же время они бреют себе головы, как египтяне, когда умирает Апис».¹

3. Ч а й л ь д Г а р о л ь д. — Тело Байрона, скончавшегося 19 октября 1824 г. в греческом городке Миссолунги, было перевезено в Англию. Байрона похоронили в Ньюстедском аббатстве.

Гейне отождествляет Байрона с его героем — Чайльд Гарольдом. Последний путь Байрона — это как бы возвращение Чайльда Гарольда домой из его дальних странствий.

5. И з п и с ь м а. — В рукописи стихотворение называется «Солнце и поэт».

7. А п п о 1829. — При первой публикации в 1839 г. стихотворение было озаглавлено «Томление о чужбине (Бремен, 1831)». Бремен — очевидная маскировка Гамбурга, о нравах и людях которого говорится в этом стихотворении.

8. А п п о 1839. — *Шильда* — в немецком фольклоре символ провинциализма и заброшенности, наивности и ограниченности. У Гейне часто — символ Германии.

9. Р а н о у т р о м. — В этом стихотворении Гейне играет образами античной мифологии, перенесенными на почву современного Париза.

Эндимион — в греческом мифе сын Зевса и возлюбленный лунной богини Селены (Луна). Он пребывает в вечном сне и сохраняет вечную юность.

Quartier Latin — Латинский квартал в Париже, населенный студентами и артистической молодежью.

10. Р ы ц а р ь О л а ф. — Первая публикация в 1839 г. Прямой источник неизвестен, по отдельным мотивам и стилистическим формулам близка к народной песне. Имя Олаф, очевидно, взято из датской баллады. Заключительная прощальная строфа особенно близка к народно-песенной традиции: перед смертью герой песни раздает благословения.

11. Р у с а л к и. — Первая публикация в 1839 г. Мотив взят из датской народной песни, переведенной на немецкий язык Гер-

¹ Л у к и а н, О сирийской богине, 6.

дером, а затем и Вильгельмом Гриммом и пересказанной самим Гейне в его «Духах стихий». Там же у Гейне дается пересказ другой близкой по сюжету датской баллады — о рыцаре Олафе. В «Русалках» эти датские мотивы, трагические либо близкие к трагическому, разрабатываются в духе шутливой и веселой игры.

12. Б е р т р а н д е Б о р н. — Первая публикация в 1839 г. Перекликается с романсом Уланда того же названия.

Бертран де Борн — знаменитый трубадур (1145—1210); жил при дворе Эллинор, жены английского короля Генриха II, первого из династии Плантагенетов (Эллинор у Гейне — *львица Плантагенета*). Дочери короля, принцессе Матильде, Бертран де Борн посвятил две любовные канцоны. Принца Генриха он побудил к восстанию против отца. По смерти принца Бертран де Борн был взят королем Генрихом II в плен, но потом был отпущен. По преданию, королю понравилась отповедь Бертрана на суде.

15. П с и х е я. — В сюжете Гейне очень близко держится сказки об Амуре и влюбленной в него Психее, как она рассказана у Апулея в его романе «Золотой осел». В заключительной строфе Гейне дает истории Амура и Психеи собственное толкование. Психея (душа) вечно кается, что нагое прекрасное тело возбудило в ней однажды восторг и страсть, — у Гейне здесь подразумеваются восемнадцать столетий господства христианской морали и христианского аскетизма.

16. Н е з н а к о м к а. — В сонетах Петрарки воспевается идеальная любовь поэта к Лауре.

17. С м е н а. — Имя старого поэта Клопштока у Гейне является символом бесплодных идеальных стремлений и сентиментально-религиозной настроенности. Гейне заподозривает французенку, что она, не зная по-немецки, все же прочитала христианско-дидактическую поэму Клопштока «Мессиада».

19. Ж а л о б а с т а р о н е м е ц к о г о ю н о ш и. — Написано в 1824 г. По словам самого Гейне, это «пародия на сентиментальные портновские размышления» — на лирику в духе песен ремесленных подмастерьев, чувствительную и назидательную в одно и то же время. В дневнике университетского товарища Гейне, тоже стихотворца, Эдуарда Ведекинда сохранились очень интересные записи разговоров с Гейне по поводу этой песни, из которых видно, как тщательно взвешивал Гейне каждый юмористический эффект, каждую рифму, всякое слово и вопрос о месте этого слова в стихе. Гейне указывал Ведекинду на «метрическое остроумие», вложенное в эту песню.

21. Ф р а у М е т т а. — Баллада, написанная в Гамбурге в 1830 г. Вначале носила название «Спор». Источник — баллада «Золотой рожок» из сборника датских народных песен Вильгельма Гримма. Гейне довольно близко следует своему образцу в отношении фабулы и стилистических формул. См. пересказ датской баллады — Г. Гейне, Полное собрание сочинений, т. II, 1948, стр. 388.

22. В с т р е ч а. — Здесь использована история «Танца с водяным» из «Немецких сказаний» бр. Гримм.

ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО

В третьей части, начиная с 9-го стиха и до конца этой части, идет цитата из «Жалобы Цереры» Шиллера.

OLLEA

К названию этого отдела: *ollea* (*ollea potrida*) — испанское кушанье из мяса и разных овощей. У Гейне в значении: смесь. Этот отдел Гейне ввел в «Новые стихотворения» в третьем издании. Многие пьесы из цикла «*Ollea*» первоначально предназначались для «Романсеро».

1. И ш а ч е с т в о. — Это стихотворение адресовано прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV.

2. С и м в о л и к а в з д о р а. — Существует предположение, что сатира Гейне обращена против поздней философии Шеллинга, впавшего в католическую мистику и сделавшего особым предметом философской спекуляции христианский догмат троичности божества.

3. С п е с ь. — Сатира, написанная на одну из дам города Гамбурга.

8. Е л е н а. — Эти стихи — эпитафия к «танцевальной поэме» Гейне «Доктор Фауст»: монолог Елены Прекрасной, которую доктор Фауст вызвал средствами магии из загробного царства.

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Д о к т р и н а. — Печаталась в парижской газете Маркса «Vorwärts» («Вперед») 1844, № 58 (20 июля).

2. А д а м П е р в ы й. — Первая публикация в 1844 г.

Consilium abeundi (лат.) — рекомендация студенту, в чем-либо провинившемуся, оставить университет.

Magnificus (лат.) — великолепный; *rector magnificus* — титул ректора университета.

Lumen mundi (лат.) — светоч мира.

3. П р е д о с т е р е ж е н и е. — Написано в 1829 г., в период работы Гейне над «Луккскими водами». Судя по сохранившейся рукописи, это стихотворение должно было следовать после 8-й главы «Луккских вод»; Гейне хотел преподнести его в качестве выдержки из письма к нему, написанного неким другом после появления II тома «Путевых картин».

4. Б ы в ш е м у г е т е а н ц у. — Обращено к старому приятелю Гейне Рудольфу Христиани. Тот отличался весьма радикальными убеждениями во время дебатов о характере новой конституции в королевстве Ганновер в 1831—1833 гг. Адвокат по профессии, Рудольф Христиани был также человеком неравнодушным к литературе, ценителем и знатоком Гете.

Веймар — постоянная резиденция Гете.

Оттилия — героиня романа Гете «Избирательное сродство».

Клерхен — героиня драмы Гете «Эгмонт».

Гретхен — героиня «Фауста» Гете.

Девы Зерло — актрисы театральной труппы Зерло (один из героев романа Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера», директор театра).

Миньона и *Филина* — героини романа Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера»; *Филина* — актриса, очень бойка и держится весьма свободных взглядов, в поведении далека от строгих норм нравственности. Гете выводил свою *Филину* с симпатией к ней. По смыслу стихотворения Гейне сейчас и *Филина* и симпатии к *Филине* больше не кажутся образцом вольнодумства, современность обогнала *Филину*. Как думает здесь Гейне, вообще культ Гете сейчас устарел; нужны другие проявления свободомыслия, Рудольф Христиани был гетеанцем и стал политиком.

6. Н а п р и б ы т и е н о ч н о г о с т о р о ж а в П а р и ж. — Обращено к политическому поэту Францу Дингельштедту, завоевавшему известность своим сборником «Песни космополитического ночного сторожа» (1840). Ночной сторож — страж города, он обходит сонные улицы и один бодрствует духовно среди спящих. Далее описано странствование ночного сторожа по чужим городам и землям, — так он становится «космополитическим» ночным сторожем.

В 1841 г. Дингельштедт оказался в Париже, где сразу же познакомился с Гейне. Стихотворение Гейне впервые напечатано в 1842 г.

Гейне допрашивает ночного сторожа, о каких тайнах Германии тот может ему поведать.

Достраивание *Кельнского собора* началось в 1842 г. по инициативе прусского короля Фридриха-Вильгельма IV из дома Гогенцоллернов. Людвиг I, король баварский, из дома Виттельсбахов, взял на себя пять окон собора с южной стороны.

И конституцию нам и свободу... — Фридрих-Вильгельм III возвестил 22 мая 1815 г., что намерен даровать Пруссии конституцию; обещание это не было выполнено.

Наш Рейн свободен... — намек на стихотворение Николая Беккера (1840) о «свободном Рейне».

Флот. — В начале 40-х годов был объявлен сбор средств на постройку немецкого флота.

В заключительной строфе говорится о запрете, наложенном в Пруссии в 1841 г. на издания Юлиуса Кампе, который выпустил «Неполитические песни» Гофмана фон Фаллерслебена.

7. *Т а м б у р м а ж о р.* — Первая публикация в 1843 г. Наполеоновский барабанщик — старая тема Гейне (см. «Книга Легран» в «Путевых картинах»).

8. *Г е н р и х.* — В первой редакции своей стихотворение было опубликовано уже в 1822 г.

Тема стихотворения — распря германского императора Генриха IV с папой римским Григорием VII, добивавшимся подчинения светской власти папскому престолу. Когда немецкие князья по настоянию папы объявили Генриха низложенным, тот, чтобы уладить конфликт, отправился в Каноссу, где тогда находился папа Григорий в гостях у своего друга, маркграфини Матильды (1077). Генрих явился к папе как кающийся грешник и только после многих унижений добился мира с ним. Позднее Генрих отомстил папе Григорию.

Печатая свое стихотворение в 1822 г., Гейне сопроводил его примечанием: «Григорий VII был одним из величайших людей. Любить его нельзя, но уважать его следует. Отношения его с Матильдой, как я их обозначил, являются вымыслом. Они не доказаны. Наш величайший историк (Иоганн фон Мюллер, Всеобщая история в 12 книгах, кн. 15, гл. 2) говорит: «Высокородная графиня, из семейства Эсте, была ему предана всей душой; при выяснении причин такой преданности кажутся менее правдоподобными доводы клеветников, чем то обстоятельство, что графиня помнила обиды, нанесенные отцом императора дому Эсте в годы ее юности, и что, по ее убеждению, лишь верностью папе могла она рассчитывать сохранить свое высокое положение».

10. **Ж и з н е н н ы й п у т ь.**— Это стихотворение Гейне вписал в 1843 г. в альбом датского писателя Г. Хр. Андерсена, находившегося тогда в Париже.

11. **Н о в ы й г о с п и т а л ь д л я с ы н о в И з р а и л я в Г а м б у р г е.**— Повод для стихотворения — благотворительный акт дяди поэта Соломона Гейне, открывшего на свои средства этот госпиталь в 1841 г.

12. **Г е о р г у Г е р в е г у.**— Известный политический поэт Георг Гервег, прославившийся своими «Стихами живого человека» (1841), в 1842 г. совершил триумфальную поездку по Германии. Немецкие бюргеры шумно чествовали Гервега как глашатая политической свободы. Тогда же прусский король Фридрих-Вильгельм IV дал Гервегу аудиенцию. Любитель красивых жестов и эффектных сцен, король хотел поразить своих подданных тем, что сам протягивает руку одному из вождей оппозиции. На этом свидании король назвал Гервега «честным врагом». Весьма скоро отношения короля и оппозиционного поэта повернулись своей реальной стороной. Когда Гервег пожаловался королю на мероприятия его министров, направленные против самого Гервега и против связанных с ним литературных изданий, и когда свое письмо к королю Гервег опубликовал в печати, то немедленно начались репрессии: были закрыты радикальные газеты, в том числе «Рейнская газета» молодого Маркса, а самому Гервегу было указано покинуть Пруссию. К королевской аудиенции, полученной Гервегом, Гейне возвращался и в последующих стихотворениях: для Гейне это был поучительный пример того, как наивны надежды на «революцию сверху».

В двух последних строфах Гейне по-своему варьирует сюжет и некоторые положения и тирады из драмы Шиллера «Дон Карлос»: прусский король — король Филипп II испанский, Гервег — маркиз Поза, добивающийся перед Филиппом либеральных реформ. Эти строфы являются как бы новой современной редакцией монологов маркиза Поза. Публикуя это стихотворение в 1844 г., Гейне взял эпиграф из «Дон Карлоса»: «Дайте нам свободу мысли, государь» (из речи маркиза Поза перед королем).

14. **Р е б е н о к.**— Первая публикация в 1842 г. (как стихотворения 13 и 15). Незаконный ребенок, рожденный девою Германии, — немецкая политическая свобода, первые неуверенные шаги которой можно было наблюдать в начале 40-х годов. В двух заключительных строчках Гейне высказывает опасения, как бы немецкая свобода не оказалась чересчур стыдливой и благонравной — как бы она не ограничила себя умеренной буржуазной оппозицией самодержавному режиму.

16. П о д к и д ы ш. — Направлено против Пруссии и против царствующего дома Гогенцоллернов.

См. статью Маркса и Энгельса, помещенную в «Новой рейнской газете» от 10 мая 1849 г.: «Правительство господина фон-Гогенцоллерна желает, по-видимому, в последние дни своего существования и существования прусского государства оправдать полностью старую репутацию прусского и гогенцоллернского имени.

Кто не знает гейневской характеристики:

Ребенок с тыквой-головой,
С усищами, с седой косой,
Чьи крепки длинные ручонки,
Велик живот, кишки же тонки,
Уродец подлинный...

Кто не знает вероломства, коварства, мошенничеств с наследствами, благодаря которым возвысилось то семейство капралов, которое носит имя Гогенцоллернов?»¹

17. К и т а й с к и й и м п е р а т о р. — Первая публикация в близкой Марксу парижской газете немецких эмигрантов «Vorwärts», 1844, № 38.

Герой этого стихотворения так называемый «король-романтик» Фридрих-Вильгельм IV, вступивший на престол Пруссии в 1840 г. Бюргерство вначале возлагало надежды на этого короля, от него ждали конституции и либеральных реформ. В Пруссии в первые годы нового царствования весьма широко развилось оппозиционное движение. Король не замедлил проявить себя как противник политических новшеств. Он стал проводить «романтическую» политику, восстанавливать в государстве средневековые учреждения, преследовать и карать даже самых умеренных либералов.

Конфуций — Шеллинг, известный философ, приглашенный королем в Берлин на кафедру философии, которую до смерти своей в 1831 г. занимал Гегель. Мистическое учение Шеллинга поздней поры должно было вытеснить рациональную философию Гегеля, толкуемую частью его учеников в духе атеизма и политического радикализма.

Пагода — Кельнский собор. Во французском издании сочинений Гейне эта строфа передается так: «Собор в Пекине, этот каменный шедевр старокитайщины, как бы по волшебному

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VII, стр. 387.

мановению достраивается. Последние евреи устремляются в эту романтическую пагоду принять там крещение. В награду за их усердие к религии я жалую им всем орден Черного Дракона четвертого класса».

Орден Дракона — подразумевается старинный орден Лебедя, который король снова стал жаловать с рождества 1843 г.

18. *Церковный советник Прометей*. — Повод к этому стихотворению — распря между профессором Паулюсом и Шеллингом. Паулюс, богослов рационалистического толка, державшийся либеральных взглядов, издал в 1843 г. без разрешения автора берлинские лекции Шеллинга 1841—1842 гг., сопроводив их детальной и очень острой критикой. Шеллинг, крайне возбужденный этим поступком, привлек Паулюса к суду, но иск Шеллинга успеха не имел. Раздосадованный Шеллинг, к тому же знавший, что общественное мнение против него, прекратил тогда свою деятельность в Берлинском университете.

19. *Ночному сторожу*. — Впервые напечатано в парижской газете «Vorwärts», 1844, № 45 (5 июня).

Политический поэт Франц Дингельштедт (см. в этом цикле примечание к стихотворению 6) в 1843 г. сделал первый шаг на пути официальной карьеры, по которому впоследствии он ушел весьма далеко: получил от короля вюртембергского титул гофрата — «придворного советника» — и был приглашен в Штутгарт. В оппозиционных кругах это расценили, разумеется, как измену Дингельштедта либеральному знамени.

20. *К успокоению*. — Впервые напечатано в «Vorwärts», 1844, № 44 (1 июня).

Мартовские иды — в день мартовских ид (44 г. до н. э.) Юлий Цезарь был убит заговорщиками, во главе которых стоял Брут. Мартовскими идами у римлян назывался пятнадцатый день марта месяца.

21. *Мир навыворот*. — Впервые напечатано в «Vorwärts», 1844, № 44 (1 июня).

И в бой католическая сова... — Имеется в виду возникновение так называемого «немецкого католицизма» — относительно либерального движения среди католиков Германии.

Херинг в литературе известен под псевдонимом Вилибальд Алексис, автор историко-патриотических романов. Выступил в 1843 г. против действий цензуры, чем вызвал недовольство прусского короля.

Беттина фон Арним выпустила в 1835 г. книгу «Переписка Гете с ребенком». Книга эта, по форме своей документальная,

тем не менее считалась мало достоверной. Как считает Гейпе, правда появилась только в недавней книге Беттины, озаглавленной «Эта книга принадлежит королю» (1843), где было описано бедственное положение низших классов в Пруссии и где высказывались вольные мысли по вопросам политическим и религиозным.

Кот в сапогах — так Гейпе называет известного романтика Людвиг Тика, автора одноименной комедии-сказки (1797). По инициативе Тика в Берлине в 1842 г. была поставлена трагедия Софокла «Антигона».

Пантеон. — Имеется в виду Валгалла — храм с бюстами прославленных немецких деятелей, сооруженный по инициативе короля баварского Людвиг I.

Массман — известный немецкий националист, поклонник древнегерманской простоты и грубости нравов.

Под *медведями-атеистами* разумеются Людвиг Фейербах, выпустивший в 1841 г. книгу «Сущность христианства», и берлинские гегельянцы левого толка.

Французский попугай — французский философ-эkleктик Виктор Кузен, довольно беспомощно следовавший Канту, Шеллингу и другим немецким философам-идеалистам.

Мертвец — живому... — Под *живым* подразумевается поэт Георг Гервег, автор «Стихов живого человека». В «Прусской всеобщей газете» была напечатана 20 мая 1844 г. резкая анонимная статья против Гервега, где в заключение автор пророчествовал, что над могилой Гервега будет сделана такая надпись: «G. Herwegh. Suicida. Parricida» («Г. Гервег. Самоубийца. Отцеубийца»).

Темпловский холм (в подлиннике «Tempelower Berg» — Tempelhofer Berg) — гора вблизи Берлина, на вершине которой был водружен крест. Ср. у Гейпе в «Лютеции» (ч. II, гл. 43), где он говорит, что сравнивать Россини с Мендельсоном — «это ведь то же самое, как если бы сравнивать итальянские Апеннины с Темпловой горой близ Берлина. Но Темплова гора не теряет от этого своих достоинств, и почтение народа заслуживает она уж тем, что на вершине ее находится крест «Сим победиши». Конечно, не во Франции, стране безверия...»

22. П р о с в е т л е н и е. 23. П о г о д н ы е! — Оба стихотворения впервые напечатаны в газете «Vorwärts», 1844, № 59 (24 июля).

24. Н о ч н ы е м ы с л и. — Этим стихотворением цикл «Современных стихотворений» кончался. Далее в первом издании сборника «Новых стихотворений» следовала поэма «Германия. Зимняя сказка».

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1840—1850 ГОДОВ

Здесь мы помещаем стихотворения политического и злободневного характера, ни в одно из изданий «Новых стихотворений» не входившие, написанные в десятилетие 1840—1850. Эти стихотворения Гейне в какие-либо циклы не сводил. Некоторые из них были опубликованы только после его смерти. Точная датировка не всегда известна.

1. Г и м н. — Стихотворение это, по-видимому, относится ко времени, когда Гейне писал свой памфлет «Людвиг Берне» (1840). «Гимн» варьирует отрывок из 2-й книги «Людвига Берне», — в начале записей, сделанных под датой: Гельголанд, 10 августа.

2. Г е р м а н и я. — Написано летом 1840 г., когда во Франции Тьер вел агитацию за войну с Германией.

Зигфрид — герой средневекового немецкого эпоса «Нибелунги», победитель дракона, от которого к нему перешел клад Нибелунгов.

3. Опубликовано посмертно. Вероятно, написано в 1839 г., одновременно с последней переработкой «Генриха» («Современные стихотворения», 9; см. примечание к «Генриху», о Капоссе).

Пандекты — свод гражданских законов.

4. П о л и т и ч е с к о м у п о э т у. — По всей вероятности, относится к поэту Эммануэлю Гейбелю, выступившему в 1841 г. со сборником «Голоса времени».

5. Опубликовано впервые в 1924 г., связано с «Неполитическими песнями» (1-я ч. — 1840 г., 2-я — 1841 г.) Гофмана фон Фаллерслебена, мниморадикальный характер которых Гейне подчеркивал неоднократно.

6. Г е о р г у Г е р в е г у. — Написано в 1841 г. Гейне вручил это стихотворение Гервегу, когда тот посетил Париж в 1843 г. Опубликовано посмертно.

7. Х в а л е б н ы е п е с н и к о р о л ю Л ю д в и г у. — Написано в 1843 г. Опубликовано в «Немецко-французских ежегодниках» (под редакцией Арн. Руге и К. Маркса, 1844). Король Людвиг I Баварский (1786—1868), рядом с королем прусским Фридрихом-Вильгельмом IV, характернейшая фигура среди тогдашних властителей Германии. Вступил на престол в 1825 г.; сначала управлял Баварией в либеральном духе, но после польской революции 1830 г., устрешенный ею, круто изменил свою политику. Бавария превратилась в одно из реакционнейших государств Германии. Король, ревностный католик, подчинился влиянию католической

перкви; столица Баварии Мюнхен превратилась в политический центр духовенства и клерикалов. В 1848 г. Людвиг I был свергнут с престола революцией.

Он любит искусство...— Людвиг I был меценатом, покровительствовал художникам и поэтам, возводил в Мюнхене новые здания, желая придать своей столице славу и блеск «новых Афин».

В королевском дворце была устроена «Галерея красоты» — собрание портретов красивых женщин, написанных по заказу короля художником Штилером.

У Регенсбурга он воздвиг. — Здесь говорится о Валгалле, построенной в Регенсбурге (см. примечание к «Мир навыворот» на стр. 362).

«Валгаллское братство» — книга Людвиг I, изданная в 1842 г. Она состояла из кратких надписей в стихах к бюстам великих людей, собранным в пантеоне Валгаллы.

Тевт — мифический прародитель германцев («Тевтонов»).

Шиндерханн — атаман разбойничьей шайки, был широко известен в начале XIX в.

И только упрянца Лютера нет... — Среди бюстов великих людей Германии, выставленных для обозрения в Валгалле, не было Лютера, — король исключил Лютера из ненависти к реформации и протестантизму.

Герр Людвиг — это великий поэт... — Людвиг I усиленно домогался славы поэта. Между 1829 и 1839 гг. появились три тома его стихотворений, в 1847 г. за ними последовал четвертый. Поэзия Людвиг I отличалась напыщенностью, архаичностью и напряженностью стиля. Гейне иногда пародировал поэтическую манеру короля.

Отто — один из сыновей Людвиг I, в 1835 г. вступил на престол Греции.

Философ *Шеллинг* и живописец *Корнелиус*, до того времени украшавшие своим присутствием «новые Афины» баварского короля, были приглашены Фридрихом-Вильгельмом IV в Берлин: Шеллинг — в 1840, Корнелиус — в 1841 г.

Массман — глашатай немецкого национализма, соединял в одном лице пропагандиста гимнастики и профессора германской филологии. В 1842 г. переселился из Мюнхена в Берлин.

Лишь цейнский, лишь яково-гриммский... — *Цейне* — берлинский профессор географии, неудачно подвизавшийся также и на поприще германской филологии. *Якоб Гримм* — знаменитый филолог, основатель германистики.

О шури! — Фридрих-Вильгельм IV, король прусский, приходился шурином Людвигу I — он был женат на Елизавете, сестре баварского короля.

Рюккерт не нужен мне. — Известный поэт и знаток восточных языков Рюккерт в 1841 г. был приглашен в Берлинский университет; до того он был профессором в Баварском городе Эрлангене.

8. *Новый Александр.* — Впервые опубликовано в газете «Vorwärts», 1844, № 48 (15 июня) и № 56 (13 июля). Герой этого стихотворения — прусский король Фридрих-Вильгельм IV.

Есть в Фуле король... — Ср. песню Гретхен в «Фаусте» Гете.

Историческая школа — особое направление в науке права. В противовес просветительским и революционным учениям о праве как о продукте разумной воли и законодательной инициативы последователи «исторической школы» считали, что правовые институты могут держаться только силой исторических традиций. «Историческая школа» стремилась сделать невозможными какие-либо решительные сдвиги в правовой и политической жизни современного общества. Естественно, что это учение служило опорой для феодальной реакции. Среди вождей «исторической школы» особой известностью пользовались Гуго, Савиньи, Эйхгорн. «Историческая школа» была идейно связана с некоторыми течениями позднего романтизма.

Наставник мой, Аристотель мой... — Воспитателем Фридриха-Вильгельма IV был Ансильон, теолог, историк и государственный деятель. У Ансильона будущий король заимствовал идеи реакционной политики.

Всех антитез сочетание... — Ансильон был автором двухтомного труда «К примирению крайностей в области мнений» (1828—1831).

В любви к Софоклу... — В 1842 г. на берлинской сцене была поставлена «Антигона» Софокла.

9. *Силезские ткачи.* — Первая публикация в газете «Vorwärts», 1844, № 55 (10 июня). Повод к стихотворению — восстание ткачей в Петерсвальдау и в Лангенбилау в июне 1844 г. В предшествующем номере «Vorwärts» поместила статью, описывающую восстание. Вероятно, Гейне создавал своих «Ткачей» под впечатлением этой статьи. Гейне — один из немногих немецких писателей, тогда же почувствовавших значение событий в Силезии. В той же газете «Vorwärts» Арн. Руге высказался о восстании ткачей пренебрежительно, сводя все дело к довольно обыкновенному голодному бунту. Иначе отнесся к силезским событиям Маркс, который

изложил свою точку зрения в «Vorwärts» от 31 июля 1844 г.: «...ни одно из французских и английских восстаний не носило такого теоретического и сознательного характера, как восстание силезских ткачей.

Прежде всего, вспомните «Песню ткачей», этот смелый боевой клич, где ни разу не упоминается об очаге, фабрике, округе, но зато пролетариат резко, ясно, беспощадно и властно заявляет во всеуслышание о своей противоположности обществу частной собственности. Силезское восстание *начинается* как раз тем, чем французские и английские восстания *кончатся*, — сознанием сущности пролетариата».¹

«Песня ткачей», о которой говорит Маркс, — песня, сложенная самими ткачами.

Стихотворение Гейне перевел на английский язык Энгельс и опубликовал в том же 1844 г.

10. *Н а ш ф л о т*. — Написано в 1844 г. В начале 40-х годов велась пропаганда в пользу создания немецкого флота. Герверг в 1841 г. написал стихи «Немецкий флот» — по поводу юбилея ганзейского союза, Фрейлиграт опубликовал сонеты под названием «Сны о флоте» и в этих сонетах раздавал воображаемым немецким кораблям под черно-красно-золотым знаменем громкие имена: «Ардт», «Доктор Лютер», «Гете», «Шиллер», «Александр фон Гумбольдт». Гейне пародирует «флотские сны» Фрейлиграта.

П р у т ц — Роберт Пруц, приобретавший тогда известность молодой автор — критик, поэт и драматург.

Сияя царя мавританского бюст... — насмешки над стихотворением Фрейлиграта «Негритянский вождь».

Майер, Пфизгер, Колле, Шваб — поэты «швабской школы».

Бирх-Пфейфер Шарлотта (1800—1868) — актриса и драматург, автор множества ходовых пьес.

11. *Р о м а н с к о е с к а з а н и е*. — Впервые в печати в 1847 г. Подзаголовок: «Легенда замка». Герой этого стихотворения — король Фридрих-Вильгельм IV. Гейне пародирует легендарную генеалогию «короля-романтика».

12. *Т о р ж е с т в е н н а я к а н т а т а*. — Написана по поводу оперы Мейербера «Пророк» («Иоанн Лейденский»), поставленной в Париже в 1849 г. Мейербер был тогда полновластным хозяином музыкальной сцены. Гейне очень внимательно следил за его композиторской деятельностью и, одобряя оперы Мейербера в своих сообщениях, посвященных театру и музыке, не мог простить ему

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. III, стр. 15.

коммерческой шумихи, всякий раз возникавшей вокруг его новых произведений. Целых десять лет, прежде чем опера «Пророк» была закончена и поставлена, Мейербер возбуждал интерес публики различными толками о ней, пущенными им в ход через газеты и журналы.

Гуэн — один из друзей Мейербера и разносчиков его славы.

Брандус — музыкальный издатель; далее имеется в виду другой музыкальный издатель, Морис Шлезингер.

Как природа, как создатель! — указание на юношеское произведение Мейербера, называвшееся «Бог и природа».

13. *Михель после марта*. — Написано в 1850 г. Март — месяц, когда в Германии началась революция 1848 г.

Ардт и Ян — немецкие националисты, идеалом которых являлась средневековая Германская империя.

14. Опубликовано посмертно.

15. *Рационалистическое толкование*. — Из посмертных публикаций.

16. *По эту и по ту сторону Рейна*. — Из посмертных публикаций.

17. *Крик сердца*. — Предполагается, что написано в 1850 г.

18. *Избавитель*. — Написано по материалам сочинения Тьерри «История завоевания Англии норманнами».

Артур — последний кельтский король. Существовала легенда, что он не умер, что он скрывается и придет освободить свой народ. Легенда о короле Артуре приобрела особое значение после завоевания Англии норманнами, а затем и в пору войн, предшествовавших воцарению династии Плантагенетов. Новый король из этой династии, Генрих II (1154—1189), распространил слух, что найдена гробница короля Артура с латинской надписью, и повелел устроить королю Артуру вторичные похороны.

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, РОМАНСЫ, ФРАГМЕНТЫ 1828—1850 ГОДОВ

В этом отделе помещены стихотворения, написанные Гейне в промежутке между выходом «Книги песен» и «Романсеро». Многие из них были опубликованы только посмертно. Стихотворения расположены в хронологической последовательности, однако лишь в немногих случаях дата написания может быть установлена точно. Согласно предположениям Эрнста Эльстера и других исследователей Гейне, хронология здесь такова: 1828 год —

стихотворения 1 — 4; 1829 — 5; 1830 — 6—18; 1833 — 19; 1835—20; 30-е годы, без более точной даты — 22; 1836 — 23; 1838 — 24; 1841 — 25, 26; 1844 — 27—29; 1845 — 30, 31; 1850 — 32—36.

2. К д е в и ч н и к у. — По всей вероятности, написано поздним летом 1828 г., когда Гейне получил известие, что его кузина Тереза Гейне («вторая любовь» из «Книги песен»; см. цикл «Опять на родине») вышла замуж за Адольфа фон Галле.

9. Итальянскую песню «Occhie stelle mortale» Гейне цитирует в «Луккских водах».

26. К д о ч е р и в о з л ю б л е н н о й. — В рукописи озаглавлено «В альбом Елизавете Фридендер» и датировано: Гамбург, 5 сентября 1844 г. Елизавета Фридендер — шестилетняя дочь кузины Гейне Амалии Фридендер; Амалия — юношеская любовь Гейне, главная героиня «Книги песен».

Господин Лузиньян — герой народной книги XV века «Мелюзина». Лузиньян, муж Мелюзины, нарушает договор, бывший между ними. Он подглядывает, как Мелюзина купается, и узнает тайну Мелюзины — у нее змеиный хвост.

ПОЭМЫ

АТТА ТРОЛЛЬ

Поэма «Атта Тролль» была набросана Гейне осенью 1841 года по следам его недавних летних впечатлений: лето Гейне провел в Пиренях, на купаньях в Котре. Разумеется, Пиренеи дали поэту только фон и колорит. Идейное содержание восходит к темам, которые Гейне вел как публицист с середины 30-х годов. Здесь нужно иметь в виду его полемику против поэтов «швабской школы» и его полемику против Менцеля. «Швабов» Гейне преследовал как отсталых мелких буржуа, как поэтических глашатаев немецкой патриархальности и немецкого провинциализма. Poleмика с Менцелем, заклеянным Гейне в 1837 году в памфлете «О доносчике» (предисловие к третьему тому «Салонов»), в некоторых отношениях стояла близко к антишвабским высказываниям Гейне. Недавно прикидывавшийся радикалом популярный публицист и литературный критик Вольфганг Менцель в 1835 году ополчился против писателей из группы «Молодая Германия», считавших своим духовным отцом Генриха Гейне. Статьи Менцеля, обличавшие «Молодую Германию», сыграли роль доноса — они положили начало правительственному гонению на Гейне и его литературных друзей. Менцель сбросил

маску: прогрессист оказался ретроградом, бешеным филистером, приверженцем застоя, всего, что обрекало Германию на отсталость. У Менцеля обнаружались вкусы и идеи, родственные «швабским поэтам», с той разницей, что «швабы» вели себя гораздо благопристойнее и прямой поддержки реакционным немецким правительствам не оказывали. В истории Менцеля было поучительно еще и то, что он проявил себя неумеренным националистом. Идеал немецкой нации для Менцеля заключался в остатках средневековых учреждений и порядков; что несло с собой новое время, то Менцель яростно отвергал, называя все явления буржуазно-демократического прогресса антинемецкими. Менцель сходил по своим убеждениям с издавна осмеянными Гейне «тевтонистами», с идеологами типа «папаша» Яна и Массмана. И у Менцеля и у тех национализм переходил в человеконенавистническую философию расы. «Почва», расовая кровь — вот единственные принципы, к которым Менцель и его предшественники возводили все на свете. В чем они видели проявление германской расы, то было благом, все прочее изничтожалось.

«Швабских поэтов» Гейне прямо задел в главе 22-й своей поэмы, где один из них изображен в трагикомическом положении. Но сатира в «Атта Тролль» на главных своих линиях не носит портретного характера. Даже «швабы» представлены обобщенно, хотя и названы некоторые имена. Что касается Менцеля, то ни прямо, ни косвенно он как таковой в поэме не указан. Менцель и подобные ему вошли в поэму как типическое явление того времени.

Полемика с Менцелем явилась одним из элементов подготовки Гейне к поэме, не больше того. Полемика с Менцелем навела Гейне на мысль, что современные реакционеры охотно надевают на себя личину сторонников демократических идей, что они ходят ряжеными и что эти уловки весьма существенны в их поведении. Медведь Атта Тролль в поэме Гейне — тоже немецкий филистер, патриот своей родной и плохо прибранной берлоги, однако же он поражает своих слушателей радикально-демократическими речами. Более того — Атта Тролль сплошь да рядом высказывается как социалист, приверженец не то Прудона, не то других французских и немецких теоретиков.

Гейне очень хорошо понял, что социализм может при известных условиях превратиться в фразу. Социализм для героя поэмы — не путь в лучшее будущее, но удобный предлог, чтобы отвергать достижения современной цивилизации. Социалистическая фраза у героя поэмы неотделима от его приверженности к социальному

примитиву, к отсталому строю жизни, столь любезному всякому филистеру и мелкому буржуа. Герой поэмы Гейне — один из первых в мировой литературе носителей лжесоциализма, один из первых демагогов, приспособляющих к социалистической фразе ради неблагоприятных целей общественной и политической реакции. Мелкий буржуа, не порвавший со средневековьем и феодализмом, он враждует с капиталистическим прогрессом, воображая, что его вражда по мотивам своим совпадает с учениями социалистов. Ко всему этому примешивается идеология расы и расового понимания природы и сущности нации. Поклонение всему медвежьему у Атта Тролля — это карикатура Гейне на апологетов расы и «почвы». И для них, как для Атта Тролля, вся мировая жизнь сводится к проблемам шкуры и шерсти. Отчасти этим и предопределен центральный образ в поэме Гейне, — людям зоологических инстинктов и зоологических убеждений подобает выступать в собирательном образе Атта Тролля, пререйского медведя.

Немало в поэме Гейне отголосков и другой полемики, которую он вел в прошлые годы, — полемики с Людвигом Берне и его единомышленниками. Pamфлет 1840 года против Берне произвел в Германии необыкновенный шум. Гейне напал на Берне, которому он не желал прощать его равнодушия ко всему, что не есть прямая политическая задача ближайшего дня. Людвиг Берне, как борца против немецкого самодержавия, Гейне всецело поддерживал, но Гейне был увлечен социальными перспективами, которые открывала эта борьба. Если Берне и его приверженцы заглядывали в более отдаленное будущее, то оказывалось, что царство политически эмансипированного мелкого буржуа — это и есть их конечный идеал. Они желали господства мелкой собственности и той посредственности, которая стала бы тогда всеобщим уделом. Берне, и в особенности бернеанцы, тяготели к социальному уравнительству, они относились неприязненно к богатству и размаху современной культуры. Нечто от уравнительных тенденций бернеанцев и от их мелкобуржуазности вошло у Гейне в образ Атта Тролля. Возвращается Гейне и к антитезе, выдвинутой Людвигом Берне, — антитезе «таланта и характера». Берне в свое время высказал мысль, что Гейне — это всего лишь «талант» и что «характера» Гейне не дано. Под «талантом» Берне подразумевал не только талант поэта, но и присущие Гейне — чрезмерные и вредные, по мнению Берне, — богатство натуры и широту симпатий. «Характер», согласно Берне, предполагает пуританскую суровость, исключительность целей, сознательное самообеднение. Гейне повернул против Берне эту антитезу: медведь Атта Тролля — действительно обладатель «ха-

рактера», а в «талантах» ему отказано. Со всей резкостью осмеяна у Гейне любимая Берне и его сторонниками формула «таланта и характера» в заключительных строфах главы 24, где воспроизводится воображаемая надпись на воображаемом памятнике погибшему Атта Тролль. За противоположностью «таланта» и «характера» у Гейне стоит другая противоположность, более общего значения — между «эллинизмом» и «назарейством». Начиная с 30-х годов «эллины» и «назарейне» представляют у Гейне две основные противоборствующие силы в мировой культуре. «Эллины» и «назарейне» — это два мировоззрения и два идеала. Богатство и высоту исторического развития Гейне считал той ценностью, к которой привержены «эллины». А ценности «назарейн» — скудная жизнь, урезанные права человеческой личности, страх перед требованиями плоти, и все это ради интересов уравниательства и торжества добродетелей, связанных с ним. В главах 18-й и 19-й своей поэмы Гейне возносит хвалу «эллинизму». Поезд «дикой охоты», описанный в главе 18-й, — это триумф природных сил человечества, свободно развившихся, это поэзия и слава человеческой истории. Примечательно, что в поезде «дикой охоты» участвуют величайшие поэты — Шекспир и Гете. По поводу Гете у Гейне был старый спор с Людвигом Берне, отрицавшим положительное значение Гете для Германии и для немецкого народа (в чем Берне сходилась с Менцелем). Гете — один из гордых и великолепных «эллинов» в понимании Гейне. Поклонение Гете является у Гейне вызовом Людвигу Берне и другим «назарейнам».

Поэма «Атта Тролль» создавалась в обстановке политического оживления Германии 40-х годов — оживления, таившего в себе подготовку к немецкой буржуазно-демократической революции. К старым спорам Гейне возвращается потому, что мотивы этих споров звучали в 40-х годах по-новому. И Менцель, и «швабы», и даже Людвиг Берне как общественные деятели, как идеологи утратили злободневность. Но у них были новые продолжатели. Узость Берне и его программы Гейне находил у многих политических поэтов, появившихся с начала 40-х годов, кипевших «характером» и презрительно относившихся к «таланту», которого они были лишены. В канун буржуазно-демократической революции приобрели новую активность и национализм, и лжесоциализм, и другие формы демагогии, борьба с которыми была неизбежна для последовательной революционной партии. Атта Тролль, филистер с тирадами о равенстве, сказался также в «истинных социалистах», позднее ставших проповедовать в Германии свое учение. Маркс и Энгельс посвятили немало времени разоблачению лжи

«истинных социалистов». Поэма Гейне проверяла ряды оппозиции, противостоявшей старому режиму в Германии, давала справедливую оценку ее деятелям и веселым и злым смехом уничтожала тех из них, кто ложно выдавал себя за революционера. Поэма указывала, как далеко и куда именно может привести то или другое течение внутри оппозиции, — поэма Гейне была смотром оппозиционных сил. Гейне уделил особое внимание немецкой мелкой буржуазии, ее предрассудкам и иллюзиям, — мелкая буржуазия в тогдашней Германии, как об этом неоднократно писали Маркс и Энгельс, являлась характернейшим национальным явлением, — по общему типу своего социального развития Германия была мелкобуржуазной страной. Бичуя пороки мелкой буржуазии, Гейне тем самым призывал к национальному оздоровлению, к более значительным масштабам национальной жизни.

Первая публикация поэмы «Атта Тролль» — в периодической печати, в «*Zeitung für die elegante Welt*», 1843, № 1—10. Гейне отдал свою поэму в это издание, желая поддержать своего друга Генриха Лаубе, стоявшего во главе его.

В весьма измененном виде поэма «Атта Тролль» появилась отдельным изданием только в 1847 году. Здесь впервые ей был дан подзаголовок «Сон в летнюю ночь» — как контраст к «Зимней сказке», подзаголовку поэмы «Германия».

Предисловие

Стр. 181. *Великий бунт*. — Гейне имеет в виду полемику, которую вызвала его книга «Людвиг Берне» (1840). Когда полемика несколько утихла, Гейне пришлось еще в сентябре 1841 г. драться на дуэли с Соломоном Штраусом, который мстил Гейне за свою жепу, подругу Берне, задетую Гейне в его памфлете.

Стр. 182. *Оппозиция, как сказал Руге...* — Сначала у Гейне было написано: «Оппозиция, как сказал Руге, сбросила свою грубую шкуру». Но Гейне потом устранил ссылку на Руге. Гейне был недоволен Руге и не хотел его упоминать. Арнольд Руге — известный гегельянец, вначале довольно близкий к молодому Марксу; в 1838 г. Руге опубликовал статью о Гейне, содержащую немало интересных мыслей. Статья эта Гейне, однако, не понравилась.

Стр. 183. *...моего учителя...* — Во французском переводе, отредактированном Гейне, прямо назван Август Шлегель — один из вождей романтической школы, наставник Гейне по Боннскому университету.

Стр. 184. *Фрейлиграт* Фердинанд (1810—1876) — известный поэт, впервые выступил в литературе со сборником стихов в 1838 г. Это были стихи в духе риторической романтики, написанные на экзотические темы, отличавшиеся крикливостью красок, любовью к контрастам и преувеличениям, к подчеркнuto звучащей фонетике, к вычурным рифмам. Первый сборник лишь в малой степени предвещал дальнейший путь Фрейлиграта, в революции 1848 г. превратившегося в одного из самых крупных политических поэтов Германии. Насмешки Гейне относятся к стихотворению «Негритянский вождь» («Der Mohrenfürst»), помещенному в сборнике 1838 г. (см. Фрейлиграт, Избранные произведения, М., 1956, стр. 20—23).

Г л а в а 1

Стр. 186. «*Grand' chaumière*» — увеселительное заведение в Париже.

Дон Карлос — младший брат испанского короля Фердинанда VII, после смерти его в 1833 г. поднявший восстание против регентши Марии-Христины. Дон Карлос опирался на клерикалов и на другие реакционные силы Испании.

Шнапганский... — Гейне называет этой воровской кличкой князя Феликса Лихновского, немецкого авантюриста, с 1837 г. служившего в войсках дон Карлоса. После поражения дон Карлоса Лихновский издал свои мемуары о гражданской войне в Испании (1841). Из-за мемуаров Лихновскому пришлось драться на дуэли, на которой он был тяжело ранен. В сентябре 1848 г. — года немецкой революции — Лихновского, известного своими контрреволюционными выступлениями, убили во Франкфурте. В своих статьях о немецкой революции Маркс и Энгельс довольно часто упоминают Лихновского и тоже именуют его «рыцарем Шнапганским». Ср. также роман Георга Веерта под этим названием.

Г л а в а 2

Стр. 189. *Донья Муньос*. — Королева Мария-Христина в 1838 году вышла замуж за одного из своих лейб-гвардейцев, дона Фернандо Муньос.

Г л а в а 4

Стр. 190. *Ронсеваль* — долина, где, по преданию, погиб один из сподвижников Карла Великого, его племянник Роланд, оставленный

там со своим отрядом. Битва с сарацинами при Ронсевале описана в знаменитой старофранцузской эпической поэме «Песнь о Роланде».

Стр. 190. *Голубой цветок трепещет*. — Голубой цветок — символ романтики и романтического томления. В романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» герою снится голубой цветок, — герой открывает в своей душе романтический мир.

Г л а в а 5

Стр. 195. *Раумер* Фридрих (1781—1873) — известный историк и публицист. Робкий либерал, в своих политических сочинениях оглядывавшийся на прусское правительство. Был известен и в России. В романе Тургенева «Накануне» Берсенева штудировал «Историю Гогенштауфенов», написанную Раумером (см. «Накануне», гл. 5).

Г л а в а 8

Стр. 201. *Бауэр* Бруно — один из левых учеников Гегеля, получивший известность в 40-х годах своими трудами по истории христианства, подрывающими авторитет религии.

Фейербах в 1841 г. опубликовал свою книгу «Сущность христианства», проповедующую атеизм и материализм. Книга Фейербаха сыграла крупную роль в истории материалистической философии.

Г л а в а 10

Стр. 205. *Клятва Ганнибала*. — Девятилетним мальчиком Ганнибал по требованию своего отца Гамилькара поклялся перед алтарем никогда не вступать в дружбу с Римом, старым врагом Карфагенской республики.

Г л а в а 11

Стр. 207. *Ollea potrida* — испанское кушанье, смесь из мяса разных сортов и овощей.

Гарбанцос — особая разновидность гороха, «турецкий горох»; обычная пища бедняков в Испании.

Г л а в а 12

Стр. 210. *Мумме* — крепкое сладкое темнокоричневое пиво. Названо так по имени Христиана Мумме, впервые ставшего варить его.

Г л а в а 13

Стр. 212. *Стикс* — в греческой мифологии река, через которую перевозились в подземное царство души умерших; *Прозерпина* — подземная богиня; *Харон* — перевозчик душ.

Г л а в а 15

Стр. 216. *Каготы* — остатки старинного племени; живут на юге Франции и в Испании. В силу укоренившихся предрассудков окружающее население относилось к каготам презрительно и избегало всякого общения с ними.

Г л а в а 18

Стр. 222. *Немврод* — один из героев Ветхого завета, строитель города Ниневии; прославленный охотник.

Карл Десятый — французский король, проводивший политику реставрации; июльская революция 1830 г. положила конец его царствованию.

Король Артур — герой древних кельтских легенд.

Ожье Датчанин — легендарный герой из окружения Карла Великого.

Вольфганг — Вольфганг Гете.

Генстенберг — берлинский профессор, теолог, автор сочинений, направленных против Гете.

Вильям — Вильям Шекспир.

Стр. 223. *Франц Горн* — историк литературы, автор пятитомного сочинения «Драмы Шекспира» (1823—1831), многословного и поверхностного.

Г л а в а 19

Стр. 225. *Актеон* — в античном мифе охотник, превращенный в оленя в наказание за похвальбу, будто он подсмотрел, как купается целомудренная богиня Диана. Собственные собаки Актеона бросились за ним и растерзали его.

Стр. 225. *Мастер Грёз* — Жан-Батист Грез (1725—1805) — знаменитый французский художник. Писал картины в буржуазно-идиллическом духе, нередко с эротическим оттенком.

Стр. 227. *Плеоназм* — тождественные по значению, излишние слова, не вносящие ничего нового в смысл сказанного.

Г л а в а 20

Стр. 229. *Назареец* — христианин.

Стр. 230. *Ерушолаим* (евр.) — Иерусалим.

Г л а в а 21

Стр. 232. *Аргонавты* в греческом мифе на корабле «Арго» отправились за золотым руном в Колхиду; предводителем аргонатов был *Ясон*.

Тридцать шесть монархов — тридцать шесть государей, стоявших во главе раздробленной на тридцать шесть государств Германии.

Стр. 235. «*Robert le Diable*» — «Роберт Дьявол», опера Мейербера.

Г л а в а 22

Стр. 237. *Карл Майер* — мелкий поэт «швабской школы».

Штуккерт — город Штутгарт, столица герцогства Вюртембергского.

Стр. 238. *Кёлле* — вюртембергский сановник, поэт и публицист. Жил в Париже, Риме, Гааге, Мюнхене и в других городах.

Юстинус Кернер — известный поэт и прозаик «швабской школы»; занимался мистическими изысканиями. Ирония Гейне в том, что именно мистик Кернер дает рекомендательное письмо к старой ведьме Ураке; Урака — одно из знакомств, обычных для Кернера.

Стр. 239. *Фривольный гетеанец...* — В отсталых кругах Германии Гете слыл «язычником» — писателем, чрезмерно переоценивающим чувственный мир, его блага и радости.

Нравственно-религиозный плащ убогой нищеты — известное выражение Гете по поводу романтиков с религиозной тенденцией, в частности по поводу «швабского» поэта Густава Пфифера.

Стр. 240. *Стихи Густава Пфифера* вышли в свет в 1831 г. и встретили резкую отповедь Гейне.

Стр. 241. *Шнапганский* — см. примечание к гл. 1. В конце своих мемуаров Феликс Лихновский, именуемый у Гейне Шнапганским, рассказывает, что в последний период гражданской войны в армии дон Карлоса царил полный развал. Карлисты отступили на территорию Франции и там сдали оружие. Сам Лихновский подвергся очень трудным испытаниям. Однажды ему пришлось выпрыгнуть в окно, и только так он спас свою жизнь.

Стр. 242. *Эспартеро* — известный испанский генерал; в гражданской войне, вызванной дон Карлосом (см. примечание к гл. 1), командовал войсками, защищавшими королеву Марию-Христину, и нанес карлистам тяжелые поражения. Был регентом Испании.

Одоардо — герой трагедии Лессинга «Эмилия Галотти», человек высокой добродетели; убивает свою дочь Эмилию, чтобы спасти ее от позора, — князь намеревался сделать Эмилию своей любовницей.

Он срывать не станет розу, не потрепанную бурей — почти точная цитата из «Эмилии Галотти» Лессинга. Старик Одоардо поражает Эмилию кинжалом: «О боже, что я сделал!» Эмилия отвечает: «Ты сорвал розу раньше, чем буря оборвала ее лепестки...» (акт V, явление 7).

Стр. 243. *Вещи есть, в каких не может разобраться и мыслитель* — цитата из «Гамлета» Шекспира, слова Гамлета, сказанные другу его Горацию (акт I, сцена 5):

Есть в мире тьма, Гораций, кой-чего,
Что высшей философии не снилось.¹

Г л а в а 24

Стр. 244. *Ганелон из Майнца*, как об этом повествуется в «Песне о Роланде», предал Роланда и был виновником его гибели в Ронсевальской долине.

Стр. 245. *Валгалла*. — Имеется в виду пантеон, построенный королем Людвигом I Баварским (см. примечания к стихотворениям «Мир навыворот» и «Хвалебные песни королю Людвигу»). Надпись на памятнике медведю — пародия на те надписи в стихах, которые король Людвиг I сочинял в честь героев, представленных в его Валгалле. Гейне пародирует стиль этого короля-стихослагателя.

¹ Перевод Б. Пастернака.

Стр. 246. *Дебора* — пророчица, о которой рассказывает библия; прославляла пением и пляской победы, одержанные пудеями.

Луи-Филипп — французский король, возведенный буржуазией на престол в дни июльской революции 1830 г. Царствовал вплоть до февральской революции 1848 г., низложившей его.

Стр. 247. *Лафайет* (1757—1834) — французский генерал, в молодости участвовавший добровольцем в войне за независимость Североамериканских Соединенных Штатов, деятель французской революции, — поэтому он именуется «героем обеих наций». Новую популярность Лафайет приобрел как один из деятелей июльской революции 1830 г. В нем видели живого носителя революционных традиций, хотя политическая роль его была сомнительна; он всегда был сторонником умеренности и в 1830 г. способствовал возведению на престол «короля-буржуа» Луи-Филиппа.

К заключительной строфе. — Не совсем точно цитируется заключительное двустишие из «Богов Греции» Шиллера.

Г л а в а 26

Стр. 248. *Jardin des Plantes* — ботанический сад в Париже.

Стр. 249. *Я ведь мавр, у Фрейлиграта...* — См. примечание к предисловию «Атта Тролль».

См. у Фрейлиграта «Негритянский вождь».

Барабан в ожерелье из черепков

Гнал из пустыни гадюк и львов...¹

Заключительные строфы — пародия на стихи из «Негритянского вождя»:

Мутной реки разрывая пл,

Голову высунул крокодил...²

Г л а в а 27

Стр. 250. *Август Фарнгаген фон Энзе* — известный берлинский литератор и дипломат, давний друг Гейне.

Мазстро Людвиго — известный итальянский поэт Людовико Ариосто (1474—1533). Свою поэму «Неистовый Роланд»,

¹ Перевод Вс. Рождественского.

² Перевод Вс. Рождественского.

написанную в комическом и авантюрно-фантастическом стиле, Ариосто посвятил кардиналу Ипполито Эсте, у которого он состоял на службе.

Брентано, Шамиссо, Фукс — поэты, принадлежащие к поздней плеяде немецких романтиков. Все трое пользовались литературной симпатией Гейне.

Стр. 252. *Гуси, что спасали Капитолий!* — По древнеримскому преданию, гуси, находившиеся на Капитолии, услышав, что приближаются враги, стали гоготать, разбудили спящую стражу и тем спасли Рим от нападения. Капитолий — крепость в древнем Риме, его религиозный и политический центр.

Беллона — богиня войны у древних римлян.

Берсеркерская ярость. — В древнесеверных сказаниях берсеркеры — воины, сила которых умножается, когда во время боя они впадают в ярость.

ГЕРМАНИЯ

Поэма «Германия» связана с поездкой на родину, которую Гейне совершил после тринадцатилетнего отсутствия. 21 октября 1843 года Гейне покинул Париж и через Брюссель, Амстердам и Бремен добрался 29 октября до Гамбурга, составлявшего цель этого путешествия. В Гамбурге Гейне повидался с матерью и другими родственниками. 7 декабря Гейне выехал из Гамбурга и направился в Париж через Ахен, Кельн, Мюльгейм, Унну, Тевтобургский лес, Падерборн, Минден, Бюкебург, Ганновер и Гарбург. В поэме описан именно этот обратный маршрут, но Гейне о нем говорит как о маршруте, по которому он следовал из Парижа в Гамбург. Работа над поэмой значительно подвинулась вскоре после возвращения в Париж, в январе 1844 года. Она складывалась еще в дороге. Гейне сообщал своему издателю Кампе: «...стихи... даются мне с большею легкостью, когда я дышу немецким воздухом» (письмо от 29 декабря 1843 года). Лето и осень 1844 года Гейне снова провел в Гамбурге, наблюдал за печатаньем своей поэмы в издательстве Кампе, внося добавления, меняя в иных случаях текст и сокращая его. Гейне стремился оградить свою поэму от цензурного вмешательства. По собственным его словам, он создавал поэму без всяких размышлений о том, что цензура скажет по поводу нее. На худой конец Гейне был готов печатать свое произведение в Париже или где-нибудь в Швейцарии. Чтобы обойти цензуру, Гейне включил «Германию» в уже подготовленный сборник «Новые стихотворения», — объем его превышал двадцать печатных листов, и по закону такие издания цензуре не подлежали. Однако тут же он подгото-

вил вместе с Кампе издание «Германии» отдельной книгой, прошедшее через довольно милосердную цензуру в Гамбурге, потребовавшую все же сокращений в главах 3-й и 19-й в интересах Пруссии и Ганновера, с правительствами которых вольный город Гамбург старался поддерживать добрые отношения. Это не помешало Гейне для отдельного издания внести очень смелые строфы в конце 4-й главы.

Поэма «Германия» — вершина политической поэзии Гейне. Она полна энергии, сатира ее широка и беспощадна, положительный пафос ее высок. Гейне проповедует радикальное освобождение немецкого народа, политическое, социальное, духовное, и указывает на социализм как на высшую цель, к которой должна стремиться Германия. «Новая лучшая песнь», обещанная в приступе к поэме, — это и есть социализм, как его понимает Гейне. Он прокламирует идеи сен-симонистов, воспринятые им, однако, очень свободно, без догматизма, без доктринерства. В поэме сен-симонизм, собственно, сводится к проповеди коренного переустройства материальных отношений в обществе без эксплуатации, без рабства в любых его разновидностях. В этом и заключается смысл «царства господня на земле», к которому призывает Гейне, пользуясь формулами сен-симонистов. Ученики Сен-Симона, так же как и их учитель, не до конца порвали с религией. У Гейне проповедь земного рая отчетливо носит характер полной противоположности религиозным учениям. Она скорее пародирует их, чем держится за них. Социалистические идеалы поэмы «Германия» следует подчеркнуть, так как враги Гейне всегда старались уверить читателей, будто его поэма лишена всякого положительного содержания и прославляет разрушение ради разрушения.

Критическая сторона поэмы очень сильна, и именно потому, что автором владеет положительный пафос. Гейне добивается национального возрождения Германии, почти три столетия влачившей существование отставшей, обнищавшей, униженной своими властителями страны. Он казнит сатирой немецкие правительства и немецкие порядки, безжалостен ко всему архаическому в Германии, глумится над отжившими средневековыми учреждениями, обличает ввевшийся в характер немецкого народа сервизизм и старается возбудить в нем гражданскую доблесть. Гейне желает, чтобы народ Германии взял свою судьбу в собственные руки, не доверяясь более своим правителям и не ожидая, что явится некий Мессия и поведет за собой нацию ему одному известными путями. Идея национального Мессии подвергается уничтожающей критике в главах, посвященных Фридриху Барбароссе.

Заглядывая далеко вперед, прокламируя социалистическую будущность Германии, Гейне не упускает из виду и ближайших задач, стоящих перед немецким народом. Одна из важнейших тем его «Германии» — пути и формы национального объединения. Гейне хорошо видел, что прусское государство во главе с династией Гогенцоллернов приберегает для себя роль будущего объединителя и уже делает первые серьезные шаги в этом направлении. Главенство Пруссии обещало преобладание дворянства и военщины, полицейско-монархический режим, распространенный на всю Германию. Пруссия должна была оказаться тормозом в демократическом развитии страны. Новый прусский король Фридрих-Вильгельм IV по каждому поводу давал понять, что его идеалы лежат в средневековье и что он не намерен уступать современным потребностям. Гегемония Пруссии была бы тем же «путем Барбароссы», и Гейне пользуется всяким случаем, чтобы подорвать авторитет Пруссии и пруссачества и предостеречь немцев против прусских притязаний.

В декабре 1843 года Карл Маркс, тоже переселившийся в Париж, познакомился с Гейне и поддерживал с ним в период своей парижской жизни оживленнейшие отношения (из Парижа Маркс был выслан в начале 1845 года). Гейне умел оценить революционный темперамент и необычайный ум тогда еще очень молодого и мало известного Маркса, и в некоторых отношениях Гейне подчинился влиянию своего нового друга. Поэма «Германия» создавалась в пору постоянных встреч и разговоров с Марксом. Надо полагать, что не без воздействия Маркса автор «Германии» научился столь прямо и решительно подходить к основным вопросам времени. Будущую Германию Гейне представляет себе как демократическую республику. Он отвергает объединение сверху, подразумевая объединение снизу, силами народных масс. Поэма Гейне воспитывала в немецком народе революционное сознание.

Замечательна глава 12 — разговор с волками. Гейне апеллирует к плебейской Германии, ибо от нее он ожидает революционной решимости. Бюргерство в гамбургских главах Гейне изображает во всей его политической неприглядности, во всей его погруженности в обыденные буржуазные дела. Богиня Гаммония, со всеми ее речами, полными сентиментальности, ханжества и оппортунизма, выражает у Гейне дух, настроения и возможности бюргерства, — ведь Гаммония — верховное божество Гамбурга, старого вольного города буржуазии, купеческой республики, гордившейся своей традиционной самостоятельностью.

Ни одно произведение немецкой литературы 40-х годов не приближало так безоговорочно к надвигающейся революции, как поэма Гейне. Революцию Гейне воспринимает как великую очистительную силу, призванную освободить немецкий народ не только от устарелых политических институтов, но и до конца от рабского духа, одолевшего его вместе с его историческими неудачами. Ретрограды обвиняли Гейне, что у него нет любви к немецкому народу и что своей поэмой он доказал это. В. Г. Белинский сказал о формах и о проявлениях патриотизма: «...ненависть иногда бывает только особою формою любви». Так и у Гейне. Он ненавидит униженные немцев и их согласие на это унижение — и это обратная сторона любви Гейне к немецкому народу в его лучшем и свободном будущем.

В сентябре 1844 года Гейне выслал из Гамбурга корректурные листы «Германии» Карлу Марксу для напечатания в газете «Vorwärts», издававшейся тогда в Париже при близком участии Маркса и его друзей. Гейне хотел, чтобы Маркс своевременно опубликовал в своей газете те главы «Германии», которые он найдет лучшими.

Как уже говорилось, при жизни Гейне «Германия» была опубликована дважды: при «Новых стихотворениях» (1844) и в качестве отдельной книги, изданной в том же году. После смерти Гейне издатель Кампе, в руках которого была рукопись «Германии», выпустил поэму («Стихотворения Гейне», том 4, 1857) со всякого рода произвольно введенными дополнениями. Текст, по которому мы здесь печатаем поэму Гейне, соответствует первому изданию при «Новых стихотворениях», с некоторыми поправками на отдельный оттиск, сделанный тогда же. Мы присоединяем к 4-й главе пять заключительных строф, сочиненных Гейне для этого оттиска. Большое значение для текста Гейне имела публикация его поэмы по рукописи: *Heinrich Heine, Deutschland, Ein Wintermärchen, Faksimiledruck nach der Handschrift des Dichters, hg. von Fr. Hirth, 1915.* Новые материалы позволили точно установить авторскую волю Гейне, показали, что он сам устранил из текста и что все же сохранил Кампе в своем третьем издании. Те или другие строфы были изъяты Гейне по художественным соображениям. Они отсутствуют и во французском издании поэмы, за которым Гейне сам наблюдал и в котором он был свободен от каких-либо цензурных требований. Обычно русские издания придерживались текста, предложенного Эрнстом Эльстером. Но и сам Эльстер в своем втором издании сочинений Гейне дал новую версию текста, которую мы здесь и берем за основу.

Предисловие

Напечатано было при отдельном оттиске поэмы в 1844 году, однако попало не во все экземпляры этого издания. Гейне извещал Маркса в письме от 21 сентября 1844 года по поводу оттиска: «...я написал к нему предисловие — очень откровенное, в нем самым решительным образом бросаю перчатку националистам».

Стр. 265. *Альстер* — река, на которой расположен Гамбург.

Стр. 267. *Шуфтерле* — один из персонажей драмы Шиллера «Разбойники», отъявленный негодяй, позорящий благородное дело, во имя которого выступает Карл Моор. По всей видимости, Гейне подразумевает здесь Карла Гуцкова, своего тогдашнего литературного врага.

Глава 1

Стр. 269. *Мы новую песнь, мы лучшую песнь...* — В этой строфе и в последующих Гейне рисует грядущее счастливое царство человечества и «третье царство», как о нем учили утопические социалисты, последователи Сеп-Симона, причем Гейне освобождается от мистической фразеологии этой школы и с умыслом выделяет простые, реальные подробности будущего: всеобщее довольство, «сладкий горошек» для всех и каждого и т. д. Социализм у Гейне представлен с большим подчеркиванием его материальной сущности, чем это привычно было учению сен-симонистов.

Глава 2

Стр. 270. *Гигант, материнской коснувшись груди...* — Здесь подразумевается миф об Антее, гиганте, который становился непобедимо сильным, едва только нога его касалась матероземли.

Стр. 271. *Сам Гофман фон Фаллерслебен для вас...* — обычный у Гейне выпад против этого политического поэта, чьи стихотворения Гейне считал гораздо менее опасными, чем это представлялось прусскому правительству, наложившему на них запрет.

Таможенный прусский союз. — Образованию единого национального рынка в Германии чрезвычайно препятствовали таможенные перегородки между отдельными немецкими государствами. После наполеоновских войн создавались таможенные союзы, в 1834 г. весьма расширился таможенный союз многих больших и малых земель, находившийся под влиянием Пруссии. В 1840 г. это объединение

сделало еще новые успехи. Пруссия, таким образом, подготавливала свою гегемонию в экономической жизни Германии, что было предварительным условием и для гегемонии политической. Главенство Пруссии заставляло Гейне скептически взирать на достижения таможенного союза. Энгельс писал о Пруссии и таможенном союзе: «...чем больше расширялся таможенный союз, втягивая мелкие государства в этот внутренний рынок, тем больше поднимавшаяся буржуазия этих государств привыкала смотреть на Пруссию как на свой экономический, а в будущем и политический оплот».¹

Г л а в а 3

Стр. 272. *Ахен* — город Рейнской области, был резиденцией Карла Великого. В средние века германские императоры короновались в Ахене.

Император Карл Великий. — У Гейне Carolus Magnus и Карл Майер сопоставляются. О Карле Майере, незначительном поэте «швабской школы», см. в примечаниях к главе 22-й «Атта Тролль». Шутка Гейне: по-латыни сравнительная степень от слова «magnus» (большой) — «maior» (больший). Следовательно, Carolus Magnus и имя поэта — Karl Mayer — не только сопоставляются, но еще и выходит, что Karl Mayer — некто больший, чем Карл Великий.

Кернер Теодор (1791—1813) — поэт, участник освободительной войны против Наполеона. Его военно-патриотические стихи (сборник «Лира и меч», 1814) воодушевляли современников, но страдали риторичностью и были художественно незрелы.

Ты и он. — Вплоть до начала XIX в. местоимение «он» употреблялось в немецком языке как форма обращения высших к низшим.

Стр. 273. *Зато кавалерии новый костюм...* — Здесь говорится о новых костюмах для войска, введенных прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV в начале 40-х годов. Для Гейне эти средневековые костюмы и каски — характерное проявление политики «короля-романтика», возмечтавшего вернуть свою страну к умершим формам исторической жизни.

Иоганна фон Монфокон — название «романтического представления XIV столетия, в пяти актах», написанного Августом Коцебу (1800).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 466.

Стр. 273. *На почте я знакомый герб...* — Здесь говорится о черном одноглавом орле — гербе прусского государства.

Стр. 274. *Веселое состязанье...* — Здесь говорится о старинных состязаниях стрелков. Мишенью для них служила деревянная птица. Победителя объявляли королем стрелков и короновали его. Праздник стрелков Гейне изобразил в V акте своей «танцевальной поэмы» о докторе Фаусте. Рейнские стрелки у Гейне стреляют в прусского орла, что имеет особый политический смысл. В рейнских провинциях ненавидели Пруссию, захватившую после освободительной войны власть над ними. Рейнские провинции были наиболее развитой в экономическом отношении частью Германии; во времена французской революции, а затем и при Наполеоне они находились под властью Франции, отменившей феодальные привилегии, крепостное право и установившей буржуазный правовой порядок на этой немецкой территории. Для рейнских жителей был неприемлем режим Пруссии, самодержавно-крепостнический, бюрократический и милитаристский.

Г л а в а 4

Стр. 275. — *Темные люди* — кельнские церковники XVI века, во главе с Гохстратеном. Они враждовали с гуманистами, с Ульрихом фон Гуттенем и его друзьями, которые и окрестили их этим именем, сочинив сатирическую книгу «Письма темных людей».

Менцель — см. примечание к предисловию к «Атта Тролль».

Стр. 276. *Кельнский собор* — один из знаменитых памятников готического зодчества; Кельнский собор строился в XIII—XIV вв. В XVI в. строительные работы прекратились. Наступило время Реформации, неблагоприятное для них. После освободительных войн 1813—1815 гг. в литературе велась пропаганда в пользу достройки собора. Прусский король Фридрих-Вильгельм IV поддержал ревнителей этой идеи, соответствовавшей его романтической политике — всегда и всюду охранять интересы старины, каковы бы они ни были. В 1842 г. был основан Соборный союз, и повсюду собирали средства. В том же году торжественно начаты были новые строительные работы, и прусский король, любитель ораторских эффектов, выступил с очень пышной речью. Знаменитый пианист Франц Лист дал концерт, доставивший немалые суммы Соборному союзу. Ко дню торжеств штутгартский филиал Союза отправил в Кельн корабль с камнями, предназначенными для строительства собора. В сопроводительном письме швабских энтузиастов было сказано, что эти камни

должны послужить для архитектурной обработки окна, обращенного в сторону Швабии.

Стр. 276. *Конюшню из собора.* — Гейне имеет в виду события 1796 г., когда французские революционные войска заняли Кельн и превратили Кельнский собор в сарай для фуража.

Святые цари из восточной земли — три волхва, приходившие поклониться младенцу Иисусу, родившемуся в Вифлееме. В Кельнском соборе, согласно церковной легенде, покоились их мощи.

Стр. 277. *Те клетки железные, что висят...* — Здесь говорится о башне св. Ламберта в Мюнстере, с тремя железными клетками, где когда-то были выставлены тела казненных в 1536 г. Иоанна Лейденского, Книппердолинга и Крехтинга. «Портновский король» Иоанн Лейденский был вождем перекрещенцев, а Книппердолинг и Крехтинг — его ближайшими сподвижниками. Город Мюнстер, где укрепились перекрещенцы, после длительной осады был взят войсками архиепископа. Героическая оборона Мюнстера — последняя запоздавшая вспышка Великой крестьянской войны в Германии, разыгравшейся в 1525 г. Гейне советует переселить «трех святых царей» в железные клетки, где когда-то висели трое немецких мятежников, — это будет восстановлением политической и социальной справедливости.

В двух заключительных строфах Гейне намекает на поведение прусского короля Фридриха-Вильгельма III, в 1815 г., в минуту смертельной опасности для государства, обещавшего своим подданным конституцию и забывшего о ней, когда Наполеон был окончательно разгромлен войсками союзников и когда, как казалось, вернулась возможность управлять Пруссией по-старому.

Г л а в а 5

Разговор поэта с «отцом Рейном» касается и вопросов более общего значения и злободневных фактов. Воспоминания Рейна о французах и его симпатии к французам — отголоски тех времен, когда Рейнская область испытала влияние французской революции и была приобщена к ее политическим и социальным завоеваниям. Изнанка этих симпатий — ненависть жителей рейнской провинции к Пруссии.

Вопрос о французах в 40-х годах снова стал актуальным, ибо воинствующая буржуазная партия во главе с Тьером призывала к оккупации французами левого берега Рейна. Мелкий чиновник из Кельна Николай Беккер выступил летом 1840 года с шовинисти-

ческими стихами «Они его не будут иметь» — французы не будут иметь Рейна. Известный французский поэт Альфред Мюссе ответил стихами тоже шовинистического характера, но с французской стороны — «Мы его имели». Более сдержанно выступил в этом споре французский поэт Ламартин.

Стихи Николая Беккера вызвали чрезвычайный шум в Германии. В поощрение прусский король пожаловал автору тысячу талеров, а баварский король, в качестве «рейнского пфальцграфа», подарил автору серебряный кубок. Рейнская песня Беккера породила множество стихотворений, написанных в ответ ей. Среди них были и скептические — Р. Прутца, Дингельштедта, Готтшала. Весьма резонно Прутц напоминал немцам, что сперва они должны освободить самих себя, тогда и Рейн будет свободным и немецким.

У Гейне сам «отец Рейн» к песне Николая Беккера относится неприязненно. Сам Рейн не на стороне немецких националистов.

Точка зрения Гейне ясна. Он не хочет ставить вопрос о Рейне как вопрос военно-политический и посмеивается над Мюссе, равно как и над Беккером. Не бывшие французские завоевания он ценит, но свободный строй, который принесли они рейнским провинциям. Дело в том, чтобы немцы умели сохранить этот строй, и в том, чтобы совершенствовать его. О современной буржуазной Франции Гейне судит строго: это не страна с революционной миссией, как было полстолетия тому назад, но страна Июльской монархии, в которой с начала 40-х годов возобладали реакционная политика и реакционные настроения. Там нет былого подъема духа, былой смелости ума, там нет вольтерьянцев, и там увлекаются немецкой идеалистической философией — Кантом, Фихте, Гегелем, — это указание на пропаганду немецкой мысли во Франции, которой занимались мадам де Сталь и в особенности философ Виктор Кузен, эклектик. Фамилию Фихте Гейне передает на французский манер: Фиште, — немецкий идеалист стал французом, так как французы отрекаются от собственной материалистической традиции. Гейне шутит, заподозривая французов в приверженности даже к Генгстенбергу, к этому реакционнейшему берлинскому профессору, богослову-ортодоксу, гонителю «язычества» и свободной мысли.

Заключительная строфа дает авторское резюме: пусть «отец Рейн» утешится, пусть его не огорчают скверные песни — песни Беккера и Мюссе, — он вскоре услышит лучшую песню. В главе 1-й «лучшей песней» называлась песня грядущей немецкой революции, грядущей борьбы за социальное освобождение.

Г л а в а 6

Стр. 280. *Паганини* (1784—1840) — знаменитый скрипач, имя которого было окружено у современников романтическими легендами.

Spiritus familiaris (лат.) — домашний дух.

Джордж Гаррис — литератор, устроитель концертных поездов Паганини, автор книжки о нем, изданной в 1830 г.

Стр. 282. *Пред консулом ликтор носил топор...* — В республиканском Риме в качестве правителей государства избирались на год два консула. Эмблемой консульской власти были связки прутьев с торчащим в середине топором. Их несли перед консулом двенадцать ликторов.

Г л а в а 7

Стр. 283. *Я часто обмакивал пальцы в кровь...* — Косяки дверей, окрашенные кровью, — отзвуки библии (Исход, 13): «И будет у вас кровь знаменем на домах, где вы находитесь, и увижу кровь и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую». У Гейне смысл библейского текста изменен: в библии косяки, отмеченные кровью, — на домах, которые избегнут казни, у Гейне обратное — где знак крови, в тот дом и войдет смерть. Гейне связывает библейский текст со средневековым судом Фемы. Об этом суде говорил Маркс в речи на юбилее чартистской газеты в 1856 г.: «Для того, чтобы мстить за злодеяния правящих классов, в средние века в Германии существовало тайное судилище, так называемый «суд Фемы». Если на каком-нибудь доме видели красный крест, то уже знали, что хозяин его осужден «Фемой». Теперь на всех домах Европы начертан таинственный красный крест. Сама история теперь судья, — а исполнитель приговора — пролетариат».¹

Г л а в а 8

Стр. 285. *Гаген* — город в Вестфалии.

Стр. 286. *Мюльгейм* — город на правом берегу Рейна.

Весной тридцать первого года... — В мае 1831 г. Гейне покинул Германию и переехал в Париж.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XI, ч. 1, стр. 6.

Стр. 287. *Тянулся кортеж погребальный*. — В 1840 г. прах Наполеона перевезли во Францию с острова св. Елены. 15 декабря 1840 г. Наполеона торжественно похоронили в Париже, в Соборе Инвалидов.

Vive l'Empereur! (франц.) — да здравствует император!

Г л а в а 10

Стр. 289. *Унна* — город в Вестфалии.

Геттинген — город в Ганновере. Гейне был студентом Геттингенского университета в начале 20-х годов и состоял членом вестфальского землячества. Воспоминания о дуэлях автобиографичны: у Гейне предполагалась дуэль с одним из студентов, из-за чего Гейне в 1820 г. был удален из университета и вернулся туда только в 1824 г., чтобы завершить высшее образование.

Г л а в а 11

Стр. 290. *Тевтобургский лес*. — В 9 г. Герман (Арминий), вождь германского племени херусков, разбил в Тевтобургском лесу войска римского наместника Вара. Подвиг Арминия высоко ценили немецкие националисты, «тевтономаны», что и объясняет полемическую позицию Гейне.

Тацит (54—120) — римский историк, одна из книг которого — «Германия» — является важнейшим источником для изучения быта и нравов древних германцев.

Квириты — почетный титул римских граждан во времена Юлия Цезаря.

Гаруспекс — римский жрец, по внутренностям жертвенных животных гадавший о воле богов.

Генгстенберг — см. примечание к главе 18-й «Атта Тролль».

Неандер — профессор богословия в Берлине, современник Гейне.

Бирх-Пфейфер см. примечание на стр. 366.

Раумер — см. примечание к главе 5-й «Атта Тролль».

Фрейлиграт — Гейне снова задевает поэзию Фрейлиграта, уже осмеянную в поэме «Атта Тролль». В свой ранний период Фрейлиграт прибегал к вычурным рифмам, рассчитанным на чисто звуковой эффект. Древнеримская поэзия не знала рифм.

Стр. 291. *Ян* — Фридрих-Людвиг Ян (1778—1852), националист, вел пропаганду физического воспитания немецкой молодежи,

что должно было, как он предполагал, возродить нацию. Молодой Энгельс назвал Яна «мономаном гимнастики». Гейне именует Яна грубияном и попрошайкой, так как Ян старался держаться примитивных нравов древних германцев, а в 1838 г., когда сгорели его дом и библиотека, собирал для себя пособие по подписке.

Стр. 291. *Me Hercule* (лат.) — клянусь Геркулесом.

Массман — ученый-германист, агитатор в пользу гимнастики и немецкой национальной идеи, деятель одного направления с Яном. Глашатай национальной ограниченности, презрения к латыни и ко всему иноземному, Массман служил для Гейне постоянным предметом сатиры. Латинизация имени Массмана: Марк Туллий Цицерон — Марк Туллий Массман. Гейне шутит: Массман заговорит по-латыни, и не хуже Цицерона, великого древнеримского оратора.

Тридцать шесть владык — правители тридцати шести самостоятельных государств тогдашней Германии.

Шеллинг в поздний период своей деятельности стал реакционным мыслителем, идейным союзником прусского правительства, которое призвало его в Берлин на вакантную кафедру после смерти Гегеля.

Сенека — римский философ I в. н. э.; вскрыл себе вены, когда император Нерон приговорил его к смерти за мнимое участие в заговоре Пизона.

Корнелиус (1783—1867) — известный живописец, пользовавшийся покровительством сначала баварского, а потом прусского короля.

«Cacatum non est pictum!» (лат.) — испражняться не значит заниматься живописью.

Asinus (лат.) — осел.

Стр. 292. *Детмольд* — город, вблизи которого собирались воздвигнуть памятник Герману, победителю римлян в Тевтобургском лесу.

Г л а в а 12

Стр. 293. *Перебежал к собакам...* — После полемической книги Гейне против Людвиг Берне приверженцы Берне, и среди них Карл Гуцков, распускали слухи о политическом ренегатстве Гейне.

Кольб Густав — редактор «Аугсбургской всеобщей газеты», где Гейне помещал свои публицистические произведения.

Г л а в а 13

Стр. 294. *Сизиф* — царь Коринфа, осужденный в подземном мире вечно вкатывать на гору каменную глыбу, которая снова скатывается вниз (греч. миф.).

Данаиды — дочери царя Даная, осужденные за убийство своих мужей вечно наполнять водой бездонную бочку (греч. миф.).

Г л а в а 14

Стр. 295. «*О, солнце, гневное пламя!*» — Песня об Оттилии частично цитируется у Гейне в «Мемуарах». Эта народная песня существовала в нескольких вариантах. Всюду поется о девушке, которая попала в руки злодея, но дальнейшая судьба девушки рассказывается в песнях по-разному. Гейне связывает историю Оттилии с хорошо известным сюжетом о солнце-изобличителе, выводящем на свет страшную правду. Этот сюжет можно найти в сказках бр. Grimm, им воспользовался Шамиссо в одном из своих стихотворений.

О своей старухе няне Гейне подробно рассказывает в «Мемуарах». Старуха Циппель познакомила своего питомца с народными немецкими поверьями, сказаниями, сказками и песнями.

Мстители Фемы... — см. примечание к главе 7.

Я помню, как принцессу жалел... — Эта и следующие четыре строфы повторяют мотивы сказки бр. Grimm «Девочка с гусями».

Стр. 296. *О Ротбарте, кайзере грозном.* — Фридрих I Гогенштауфен, по прозванию Барбаросса (Рыжебородый), царствовал в 1152—1190 гг. Боролся с папством и с североитальянскими городами. Погиб в крестовом походе. Легенда о Барбароссе, который спит каменным сном в горе Кифгайзер, пока ворон не возвестит ему, что пора проснуться и снова взять власть над Германией, могла быть известной Гейне по «Немецким сказаниям» бр. Grimm. Популярность этой легенде создало стихотворение Рюккерта «Барбаросса» (1817).

Г л а в а 15

Стр. 298. «*Три всадника рысью летят из ворот*» — стих из народной песни.

Стр. 300. *Chi va piano, va sano* — итальянская поговорка: тише едешь, дальше будешь.

Стр. 301. *Семилетняя война* (1756—1763) — война Пруссии и Англии против России, Франции, Швеции и Испании.

У Гейне Барбаросса ничего не знает о событиях, последовавших за Семилетней войной. Очевидно, царствованием Фридриха II и Семилетней войной завершается тот период немецкой истории, который мог казаться неоскорбительным для средневекового императора и поддерживать в нем сознание, что заложенные им традиции еще продолжают. Дальше начинается период явного упадка, если судить о нем с точки зрения Барбароссы.

Моисей Мендельсон (1729—1786) — один из видных деятелей немецкого просветительства, друг и сподвижник Лессинга.

Карин — поэтесса, пользовавшаяся известностью в 60-х годах XVIII в.

Графиня Дюбарри (1744—1793) — фаворитка короля Людовика XV; вмешивалась в государственные дела, отличалась безмерной расточительностью. Кончила жизнь на эшафоте по приговору революционного трибунала.

Феликс Мендельсон (1809—1847) — известный композитор и музыкальный деятель, внук Моисея Мендельсона.

Кленке — поэтесса, дочь Каршин.

Гельмина Чези — дочь Кленке, поэтесса романтического направления.

Стр. 303. *А к черному с красным и золотым...* — Имеется в виду красное древко и черный одноглавый орел на золотом поле.

Глава 17

Стр. 303. *Да, крепко поспорил с кайзером я...* — намек на недавнее свидание Георга Гервега с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV. Король был как будто бы милостив к этому оппозиционному поэту, однако их отношения кончились высылкой Гервега за пределы Германии (см. примечания к стихотворению «Георг Гервег» — в цикле «Современные стихотворения», 12).

Стр. 304. *Священная римская империя* германской нации была основана в 962 г. Оттоном I. Ее расцвет относится к средневековью. Позднейшее ее существование было номинальным. После разгрома Австрии Наполеоном в 1806 г. австрийский император сложил с себя традиционный титул императора Священной римской империи.

Г л а в а 18

Стр. 305. «*Я — врач глазной, зовусь Никто...*» — Одиссей на вопрос циклопа Полифема ответил, что его зовут Никто. Когда пьяный циклоп заснул, Одиссей выколол циклопу его единственный глаз («Одиссея», песня 9) — «снял бельмо», как выражается Гейне.

Стр. 306. *Faubourg Poissonière* — парижский адрес Гейне в 1841—1846 гг.

Стр. 307. *Бюкебург* — главный город одного из маленьких немецких княжеств — Шаумбург-Липпе.

Г л а в а 19

Стр. 307. *Дантон* (1759—1794) — деятель французской революции, якобинец, впоследствии отправленный Робеспьером на гильотину. Когда друзья советовали Дантону спастись бегством, он ответил, что отчизну нельзя унести с собой на подошвах башмаков.

Стр. 308. *Эрнст-Август* — с 1837 г. король Ганновера. Отменил либеральную конституцию, принятую в 1833 г., после происходивших в Ганновере революционных волнений. До вступления на престол Эрнст-Август, сын английского короля Георга IV, был одним из лидеров консервативной партии (тори) в английской верхней палате — палате лордов.

Г л а в а 21

Стр. 310. *Полусгоревший город наш...* — Большой пожар в Гамбурге продолжался с 5 по 8 мая 1842 г. Погибло более четырех тысяч зданий, двадцать тысяч человек осталось без крова.

Где та печатня... — Гейне печатал I и II том «Путевых картин» в Гамбурге, в типографии Ланггофа, сгоревшей во время большого пожара.

Стр. 312. *Та птица, что снесла яйцо...* — Прусского одноглавого орла в антипруски настроенных областях называли кукушкой. Гейне предостерегает, как бы прусская кукушка не снесла яйца в парик гамбургского бургомистра — как бы Пруссия не заманила Гамбург в свой Таможенный союз.

Г л а в а 22

Стр. 313. *Старуха Гудель* — одна из жительниц Гамбурга, осмеянная Гейне в «Луккских водах» и в стихотворении «Спесь» (см. «Olea», 3).

Продавец бумаги — Эдуард Михаэлис, один из граждан Гамбурга.

Стр. 313. *Старый цензор* — гамбургский цензор Гофман.

Гумпелино — гамбургский банкир Лазарь Гумпель, выведенный Гейне в «Луккских водах» под именем Гумпелино. Во время пребывания Гейне в Гамбурге, в ноябре 1843 г., Гумпель скончался.

Стр. 314. *Саррас* — пудель гамбургского книгоиздателя Кампе, у которого издавались Гейне и другие оппозиционные писатели.

Для новых имеется новый храм... — Некоторые еврейские общины в Гамбурге стремились обновить иудаизм и приблизить свой культ к лютеранству, — это и есть люди «нового храма».

Г л а в а 23

Стр. 315. *Шофнье* — гамбургский врач.

Вилле — гамбургский литератор, стоял во главе двух гамбургских периодических изданий.

Фукс — гамбургский вольнодумец.

Канова — Антонио Канова (1757—1822), известный итальянский скульптор, сторонник классицизма, имитатор античных образцов.

Мой Кампе... — Кампе играл роль гостеприимного хозяина (как Амфитрион, герой комедий Плавта и Мольера).

Стр. 316. *Дрейбан* — улица в Гамбурге, пользовавшаяся дурной репутацией, населенная проститутками.

Стр. 318. *Гаммония* (Hammonia) — латинское название города Гамбурга.

Г л а в а 24

Стр. 318. *Клопшток* (1724—1803) — известный поэт, автор громадной религиозно-назидательной поэмы «Мессиада». Клопшток в дни своей молодости сыграл значительную и едва ли не революционную роль в развитии немецкой поэзии. Ко времени Гейне имя Клопштока — синоним скуки, растянутости, пустого морализирования.

Стр. 319. *Даммтор* — место, где жила мать поэта, Бетти Гейне.

Лотхен — сестра поэта. В следующей строфе говорится о дяде — богатом гамбургском банкире Соломоне Гейне.

Г л а в а 25

Стр. 322. *Лишить кокарды мог только суд...* — Фридрих Вильгельм IV ввел как особый вид наказания лишение права носить «государственную кокарду». Эта мера применялась к деятелям политической оппозиции.

Стр. 323. *И черный царь Фрейлиграта...* — Имеется в виду стихотворение Фрейлиграта «Негритянский вождь».

Г л а в а 26

Стр. 324. *Carolus Magnus — мой славный отец...* — Основание города и крепости Гамбург приписывается Карлу Великому.

Ротшильд — знаменитый франкфуртский банкир; его сыновья — тоже банкиры в столицах главных европейских стран. Ротшильды располагали весьма значительным финансовым могуществом и играли заметную роль в политической жизни Европы.

Стр. 325. *Тридцать шесть клоак* — тридцать шесть немецких государств.

Сен-Жюст — деятель французской революции, один из вождей якобинцев. Гейне точно передает его слова, сказанные на заседании Комитета общественного спасения.

Г л а в а 27

Стр. 328. *Аристофан, возлюбленный Камены* — Аристофан, любимец муз (у римлян каменами назывались музы). Гейне был горячим почитателем древнегреческого поэта Аристофана и часто говорил о нем в своих сочинениях и письмах. Особое восхищение вызвала у Гейне комедия Аристофана «Птицы», в которой он усматривал глубокий философский замысел. Комедии Аристофана всегда трактуют важнейшие вопросы политической и гражданской жизни Афин, отличаются необыкновенной смелостью, как политической, так и художественной, сочетают дерзкую игру фантазии с точным до мелочей отражением афинской действительности. Современных ему деятелей Аристофан выводит под их подлинными именами, причем не щадит самых высоких лиц в государстве. Злободневные события тоже представлены у Аристофана во всех своих характерных подробностях. И политический темперамент великого поэта афинской демократии и его художественная манера были очень близки Гейне. Современники называли Гейне «немецким Аристофаном». Он не отказывался от этого наименования, считая его высокой честью для себя.

Базилей и *Пайстетерос* — действующие лица комедии Аристофана «Птицы», поставленной в 414 г. до н. э.

«*Лягушки*» — комедия Аристофана, поставленная в 405 г. до н. э. В обработке Августа Копиша появилась на берлинской сцене в зимний сезон 1843—1844 гг.

Стр. 328. *Отец короля* — Фридрих-Вильгельм III, отец Фридриха-Вильгельма IV.

Я не советовал бы ему в Пруссии появляться. — Имеется в виду история Георга Гервега, высланного за пределы Пруссии, как только его поведение показалось королю чересчур самостоятельным, а также приказ об аресте Гейне, отданный прусским правительством 16 апреля 1844 г. и повторенный 21 декабря 1844 г.

Стр. 330. *Терцины.* — Поэма Данте «Божественная комедия» написана терцинами — строфами из трех стихов, из которых первый и третий рифмуются между собой, а второй рифмуется с первым и третьим стихами следующей строфы.

Н. Берковский

СО Д Е Р Ж А Н И Е

П О В Ы Е С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

Н О В А Я В Е С Н А

Пролог («Чуть не в каждой галерее...») <i>Перевод А. Блока</i> . . .	7
1. «В белый сад выходишь утром...» <i>Перевод В. Левика</i> . . .	7
2. «Счастьем девственным томимы...» <i>Перевод В. Левика</i> . . .	8
3. «Весенней ночи прекрасный взор...» <i>Перевод В. Коломий-</i> <i>цева</i>	8
4. «Люблю я цветок, но не знаю, который...» <i>Перевод</i> <i>В. Коломийцева</i>	9
5. «Вот май опять повеял...» <i>Перевод А. Блока</i>	9
6. «Тихо сердца глубины...» <i>Перевод А. Блока</i>	9
7. «Как страстно в розу влюблен мотылек...» <i>Перевод</i> <i>Т. Сильман</i>	10
8. «Все деревья зазвучали...» <i>Перевод В. Коломийцева</i> . . .	10
9. «И был вначале соловей...» <i>Перевод В. Левика</i>	11
10. «Весенней ночью, в теплый час...» <i>Перевод В. Коломий-</i> <i>цева</i>	11
11. «Грозит беда, набат раздается...» <i>Перевод В. Коломий-</i> <i>цева</i>	12
12. «Ах, я слез любовных жажду...» <i>Перевод В. Коломий-</i> <i>цева</i>	12
13. «Глаза весны синеют...» <i>Перевод В. Коломийцева</i>	12
14. «Только платьем мимоходом...» <i>Перевод А. Блока</i>	13
15. «Из вод подымая головку...» <i>Перевод А. К. Толстого</i> . . .	13

16.	«Если только ты не слеп...»	Перевод В. Коломийцева . . .	13
17.	«Что ночью весенней носишься ты?..»	Перевод В. Коломийцева	14
18.	«В глазах твоих синих-синих...»	Перевод Т. Сильман . . .	14
19.	«Снова сердце покорилось...»	Перевод В. Коломийцева . . .	14
20.	«Пусть роза пахнет, — разве ощущает...»	Перевод М. Фромана	15
21.	«Тебя люблю я, — неизбежна...»	Перевод В. Коломийцева	15
22.	«Гуляю меж цветами...»	Перевод А. Блока	15
23.	«Как луна дрожит на лоне...»	Перевод А. Блока	16
24.	«Альянс священный прочно...»	Перевод А. Блока	16
25.	«Скажи, кто открыл нам времени счет...»	Перевод В. Левика	16
26.	«Ах, как сад благоухает!..»	Перевод В. Левика	17
27.	«Сон ли прежний я лелею...»	Перевод В. Левика	17
28.	«Поцелуями в потемках...»	Перевод В. Коломийцева . . .	18
29.	«Жил-был старый король...»	Перевод Ап. Григорьева . . .	18
30.	«Опять воскрешает мне память...»	Перевод А. Блока	19
31.	«Лунным светом пьяны липы...»	Перевод В. Левика	19
32.	«Через лес, при лунном свете...»	Перевод Т. Сильман	20
33.	«Утром шлю тебе фиалки...»	Перевод В. Коломийцева . . .	20
34.	«Своим письмом напрасно...»	Перевод А. Блока	20
35.	«Не тревожься: наше чувство...»	Перевод Т. Сильман	21
36.	«Мне весна все дни, все ночи...»	Перевод Т. Сильман	21
37.	«Звезды ножками златымп...»	Перевод В. Левика	22
38.	«Весна сурова, сновиденья...»	Перевод Т. Сильман	22
39.	«Я вновь мучительно оторван...»	Перевод В. Левика	22
40.	«Цветут желаясь нежно...»	Перевод В. Коломийцева . . .	23
41.	«Протянулось надо мною...»	Перевод В. Коломийцева . . .	23
42.	«Застыло сердце в скуке безотрадной...»	Перевод В. Коломийцева	23
43.	«Осень. Пал туман на долины...»	Перевод В. Левика	24
44.	«Небо, как всегда, невзрачно!..»	Перевод В. Коломийцева	24

РАЗНЫЕ

Серафиппа

1.	«Поздно вечером брожу я...»	Перевод В. Левика	25
2.	«На пустынный берег моря...»	Перевод В. Левика	25
3.	«Я белую чайку вижу...»	Перевод В. Клюевой	26

4. «Что я любим, я знаю...»	<i>Перевод В. Коломийцева . . .</i>	26
5. «С каким любопытством чайка...»	<i>Перевод В. Коломийцева</i>	27
6. «Как серна робкая, она...»	<i>Перевод В. Коломийцева . .</i>	27
7. «Мы здесь построим на скале...»	<i>Перевод В. Коломийцева</i>	28
8. «Над побережьем ночь сереет...»	<i>Перевод В. Коломийцева.</i>	28
9. «Призрак страсти, призрак света...»	<i>Перевод В. Клюевой</i>	29
10. «Девница, стоя у моря...»	<i>Перевод Ю. Тынянова</i>	29
11. «На черных ветрилах лстит мой корабль...»	<i>Перевод М. Фромана</i>	29
12. «Как ты поступила со мною...»	<i>Перевод С. Маршака . .</i>	30
13. «Шумящие волны несутся...»	<i>Перевод В. Клюевой</i>	30
14. «У моря сплжу на утесе крутом...»	<i>Перевод А. К. Толстого</i>	30
15. «Все море золотом горит...»	<i>Перевод М. Фромана . . .</i>	31

Анжелика

1. «Взыскан я улыбкой бога...»	<i>Перевод В. Коломийцева . .</i>	32
2. «Ты быстро шла, но предо мною...»	<i>Перевод А. Майкова</i>	32
3. «Нет, прелестная, не верю...»	<i>Перевод В. Коломийцева . .</i>	33
4. «Закрыв глаза ей, алый рот...»	<i>Перевод В. Коломийцева . .</i>	33
5. «Когда я в твоих объятиях страстных...»	<i>Перевод А. Мантейфель</i>	33
6. «В час, когда любовниц милых...»	<i>Перевод М. Фромана</i>	34
7. «Да, ты, конечно, мой идеал...»	<i>Перевод В. Коломийцева</i>	34
8. «Не отвергай! Пусть жар погас...»	<i>Перевод В. Левика . .</i>	35
9. «Карнавал любви безумной...»	<i>Перевод В. Клюевой . . .</i>	35

Дiana

1. «Эта масса чудо-тела...»	<i>Перевод В. Коломийцева</i>	37
2. «Залив Бискайский был ей...»	<i>Перевод В. Коломийцева</i>	37
3. «Посещая часто вас...»	<i>Перевод В. Коломийцева</i>	38

Гортензия

1. «Жил я верю одною...»	<i>Перевод В. Коломийцева . . .</i>	39
2. «Вдвоем на уличном углу...»	<i>Перевод В. Коломийцева . .</i>	39
3. «И в повседневных грезах...»	<i>Перевод М. Фромана . . .</i>	40

4. «Яблоня стоит средь сада...»	<i>Перевод М. Фромана . . .</i>	40
5. «Строю вновь я струны цитры...»	<i>Перевод В. Коломийцева</i>	41
6. «Не долго счастье лгало мне!..»	<i>Перевод М. Фромана . .</i>	41

Кларисса

1. «Оробев, моих признаний...»	<i>Перевод В. Коломийцева . . .</i>	43
2. «Всюду, где ты только ходишь...»	<i>Перевод М. Фромана .</i>	43
3. «Взял бы черт твоих несносных...»	<i>Перевод Л. Варковицкой</i>	43
4. «Не броди по закоулку...»	<i>Перевод Б. Томашевского . . .</i>	44
5. «Нет, слишком поздно! И улыбки...»	<i>Перевод Б. Томашевского</i>	44

Иолапта и Мария

1. «Эти дамы, понимая...»	<i>Перевод В. Коломийцева</i>	46
2. «В которую из двух влюбиться...»	<i>Перевод Ф. Тютчева .</i>	46
3. «Все выпито. Ужин окончился наш...»	<i>Перевод П. Карна</i>	47
4. «Юность кончена. Приходит...»	<i>Перевод В. Левица . . .</i>	47

Эмма

1. «Недвижен, как ствол древесный...»	<i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	48
2. «Сутки должен ожидать я...»	<i>Перевод Д. Горфинкеля . .</i>	48
3. «Хоть один бы поцелуй...»	<i>Перевод Д. Горфинкеля . . .</i>	49
4. «Эмма, молви без раздумья...»	<i>Перевод З. Васильевой</i>	49
5. «Чуть мы вместе — брань и спор...»	<i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	49
6. «Тенью мрачною, густою...»	<i>Перевод Д. Горфинкеля . .</i>	50

Тангейзер

1. «О христиане! Не дайте себя...»	<i>Перевод П. Карна . .</i>	51
2. «А в Риме, а в Риме, во граде святом...»	<i>Перевод П. Карна</i>	53
3. «Рыцарь Тангейзер быстро идет...»	<i>Перевод П. Карна .</i>	55

Песни творчества

1. «Бог вначале создал солнце...»	<i>Перевод Е. Эткинда . . .</i>	59
2. «И господь ответил черту...»	<i>Перевод Е. Эткинда . . .</i>	59
3. «Быков, человека и солнце я создал...»	<i>Перевод Е. Эткинда</i>	60
4. «Принявшись за сотворение света...»	<i>Перевод Е. Эткинда</i>	60
5. «В день шестой сказал всевышний...»	<i>Перевод Е. Эткинда</i>	60
6. «Стихов из пальца не высосешь ты...»	<i>Перевод Е. Эткинда</i>	61
7. «Зачем я создал мир земной?..»	<i>Перевод Е. Эткинда . . .</i>	61

Фридриха

1. «Оставь Берлин, где мгла и пыль густая...» *Перевод Д. Горфинкеля* 62
2. «Рокочет Ганг; сбежав со скал в долины...» *Перевод Д. Горфинкеля* 62
3. «Рокочет Ганг, великий Ганг бурлит...» *Перевод Д. Горфинкеля* 63

Катарина

1. «Одна звезда взошла в моей ночи...» *Перевод В. Клюевой* 64
2. «Хотите, я вас познакомлю с нею?..» *Перевод В. Левики* 64
3. «Как Мерлин в легенде чудной...» *Перевод В. Томашевского* 65
4. «Лежать в объятьях ты рада...» *Перевод Д. Горфинкеля* 66
5. «Люблю я эту бледность тела...» *Перевод В. Коломийцева* 66
6. «Цветов подбавила весна...» *Перевод А. Фета* 67
7. «Мне вчера приснилось, будто...» *Перевод Е. Эткинда* . 67
8. «Привел на этот праздник каждый...» *Перевод Д. Горфинкеля* 68
9. «Не мог я петь и грустью странной...» *Перевод Д. Горфинкеля* 69

На чужбине

1. «Из края в край твой путь лежит...» *Перевод М. Михайлова* 70
2. «Сегодня ты такой печальный...» *Перевод М. Лозинского* 70
3. «И я когда-то знал край родимый...» *Перевод М. Михайлова* 71

Трагедия

1. «Ты к сердцу моему прильни...» *Перевод С. Свяцкого* . . . 72
2. «Весеннею ночью иней упал...» *Перевод В. Клюевой.* . . 72
3. «Липа их могилу тенью покрывает...» *Перевод М. Михайлова* 73

РОМАНСЫ

1. Женщина. *Перевод М. Михайлова* 74
2. Весеннее ликование. *Перевод В. Клюевой* 74
3. Чайльд Гарольд. *Перевод М. Лозинского* 75
4. Заклятье. *Перевод В. Клюевой* 75
5. Из письма. *Перевод В. Левики* 76
6. Злосчастье. *Перевод В. Клюевой* 77

7. Anno 1829. <i>Перевод В. Левика</i>	78
8. Anno 1839. <i>Перевод М. Лозинского</i>	79
9. Рано утром. <i>Перевод Е. Эткунда</i>	80
10. Рыцарь Олаф. <i>Перевод Е. Книпович</i>	80
11. Русалки. <i>Перевод В. Левика</i>	83
12. Бертран де Борн. <i>Перевод В. Клюевой</i>	83
13. Весна. <i>Перевод В. Левика</i>	84
14. Али-Бей. <i>Перевод А. Майкова</i>	84
15. Психея. <i>Перевод Э. Васильевой</i>	85
16. Незнакомка. <i>Перевод П. Карпа</i>	86
17. Смена. <i>Перевод В. Левика</i>	87
18. Фортуна. <i>Перевод В. Клюевой</i>	87
19. Жалоба старонемецкого юноши. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	88
20. Оставь меня! <i>Перевод М. Михайлова</i>	88
21. Фрау Метта. <i>Перевод В. Левика</i>	89
22. Встреча. <i>Перевод В. Левика</i>	91
23. Гаральд Гарфагар. <i>Перевод М. Михайлова</i>	92

Подземное царство

1. «Лучше было б не жениться!» <i>Перевод М. Козмичева</i>	93
2. «На стуле из золота, высясь над адом...» <i>Перевод М. Козмичева</i>	93
3. «И пока их вздохи прячет...» <i>Перевод М. Козмичева</i>	94
4. «Стой, довольно просьб и жалоб...» <i>Перевод М. Козмичева</i>	95
5. «И мнится мне, что затаилась...» <i>Перевод М. Козмичева</i>	96

OLLEA

1. Ишачество. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	97
2. Символика вздора. <i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	98
3. Спесь. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	100
4. Странствуй! <i>Перевод С. Маршака</i>	101
5. Зима. <i>Перевод Т. Сильман</i>	101
6. У камна. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	102
7. Напрасное томление. <i>Перевод Т. Сильман</i>	103
8. Елена. <i>Перевод В. Томашевского</i>	103
9. Умные звезды. <i>Перевод Л. Варковицкой</i>	103
10. Ангелы. <i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	104

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Доктрина. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	105
2. Адам Первый. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	105
3. Предостережение. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	106

4.	Бывшему гетманцу. <i>Перевод Т. Сильман</i>	107
5.	Тайна. <i>Перевод В. Клюевой</i>	107
6.	На прибытие ночного сторожа в Париж. <i>Перевод В. Левики</i>	108
7.	Тамбурмажор. <i>Перевод Е. Эткинды</i>	109
8.	Вырождение. <i>Перевод В. Левики</i>	110
9.	Генрих. <i>Перевод Б. Томашевского</i>	111
10.	Жизненный путь. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	112
11.	Новый госпиталь для сынов Израиля в Гамбурге. <i>Перевод Д. Минаева</i>	112
12.	Георгу Гервегу. <i>Перевод Е. Эткинды</i>	113
13.	Тенденция. <i>Перевод Вс. Роздественского</i>	113
14.	Ребенок. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	115
15.	Большие обещания. <i>Перевод С. Маршака</i>	116
16.	Подкидыш. <i>Перевод В. Левики</i>	116
17.	Китайский император. <i>Перевод П. Карпа</i>	117
18.	Церковный советник Промстей. <i>Перевод Д. Минаева</i> . .	118
19.	Ночному сторожу. <i>Перевод Е. Эткинды</i>	118
20.	К успокоению. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	119
21.	Мир навыворот. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	120
22.	Просветление. <i>Перевод В. Клюевой</i>	121
23.	Погодите! <i>Перевод С. Маршака</i>	122
24.	Ночные мысли. <i>Перевод М. Михайлова</i>	122

ДОПОЛНЕНИЯ К «РАЗНЫМ»

Анжелика

1.	«О, как быстро возникает...» <i>Перевод М. Фромана.</i> . . .	127
2.	«Счастлив я, когда ты душу...» <i>Перевод Т. Сильман</i> . . .	127
3.	«Не страшись души, отрада...» <i>Перевод М. Фромана</i> . .	128

Кларисса

1.	«Вновь с истерзанной душою...» <i>Перевод А. Энгельке</i> . .	128
2.	«Соловьи в лесах беспечно...» <i>Перевод А. Энгельке</i> . . .	129
3.	«Весна идет и брачный пир дарит...» <i>Перевод А. Энгельке</i>	130
4.	«Упаси вас бог от зноя...» <i>Перевод А. Энгельке</i>	130
5.	«С полным правом, ангел мой...» <i>Перевод М. Фромана</i> .	130
6.	«Ты презрительно смеешься...» <i>Перевод В. Арнс</i>	131

Иоланта и Мария

«На груди цветы в три цвета...» <i>Перевод Б. Томашевского</i>	131

Китти

1. «Весь день я в уладах небесных провел...» <i>Перевод В. Левика</i>	132
2. «Наши души остаются...» <i>Перевод З. Васильевой</i>	132
3. «Вчера блеснуло счастье мне...» <i>Перевод В. Левика</i>	133
4. Былое счастье. <i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	133
5. «Бежит все дальше барка...» <i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	134
6. «Китти вянет! Эти щеки...» <i>Перевод П. Карпа</i>	134
7. «Желтеет древесная зелень...» <i>Перевод А. Фета</i>	134
8. «Те глаза, что мной забыты...» <i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	135
9. «Тщеславье молвит: «Ты любим!»...» <i>Перевод В. Левика</i>	135
10. «Прекрасен блеск закатного солнца...» <i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	136
11. «Волнует сердце безмерпо...» <i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	136

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1840—1850 годов

1. Гимн. <i>Перевод П. Карпа</i>	139
2. Германия. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	139
3. «Сова изучала пандекты...» <i>Перевод Т. Сильман</i>	140
4. Политическому поэту. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	141
5. «О Гофман, ты — Брут немецкий!..» <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	141
6. Георгу Гервегу. <i>Перевод В. Клюевой</i>	142
7. Хвалесные песни королю Людвигу. <i>Перевод Ю. Тынянова.</i>	142
8. Новый Александр. <i>Перевод В. Левика</i>	145
9. Силезские ткачи. <i>Перевод В. Клюевой</i>	148
10. Наш флот. <i>Перевод В. Левика</i>	148
11. Романское сказание. <i>Перевод О. Румера</i>	150
12. Торжественная кантата. <i>Перевод В. Левика</i>	150
13. Михель после марта. <i>Перевод В. Левика</i>	153
14. «В моей любезной отчизне...» <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	154
15. Рационалистическое толкование. <i>Перевод Т. Сильман</i>	155
16. По эту и по ту сторону Рейна. <i>Перевод Д. Минаева</i>	155
17. Крик сердца. <i>Перевод В. Левика</i>	155
18. Избавитель. <i>Перевод В. Левика</i>	156

**ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, РОМАНСЫ,
ФРАГМЕНТЫ 1828—1850 годов**

1. «Сердца людские рвутся...» <i>Перевод А. Оношкович-Яцyna</i>	159
2. К девичнику. <i>Перевод М. Кузьмина</i>	159
3. «В разных формах возникаю...» <i>Перевод В. Арнс</i>	161
4. Берта. <i>Перевод М. Фромана.</i>	161
5. Изменница Луиза. <i>Перевод В. Ключевой</i>	162
6. «Я много творю песнопений...» <i>Перевод В. Арнс</i>	163
7. Холодные сердца. <i>Перевод А. Энгельке</i>	163
8. «Как изящна соразмерность...» <i>Перевод А. Энгельке</i>	165
9. «Очи, смертные светила!..» <i>Перевод М. Фромана</i>	165
10. «Зазвенело в песне звонкой...» <i>Перевод М. Фромана</i>	166
11. «В чем значенье желтой розы?..» <i>Перевод М. Фромана</i>	166
12. «Нам часто бывает и грустно...» <i>Перевод А. Энгельке</i>	166
13. «Человек от этого счастлив...» <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	167
14. «От глупых девушек трудно мне...» <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	167
15. В соборе. <i>Перевод М. Фромана.</i>	167
16. «Если ты связан интимно с дамой...» <i>Перевод М. Фромана</i>	168
17. «Спокойно море под луной...» <i>Перевод В. Ключевой</i>	168
18. Бегство. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	169
19. Прощай. <i>Перевод Д. Минаева.</i>	169
20. Где? <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	170
21. Песнь песней. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	170
22. К Дженни. <i>Перевод М. Фромана.</i>	172
23. Рано утром. <i>Перевод А. Энгельке</i>	173
24. «Причудам дерзостно и смело...» <i>Перевод В. Левики</i>	173
25. Селимене. <i>Перевод М. Фромана</i>	174
26. К дочери возлюбленной. <i>Перевод М. Фромана</i>	174
27. Ведьма. <i>Перевод М. Кузьмина</i>	175
28. «Руки чмокать, шаркать ловко...» <i>Перевод М. Фромана</i>	176
29. «Жил черт, и черт из важных...» <i>Перевод В. Левики</i>	176
30. Ответ. <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	176
31. «Идет конец — в том нет сомненья...» <i>Перевод В. Левики</i>	177
32. «Друг, что слышу! Распростился...» <i>Перевод Т. Сильман.</i>	177
33. «Земные страсти, что горят нетленно...» <i>Перевод М. Тарловского.</i>	178

ПОЭМЫ

АТТА ТРОЛЛЬ. <i>Перевод В. Левика.</i>	181
Варианты и дополнения к «Атта Тролль» <i>Перевод</i> <i>В. Левика</i>	253
ГЕРМАНИЯ. <i>Перевод В. Левика.</i>	265
Варианты и дополнения к «Германия». <i>Перевод В. Левика.</i>	331
Комментарии <i>Н. Берковского</i>	339

Генрих Гейне
Собрание сочинений, т. 2

Редактор Б. Б. Томашевский
Художник Л. С. Хижинский
Художественный редактор
А. М. Гайденков
Технический редактор
Л. А. Чалова
Корректор В. Н. Вишнякова

Сдано в набор 20 XII. 1956 г.
Подписано к печати 13. III. 1957 г.
Тираж 85 000 экз. Бумага
84×108¹/₃₂—12,75 печ. л. 20 91
усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17,95.
Заказ. № 1857. Цена 10 р. 50 к.

Гослитиздат.
Ленинградское отделение.
Ленинград, Невский пр., 23.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
2-я типография «Печатный
Двор» им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 27.